ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

КИТ ДАФФИЛД

18+

ГОСТИНИЦА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Гостиница
Кит Даффилд

Аннотация
Кит Даффилд. Гостиница
Бет. Лондон, Англия
Флетчер. Кремниевая долина, Калифорния
Джорди. Рио-де-Жанейро, Бразилия
Бет. Лапландия, Финляндия
Флетчер
Джорди
Бет
Флетчер
Бет
Джорди
Бет
Флетчер
Бет
Джорди
Флетчер
Бет
Джорди
Флетчер
Бет
Флетчер

Джорди
Флетчер
Джорди
Бет
Бет
Флетчер
Бет
Флетчер
Джорди
Джорди
Бет
Флетчер
Джорди
Бет
Флетчер
Джорди
Бет
Флетчер
Джорди
Флетчер
Флетчер. Рио-де-Жанейро, Бразилия
Джорди
Бет. Танджунг-Ру, Лангкави, Малайзия
Йоханна. Психиатрическая лечебница Грурко, Центральная Финляндия
Хенрик. Тюрьма Линдхаген, Северная Швеция

Благодарности

Аннотация

Что общего может быть у миллионера из Кремниевой долины, горячей бразильской красотки и пары британских молодоженов? Однажды судьба сведет их всех на краю земли, в роскошном отеле среди лесов холодной Лапландии.

Уникальная гостиница приветствует своих гостей. На первый взгляд все в ней служит одной только цели – сделать отдых незабываемой сказкой. Но сказка потихоньку превращается в ад. Словно какой-то злой гений решил показать гостям темную сторону их души, вытас кивая на свет неприглядные тайны и играя на слабостях.

Кит Даффилд пишет леденящие душу психологические триллеры с захватывающими и непредсказуемыми сюжетами.

Впервые на русском!

Кит Даффилд
Гостиница

Kit Duffield
THE HOTEL
Copyright © 2025 by Kit Duffield
This edition is published by arrangement with Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Светланы Першиной
Оформление обложки Ильи Кучмы

© С. В. Першина, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 Издательство Азбука®

* * *

Посвящается Пип, моей подруге по приключениям

Меня зовут Хенрик Хайлендер.

Добро пожаловать в самую необычную гостиницу мира!

Мы делаем все по-другому.

Мы уникальны.

Большинство гостиниц безлики, анонимны, лишены индивидуальности, но «Кувастин» не такова.

Здесь, в чарующей лапландской глуши, мы принимаем гостей в духе двадцать первого века. Как близких людей, которых прекрасно знаем. Наше гостеприимство — штучный товар.

В гостинице «Кувастин» пейзажи, звуки и даже запахи — ваше идеальное отражение. Они сотканы из ваших лучших воспоминаний, созданы по вашему образу.

Войти в наши двери — все равно что посмотреть в зеркало.

Kuvastin *(фин., устар.)* — зеркало (от глагола *kuvastaa* — отражать).

Наверное, вы задаетесь вопросом: как у нас это получается? Кто дает нам ключ к этим воспоминаниям?

Вы.

Расскажите нам о себе.

Теперь, когда ваш номер уже забронирован, вы будете вести этот зеркальный дневник и делиться с нами самыми дорогими воспоминаниями. Рассказывать нам, что за люди, места, мечты сделали вас такими, какими вы стали.

Мы же в ответ отразим их для вас.

В этом нам помогут внимание к каждой мелочи, опыт и любовь.

Мы начнем с ДОМА.

Откуда вы? Что привлекает вас в том городке, мегаполисе или деревне, где вы обосновались? Чем зацепило вас это место?

Как оно отражает вашу индивидуальность?

Расскажите о доме, который стал для вас родным.

Бет. Лондон, Англия

Груди у нее идеальные: не только правильного размера, но и красивой формы. Такие как раз поместятся в ладони. Увеличиваю фото, разглядывая загорелую точеную фигурку. Неужели правда бывают столь плоские животы? Как доска для серфинга!

«Облака такие разные» — гласит подпись.

Ну конечно, @sugarsmile55, на облака-то я и смотрю. По-моему, любому ясно, что они тут ни при чем.

Отхлебываю теплого чая. Дверь спальни приоткрыта. Слышно, как шумит душ. Фоном бормочет радио.

Возвращаюсь к фотографии в телефоне Джеймса. Под ней он оставил три язычка пламени. Этот коммент почему-то еще противнее, чем те, в которых были настоящие слова, — такой ленивый. При виде него мне сразу вспоминается, как Джеймс поправляет хозяйство у себя в трусах, когда мы смотрим телевизор.

Глядя на себя в зеркало, трогаю мешки под глазами. А интересно, какая @sugarsmile55 без

макияжа? Это уже четвертая полуголая инфлюенсерша, которую Джеймс оценил, с тех пор как проснулся.

«Такая горячая… Богиня… Ты супер, детка!»

Вот чем он занимался, пока я за нас двоих проходила регистрацию онлайн.

Щеки горят. Сама виновата! Лезешь в мобильник мужа — готовься увидеть сиськи.

— Эй, принцесса!

Прячу телефон под одеяло. В дверном проеме, завернувшись в полотенце, стоит Джеймс.

— Не знаешь, где мой паспорт?

До вылета всего пять часов, а он только вспомнил.

— Во втором ящике, рядом с батарейками.

Муж босиком, на цыпочках, роняя на пол капли воды, подходит к комоду и тянет ящик на себя, но тот, как обычно, заедает. У нас в квартире вся мебель такая — дышит на ладан. Я сто раз писала хозяйке, но она ничего менять не хочет.

Допивая чай, смотрю в щель между ветхими шторами нашей спальни и слушаю, как монотонно ворчит внизу главная улица. Перивейл вгоняет меня в депрессию. Мы здесь лишь по одной причине: агент сказал, что есть квартира в Илинге, но, как оказалось, Илинг мы позво-

лить себе не можем. У нас и на Перивейл едва хватает.

— Вот он! — победно машет мне паспортом Джеймс и сильными ударами ладони загоняет ящик на место. — Надо бы заставить хозяйку — пусть чинит.

Все его университетские друзья живут в Ислингтоне, Хайбери или Ноттинг-Хилле. На вечеринках советуют нам «приподняться в плане недвижки», как будто мы без них об этом ни разу не думали. А сами потом разъезжаются на такси по домам, подаренным родителями по случаю окончания универа.

— Где этот чертов телефон? — наморщив лоб, оглядывается Джеймс. — Можешь позвонить?

Шарю под собой:

— Кажется, я на нем сижу.

Достаю мобильник. Джеймс бросает на меня быстрый взгляд, от которого внутри все сжимается. Закрыла я вкладку с бюстом той девицы? Ладно, все равно не заметит.

Разблокирую планшет.

«Загадочный магнат Хенрик Хайлендер открывает двери своего главного шедевра, гостиницы „Кувастин“, — читаю заголовок статьи в „Re: Style“, моем любимом журнале о культуре; внизу

шикарная фотография: дом на фоне исполинских черных деревьев, окна мерцают в сумерках. — Шведский отельер поведает нам обо всем…»

«В две тысячи двадцать третьем году Хенрику Хайлендеру пришлось нелегко. В его новой роскошной гостинице только началось бронирование номеров, когда репутацию „À Vous“, блестящей парфюмерной империи Хайлендера, пошатнул скандал, связанный с тестированием косметических продуктов и приведший к тому, что один из нечистых на руку сотрудников отправился в тюрьму за нарушение прав животных. По словам Хенрика, пережить это время ему помогла непоколебимая поддержка близких — жены Йоханны, которой скоро исполнится сорок пять, а также их взрослой дочери Инки.

— Мои девочки — все для меня, — заявляет он бархатным скандинавским баритоном, пока мы прогуливаемся по сверкающему лобби гостиницы. — Они мои путеводные звезды. Дело с тестированием на животных было весьма неприятным, и мне очень жаль, что все это творилось прямо у меня под носом. Но рядом со мной, как всегда, встали Инка и Йоханна. Мы прошли через испытания вместе. Без них меня бы здесь не было.

И это больше чем слова: как выясняется, „Кувастин“ — семейное дело. Двадцатисемилетняя Инка выполняет обязанности консьержа, а Йоханна, финская художница, является специалистом по культурным связям, поскольку родилась там, где расположена гостиница (в регионе под названием Сюнккасало, что в переводе означает „темная чаща“). Весь проект в целом представляет собой сочетание старого и нового — овеянная легендами древняя земля радушно приняла современное место отдыха, которое, как считает Хенрик, изменит наши представления о том, каким может и должна быть гостиница.

— В „Кувастине“ каждая деталь — от музыки до угощения на столе — вдохновлена вашими лучшими воспоминаниями. Это революция в гостеприимстве.

Разумеется, стопроцентно индивидуальный подход недешев. Цены на шикарные номера, которых всего пятнадцать, стартуют от восьми тысяч фунтов за ночь и резко идут вверх, но Хайлендер полон оптимизма относительно слезоточивого ценника.

— Того, что предлагаем мы, не купить больше нигде, — спокойно объясняет он. — Чем мы старше, тем хуже удерживаем в уме образы, звуки и

запахи из наших воспоминаний, но „Кувастин“ возвращает людям эти драгоценные моменты в их первозданном состоянии. Для наших гостей такой обмен — бесценная услуга.

Пропустив по рюмочке финского виски в подземном баре, мы гуляем по художественной галерее гостиницы, и Хенрик объясняет, почему он, как никто иной, достоин возглавить эту революцию.

— Работая в качестве парфюмера над первой коллекцией индивидуально подобранных ароматов, я научился слушать и понимать людей. Отражать их. Таково мое искусство. Таков мой дар.

Повернувшись ко мне, он делает паузу.

— В каком-то смысле мы знаем наших гостей лучше, чем они сами».

Под цитатой — фотография Хайлендера. Седые волосы, дизайнерская щетина. Глаза как гранит.

Хорошо помню, когда впервые услышала о его гостинице. Это было на банкете у Джоно и Офелии, в их четырехэтажном таунхаусе в Примроуз-Хилл, накануне моего девичника. Офелия, которой родители оплатили свадьбу на побережье в Амальфи — там на одно шампанское ушло тысяч тридцать, — весь вечер донимала меня

вопросами о том, кто где сядет, какие будут ножи для торта и разносила я уже свадебные туфли или нет.

— Бет, где вы проведете медовый месяц? Снова домашний отпуск? Мы видели у вас в инстаграме[1] фото из… ну, из той забавной гостиницы. Она в Уэльсе, кажется? Так необычно!

Знаю я, что они обо мне думают. Бедняжка Бетти, выпускница государственной школы. Джеймс пригрел ее из жалости. Не сказать, что у его родителей много денег, — они продали дом, чтобы оплатить его обучение, — но все его друзья почему-то относятся ко мне так, будто я тяну его на дно и могла бы уж, на худой конец, быть дочкой миллионера, чтобы нам не пришлось жить над забегаловкой, где подают жареную курицу. И в тот вечер, когда они болтали о столовых приборах, шестизначных бюджетах и самых прибыльных вкладах, это было заметно, как никогда.

Я много выпила. Самой себе казалась ничтожной и жалкой, пока сидела и представляла ту

---

[1] Сноски: 1

Деятельность американской транснациональной холдинговой компании *Meta Platforms, Inc.* по реализации продуктов — социальных сетей *Facebook* и *Instagram* запрещена на территории Российской Федерации. *(Примеч. ред.)*

убогую гостиницу в Аберистуите. Мне, кстати, нравилась тогда идея в медовый месяц отправиться с рюкзаками в поход по Малайзии. Но я боялась даже упомянуть об этом, зная, что Офелия подумает, будто нормальный отдых мы себе позволить не можем, или скажет, что мы собрались «бомжевать» по хостелам. Джеймсу было все равно — такие вещи его не заботят, — а мне орать хотелось. Пришлось идти в туалет и там поматериться на свое отражение в зеркале.

Пока мы ели десерт, разговор зашел о северном сиянии. Кто-то недавно вернулся из тура по Исландии, и Офелия завела речь о богатом парфюмере, который открыл уникальную гостиницу где-то в финской глуши. В этой гостинице каждая деталь связана с вашими воспоминаниями. И за ночь в самом дешевом номере с вас возьмут восемь тысяч, не успеете порог переступить.

Мы вернулись домой, и, пока Джеймс выхрапывал из себя виски, я несколько часов просидела на кровати, тупо листая ленту. В конце концов то ли случайно, то ли потому, что технологические компании и правда за нами следят, мне попалась реклама «Кувастина», и я нажала ссылку. Просто чтобы себя помучить.

Там ко Дню святого Валентина в две тысячи

двадцать пятом рекламировали выходные для влюбленных — романтический отдых в сверкающей зимней сказке, идеальный для молодоженов. Однако цену указали неверно: три ночи по две тысячи за ночь. Деньги все равно огромные, зато всего лишь четверть от обычной стоимости, да к тому же в дни повышенного спроса. Это какой-то глюк. Я одна вижу цену или другие тоже? Если закрыть окно и вернуться, скидка не исчезнет?

В какую-нибудь другую ночь, когда я не выпила бы столько пино-нуар, сколько вешу сама, и не провела бы без малого пять часов под снисходительными взглядами владельцев трастовых фондов, я, наверное, не сделала бы того, что сделала.

Я внесла депозит — половину суммы. Три тысячи фунтов.

Джеймсу не сказала, во сколько все обойдется (а он и не спросил — вот до какой степени ему наплевать). Когда мама перечислит мою долю наследства, там плюс-минус должно хватить. Предполагалось, что мы отложим бабушкины деньги на покупку дома. Но ипотеку в Лондоне нам все равно не потянуть, так что какой смысл?

Главное, оно того стоит! Потому что будут комментарии в моих соцсетях, когда друзья Джеймса

поймут, где мы. Потому что мы побываем в «Кувастине» первыми. Потому что хотя бы в этот единственный раз все остальные будут завидовать нам.

И возможно, если я смогу придать нашей семейной жизни волнующий, гламурный, достойный инстаграма вид, Джею не захочется больше листать фото голых девиц перед сном.

— Я готов. — Он застегивает ремень и ослепительно улыбается. — Наш выход!

Эта знакомая кривоватая усмешка бьет мне прямо в сердце. Он ведь и правда старается иногда. Он совсем не плохой.

— Все нормально? — спрашивает Джей, убирая с моего лица прядь волос.

Киваю, и он чмокает меня в лоб:

— Такое бывает раз в жизни?

— Раз в жизни.

Мы берем чемоданы, и я напоследок оглядываю спальню: облезлые плинтусы, колонию зеленоватой плесени на потолке. Что за люди будут в гостинице? Какую жизнь они ведут? Как делают деньги?

Поймут ли с первого взгляда, что мы — самозванцы?

Флетчер. Кремниевая долина, Калифорния

Я веду рукой по прохладной серой столешнице, повторяя линии мраморных прожилок. У чаши со свежей питахайей останавливаюсь, внимательно изучаю подушечки пальцев — на них тончайший слой пыли.

— Свет!

Отзываются споты над головой. Я стою в центре просторной кухни, оглядываю мебель, полки, декор на стенах. Для тех, у кого глаз не наметан, в этом доме идеальный порядок. Все безделушки на своих местах, окна без единого пятнышка. Покой и безмолвие, как в библиотеке. Но я-то чувствую: что-то здесь не так.

Вот ты где! На маленькой полке над холодильником одна из чашечек для эспрессо выступает из ряда. Подхожу — полированный пол отзывается эхом на каждый шаг — и аккуратно поправляю чашку.

В кармане гудит телефон.

Зара (ассист.)

Машина скоро будет.

Из-под этого сообщения ко мне взывает целая партия других, но я прячу телефон в карман. Еще одна встреча — и я в самолете, а почту будет проверять Зара.

Поворачиваюсь к безупречно чистому панорамному окну и долгим взглядом смотрю на холмы, пышные кроны деревьев, здания Сан-Хосе, что коробочками теснятся на горизонте. Я много месяцев не высовывал носа из Кремниевой долины, и если бы я был собственным психотерапевтом — а это во многих смыслах так и есть, — то сделал бы упор на то, что смена обстановки освежает ум. Правду сказать, Долина не слишком хорошее место для жизни, но, раз уж основал технологическую компанию, приходится терпеть.

Если подумать, я еще ни разу не выбирал себе место по душе. Все мои жилища были отражением обстоятельств: родительский дом в Бель-Эйр, школа-пансион, безликая спальня в Стэнфорде, потом череда съемных квартир в Долине. И вот наконец я построил собственный дом. Не уверен, где жил бы, если бы серьезно задался этим вопросом. Кроме Золотого штата, я ничего не знаю.

Потому-то меня и привлекла Финляндия. Дале-

кая, морозная, за тысячи миль от Калифорнии. Эта поездка — как прыжок в холодный бассейн.

— Выключи свет.

Споты снова гаснут. Ворота открываются, во двор въезжает седан. Я в последний раз оглядываю дом, похлопываю по нагрудному карману, проверяя, там ли паспорт, и тянусь за чемоданом. На полу возле ноги лежит сухой лепесток.

Мысленно делаю пометку: Заре — уволить домработницу.

В такой бардак я возвращаться не могу.

— Мы живем в шумном и сложном мире, — говорю я приятным, уверенным голосом, обводя взглядом толпу: врачей в разноцветных медицинских костюмах, чиновников городского совета, местных журналистов.

Тут и там торчат фотоаппараты на треножниках.

— Как бы банально это ни звучало, мы — цивилизация людей, обладающих самыми развитыми средствами связи и при этом невероятно одиноких. Разрешить это противоречие становится все труднее.

День сегодня прохладный и ясный. Февральский бриз ласкает кроны высоких пальм вокруг больничной парковки. Справа от меня к двум ла-

тунным столбикам привязана натянутая красная лента — символическая граница между почетными гостями и новеньким блестящим зданием за моей спиной. По бокам от его стеклянных дверей расположены цифровые табло, на которых крутится реклама: старик и старушка обнимают друг друга, молодая женщина с надеждой смотрит на экран ноутбука.

Внизу слоган: «Все начинается в „Смол-ток“»[2].

— Я изучал психологию, потому что хотел понять людей, — продолжаю, подняв правую руку.

Во время выступлений всегда слежу, чтобы левая рука лежала на кафедре, так никто не видит моего врожденного дефекта.

— Из этого настойчивого желания родился бренд, и сегодня благодаря «Смол-ток» более трех миллионов людей в мире получают онлайн-терапию на доступном языке, свободном от профессиональных терминов.

Фраза вызывает всплеск аплодисментов, но я жестом призываю к тишине.

— Мы, конечно, горды этим фактом, но сегодня речь не о нас. Речь о «Крыле индиго» — современной площадке, которая в грядущие десятилетия

---

[2] Сноски: 2

«Смол-ток» (от *англ.* small talk) — легкая беседа.

преобразит качество поддержки ментального здоровья в городской больнице Буэна-Виста.

Эту речь или ее версию я произносил бесчисленное множество раз. Я финансировал и открывал медицинские центры, школы, музеи и всегда был в центре внимания прессы. В прошлом году в посвященной мне статье журнал «Знак времен» объявил меня одним из самых завидных женихов Америки, и с тех пор я стал мемом. Посторонние люди ведут себя со мной так, будто мы хорошо знакомы. Будто бы по цитатам и афоризмам из моего интервью можно понять, каков я на самом деле.

— Правда в том, — говорю, наклонившись ближе к микрофону и понизив голос для задушевности, — что все мы скрываем от мира какую-то часть себя. Это болезненно как для самого человека, так и для его близких, но мы надеемся, что сотрудничество «Смол-ток» и команды «Индиго» поможет самым разным людям сбросить маски и предстать перед миром без страха.

Снова вскипают аплодисменты. Я позволяю себе улыбнуться.

— А теперь, к большому сожалению, мне придется вас покинуть, поскольку сегодня я улетаю в Финляндию. Я решил изменить многолетней

привычке и взять отпуск.

Пробегает рябь вежливого смеха.

— Я оставлю вас со следующей мыслью.

Наступает выжидательная тишина. Журналисты поднимают диктофоны.

— У каждого есть секреты. Тайные страсти, годами бесплатно квартирующие в наших умах.

Я встречаюсь взглядом с молодым человеком в первом ряду; он, кажется, медбрат.

— Но если с нашей помощью люди смогут выселить незваных гостей и оставить в прошлом тайны, отравлявшие им жизнь, тогда здесь, в «Крыле индиго», мы на своем месте. И мы делаем мир лучше.

Под шум заключительных аплодисментов подхожу к ленте. Вокруг теснятся фотографы, больничный персонал, начальник моей службы безопасности. Директор подает мне огромные ножницы. Обвожу взглядом море радостных лиц: улыбки сияют, глаза широко раскрыты. У этого парня есть все, думают они. Он победил в игре.

Подношу ножницы к ленте и выдавливаю из себя улыбку. Затворы фотоаппаратов клацают, а я, разомкнув лезвия, стараюсь не замечать свой внутренний голосок, который снова задает все тот же старый, навязчивый вопрос.

Как ужаснулись бы эти люди, узнав, кто ты на самом деле, Флетчер Рен?

Я разрезаю ленту.

Джорди. Рио-де-Жанейро, Бразилия

В белом свете кольцевой лампы я поднимаю подбородок, любуясь своей работой. Все линии, все контуры идеальны. Нос — узенький треугольник, скулы — темные, четкие. Надуваю губы, глядя в зеркало. Думаю с довольной улыбкой: «Да я б сама себя трахнула».

А сообщения все идут. Я только что запостила первую фотку со вчерашней сессии в золотистом бикини — три полоски блестящей ткани едва прикрывают мои соски и промежность, — и волна любви захлестывает мой телефон.

> ТЫ ОГОНЬ
> самая горячая девочка в Бразилии
> выходи за меня!!!
> проверь личку

Собираюсь уже отвернуться, но тут замечаю новый коммент. Манера знакомая. Улыбаюсь краешком губ. Этот *cretino* уже не первый день меня троллит!

Башенки?! твой дом = отстой

Фотосессию в бикини мы снимали во дворе, который объединяет три крыла дома, и за спиной у меня виден ряд терракотовых башенок, торчащих над помещением, где расположен домашний кинозал. Но если этот случайный девственник думает, что я буду за них извиняться, ждать ему придется долго.

Может, @grand_theft_porno, ты вернешься ко мне, когда поселишься в собственном особняке с семью спальнями, пейзажным бассейном-инфинити и частным кинотеатром, и все это — в двадцать два года? Вот тогда и обсудим, какой отстой мой дом.

Говнюк.

Отправляю его в бан и переворачиваю телефон экраном вниз. Сейчас нет настроения писать ответы, мальчишки подождут. Их это еще сильнее заводит.

Смотрю на свое отражение. Искусственные ресницы тяжелые, так и хочется моргнуть. Смахиваю с губы пылинку финишной пудры. «Отстой»? Да этот неудачник наверняка живет у мамочки в подвале! Наверное, дрочил, пока писал коммент. Не знает, откуда я родом. Не знает, что я пережи-

ла, чтобы попасть сюда.

Закрываю глаза. Сердце колотится как бешеное, и я дышу глубже — надо успокоиться. Он — никто, пустое место. Какая разница, что он там думает о моем доме? Кого вообще волнует его мнение?

И вдруг я вижу ее — серый призрак, пойманный темнотой под веками. Маму.

Она всегда такая, когда приходит: плывет ко мне по воздуху, шевелит губами, будто хочет что-то сказать. Зажмуриваюсь. Она подлетает ближе, запрокидывает голову — и поперек шеи разевается, как рот у куклы, длинный, блестящий от крови разрез…

— Джорди!

Я снова в реальности. Сердце чуть не выскочило, руки дрожат. Роюсь в хаосе косметички. Среди палеток с тенями и пустых вейпов нахожу оранжевый пузырек и вытряхиваю россыпь таблеток на ладонь. Вот они. Крошечные, белые, так и светятся на фоне темной кожи. Закинуться еще парой-тройкой — и сразу полегчает.

«А помнишь, что было в прошлый раз, когда ты превысила дозу?»

— Джорди, он здесь! — кричат мне снаружи на португальском.

Высыпаю таблетки обратно в пузырек, подъ-

езжаю на стуле к открытому окну. Внизу, в окружении чемоданов и сумок, стоят мои ребята, Роза и Матео. Позади них — длинный белый «хаммер».

— О, эм… поднимайтесь! Поможете мне.

В спальне они сразу наводят суету. Это все из-за водителя, — оказывается, он уже десять минут как здесь и нервничает: до аэропорта быстро не доедешь. Отмахиваюсь — подождет, это его работа. Поручаю им отнести мой багаж в машину, а сама публикую свежачок.

— Намасте, возлюбленные[3].

Цифры в окошке растут — семьдесят пять, шестьсот, три тысячи, больше, — и я дышу ровнее, сердце бьется медленнее. Делаю самое соблазнительное лицо.

— Сегодня мы улетаем в Европу, в волшебную страну под названием… Лапландия.

По-фински я не говорю, долгие перелеты и холод ненавижу, но в инстаграме эта роскошная гостиница сейчас жутко популярна, и мне нужно там засветиться. Сначала они набивали себе цену. Когда мое агентство закинуло удочку на тему сотрудничества брендов, нам ответили, что

---

[3] Сноски: 3

Намасте (санскр.) — индийское и непальское приветствие, которое можно перевести как «поклон тебе».

«„Кувастин“ в настоящее время не ищет связей с публичными фигурами вроде мисс Сантьяго», но потом внезапно передумали. Я получила персональное приглашение, с оплатой всех расходов, на пятидневный отдых в честь Дня влюбленных, с пометкой «плюс один». Как будто мне надо привезти с собой кого-то типа «мужа».

Мы сказали, что будет «плюс два», и они не стали бодаться.

Так я очистила расписание Матти и Розы, бахнула десять штук на дизайнерские меховые шмотки и позаботилась о том, чтобы все, кто хоть что-то собой представляет, знали: я вот-вот заеду в самую горячую гостиницу планеты.

— Да-да, мы сейчас на неделю улетаем в «Кувастин», и первый перелет длится, не знаю, пятнадцать часов, реально, так что я на какое-то время пропаду. А вы там смотрите не остывайте!

Боковое окошко заполняют комменты.

> у меня уже встал
> надо мужика, чтобы грел тебя в лаплнди
> проверь личку

— Когда приедем в гостиницу, сделаю одно объявление — бомбическое, — но придется подо-

ждать, ок? Мне пора, лимузин ждет. Люблю вас, мальчики.

Посылаю воздушный поцелуй и останавливаю запись, тянусь к выключателю на лампе. Замираю, увидев в зеркале свое отражение. Вспоминается Вила-Сомбра — фавела, где я выросла: крысы, мусор, вонь тухлой рыбы. Пристально, не моргая, смотрю на себя.

«Джордана, мать твою! Ты красавица! Уж постарайся, чтобы все об этом помнили!»

«Архитектура, — сказал немецкий мыслитель Иоганн Вольфганг фон Гёте, — это застывшая музыка».

И когда вы увидите нашу гостиницу, мы думаем, вы с этим согласитесь.

Однако музыка не только в наших зданиях. Она повсюду.

В ритме городов и потоках приливов. Это стук каблуков по тротуару и гул фабричных механизмов.

Музыка — это машина времени, переносящая нас в другие эпохи, далекие края. Она ключ, который откроет те части нашей жизни, которые иначе были бы потеряны в хаосе старения.

Музыка — это память, мелодия памяти.

И потому теперь в зеркальном дневнике мы обратимся к МУЗЫКЕ.

Какие песни, звуки, симфонии у вас в душе?

Кто из композиторов написал музыку к вашей жизни?

Расскажите о вашей любимой музыке.

Бет. Лапландия, Финляндия

Мы выходим из аэропорта. Воздух морозный, колючий, и я застегиваю до самого подбородка заедающую молнию маминой старой лыжной куртки.

Джеймс оглядывает небольшую парковку:

— И где здесь каршеринг? Наверное, мимо прошли?

— Я не арендовала машину.

— Что? — хмурится он. — Да мы же у черта на рогах!

Перелет из Хельсинки длился почти два часа — два часа над просторами густых безлюдных лесов и заснеженных равнин. Это было словно путешествие в Нарнию.

— Мы не… такой услуги здесь нет.

— Что-то не пойму.

— Сюрприз! — Я сжимаю руку Джеймса в перчатке и бросаю взгляд через его плечо. — Помоги найти семнадцатое место.

Он смотрит на меня с подозрением, но потом тоже начинает искать. Автомобиль мы замечаем одновременно: под табличкой с номером сем-

надцать стоит он — сверкающий темно-синий «ягуар».

Джеймс отпускает мою руку, восклицая:

— Я сяду за руль «ягуара»?! — И устремляется на парковку, жужжа колесиками чемодана.

Схватив свой, спешу следом.

— Вообще-то, за руль не сядет никто.

Джей меня не слышит. Он уже воркует над машиной.

— А где ключи? — спрашивает нетерпеливо, положив руку на лобовое стекло.

Осматриваю левую центральную стойку, вспоминая инструкции в приветственном письме: внизу, по центру, большой палец правой руки. Стягиваю зубами перчатку и нажимаю на сенсор. Приятный мягкий щелчок — и двери разблокированы. Словно миниатюрные крылышки, поднимаются зеркала.

— Да ну на фиг! — Джеймс открывает водительскую дверь и заглядывает в машину. — Быть не может, что я поведу «ягуар». С ума сойти!

— Говорю же, за руль садиться не надо. — Тяну его за капюшон и показываю на задние сиденья. — У нас медовый месяц, а на носу Валентинов день. Мы не на дорогу должны смотреть, а в глаза друг другу.

У Джеймса отвисает челюсть. На крыше авто — футуристического вида приспособа, и он понял, что это камера.

— Этот зверь с автопилотом?

Улыбаюсь до ушей:

— Ну, теперь-то ты хочешь меня, Джеймс Рафферти?

— Я хочу эту малышку.

Джеймс проводит ладонью по сверкающему покрытию, а я в шутку бью его по плечу. Он притягивает меня к себе.

Утыкаюсь носом ему в шею, вдыхаю знакомый древесный сладковатый аромат. Как хорошо, что мы наконец приехали! Вчера был неплохой день — мы провели время в Хельсинки, ходили по магазинам, гуляли в парках, — но медовый месяц по-настоящему начинается именно здесь.

Нам очень понравится, я уверена.

Другие машины нам еще ни разу не встретились. Мы скользим сквозь финскую глушь. Впереди стелется широкая чистая дорога, а слева и справа, точно башни, возвышаются сосны и ели. Чуть слышно шепчет электроника, заснеженный лес безмолвен. Здесь, вдали от шумного, загазованного Лондона, просто нереальная тишина и небо кажется бесконечным.

Рулевое колесо крутится само по себе, будто им управляют невидимые руки. Место, где находится «Кувастин», держат в строгом секрете — на гугл-картах его нет, а геотеги в соцсетях запрещены, — и мы не знаем точно, куда направляемся. Мы отданы на милость нашего робота-шофера, безликого дроида, выполняющего программу.

— Просто сказка, — с благоговением шепчет Джеймс, когда в просветах между деревьями на секунду взмывают горные вершины и мелькает большое застывшее озеро цвета отполированного кварца.

Я веду пальцем вниз по стеклу:

— Красота, правда?

— В повороты входит идеально!

Вскидываю голову и возмущенно смотрю на него. Джеймс в ответ улыбается, как школьник. Иногда он очень напоминает моего отца.

— Наверняка тут можно поймать «Скай спортс». — Подавшись вперед, он стучит пальцем по экрану между спинками передних сидений.

Я морщу нос. Непонятно, он меня дразнит или в самом деле хочет посмотреть бильярд?

Ну точно как папа.

Провожу рукой по кожаной обивке цвета сливок — на ощупь она мягкая, теплая. Наверное,

стоило предвидеть, что Джеймс влюбится в «ягуар», а не в пейзажи. И винить его нельзя — автомобиль производит впечатление. После того как мы сложили багаж и сели, нужно было только нажать «Старт» на сенсорном экране — и мы отправились в наш тайный пункт назначения. Машина заботится обо всем. Время от времени она даже говорит смутно обольстительным женским голосом: сообщает, сколько времени осталось до конца поездки, или спрашивает, комфортна ли температура в салоне.

Когда мы выехали с парковки аэропорта, на экране автоматически запустился видеоролик. Похоже, его начало было привязано к нашим координатам (а это значит, не без удивления отмечаю я, что персоналу гостиницы точно известно, где мы находимся). Я думала, покажут стандартную рекламу «Кувастина», но это оказалось персональное приветствие от самого Хенрика Хайлендера.

— Бет и Джеймс, добро пожаловать в потрясающую, волшебную Лапландию! — начал он, сидя с бокалом бренди у рояля в роскошном баре. — Сейчас от главной улицы Перивейла вас отделяет много миль. Лондон знаменит своей зимней погодой, однако ничего подобного вы еще не видели,

поэтому я предлагаю вам устроиться поудобнее и расслабиться. Наслаждайтесь поездкой. Мы с нетерпением ждем вашего прибытия.

Маленький аэропорт давно остался позади, кругом густые леса — и тут в колонках начинает играть песня. Мы хорошо ее знаем. Мелодия фортепьяно, похожая на перезвон колокольчиков, то поднимается, то летит вниз, вплетаясь в торжественное звучание струн и потусторонние голоса. Это «Hoppípolla» исландской рок-группы «Сигур роус».

Чувства переполняют меня. Много лет назад мы услышали эту песню в передаче о живой природе на Би-би-си, и я в нее влюбилась. По пятницам вечером Джеймс часто приносит парочку говяжьих стейков и жарит их, а я усаживаюсь на кухонную стойку, включаю музыку и рассказываю, как прошел день. «Hoppípolla» всегда звучит первой. Мы и не заметили, как она стала нашей песней.

Когда Джеймс делал мне предложение, он включил ее на телефоне. Пару часов спустя я опубликовала в инстаграме пост о нашей помолвке — и саундтреком выбрала ее. Было это без малого полтора года назад.

В «Кувастине» свое дело знают.

Мне кажется, будто я снова стою в нашей тес-

ной маленькой гостиной и смотрю сверху вниз на Джеймса. Ткань его брюк морщится под коленом. Каминная полка наспех украшена гирляндой из крошечных лампочек. Он в тот вечер так стеснялся, так мило протянул мне кольцо одной рукой, прижав другую к бедру, чтобы нога не дрожала. Он сказал, что в жизни никого не любил — только меня.

Песня играет, сквозь мечтательный перезвон все громче звучат ударные, и я стараюсь поверить, будто совсем не важно то, что я увидела в телефоне Джеймса на другой день. Всем парням нравится смотреть на обнаженных женщин. Это нормально и в любом случае не имеет никакого значения, потому что наше путешествие будет незабываемым. После «Кувастина» все изменится.

Я вспоминаю пятничные вечера: шкварчание жира, смех, запах стейков. Джей в такт музыке виляет задом и помахивает лопаткой. Мое сердце наполнено до краев.

— Ну надо же, они включили ее! — смеется Джеймс, откинувшись на спинку сиденья; искать спортивные каналы он перестал. — Какое странное совпадение!

Мой взгляд заволакивает дымка, и я смахиваю

слезы:

— Это не совпадение, глупыш…

Джеймс хмурится:

— …Говорила же: это все делает гостиница. Они берут за основу наши воспоминания.

Складка между его бровями становится глубже.

— Но как? Откуда они узнали?

— Я заполнила анкету. Для Хенрика она зеркальный дневник, но ведь я из Шеффилда, а мы там называем вещи своими именами.

— Что конкретно ты им рассказала?

— Точно уже не помню. Всякое о нас: как мы живем, наши соцсети, любимая музыка.

Щеки Джеймса розовеют.

— Ты что… дала такую информацию случайным людям?

— Они не случайные. — Беру его за руку. — Ты послушай, что у них получилось. Это же наша песня!

Он кашляет, прочищая горло.

— Да, конечно… однако… — Нервно пожимает плечами, и его рука выскальзывает из моей. — Не хочу, чтобы незнакомцы шерстили мой инстаграм.

Отводит глаза. Впервые вижу его таким вино-

ватым.

— По-моему, ты драматизируешь, — говорю я, скрестив руки на груди.

— Драматизирую? У них твои отпечатки, принцесса!

— Они все удаляют после отъезда гостей.

Вспоминаю длинное примечание в конце договора. Либо с «Кувастином» кто-то уже судился, либо гостиница принимает все меры, чтобы этого не произошло.

— И вообще, сейчас две тысячи двадцать пятый. Неизвестные люди заходят к тебе на страницу постоянно. Именно так и устроена любая социальная сеть.

Джеймс умолкает и по-прежнему не смотрит мне в глаза. Отворачиваюсь, кусаю ноготь. За окном проносится темный лес. Не могу отделаться от мысли: а вдруг он прав? Я так увлеклась идеей гостиницы, что даже не подумала о том, что кто-то может использовать мои личные данные.

В конце концов, секреты есть у всех. Джеймс — не единственный.

Флетчер

«Ягуар» плавно сворачивает с шоссе на извилистую проселочную дорогу; под зимними шинами хрустит замерзшая земля. Проверяю, есть ли тут связь, — на экране телефона трепещет одна-единственная полоска. Указателями «Кувастин» не отмечен — их тут вообще немного, — и меня не покидает мысль, что в аэропорту я сел в машину с автопилотом, не имея ни малейшего представления о том, куда она поедет.

Этот автомобиль может увезти меня куда угодно.

Дорога вьется среди полей, огибая дряхлые амбары и сгнившие сараи, которые, судя по их виду, заброшены уже много десятилетий.

Впереди простирается лесная чаща. Деревья, укутанные снегом, похожи на армию призраков. Под снежными шапками они кажутся совершенно черными. Между ними пролегает дорога, узкая и неутрамбованная. Вряд ли она ведет в «Кувастин».

Однако машина движется дальше. Мы въезжаем в лес и совсем чуть-чуть сбрасываем скорость.

Деревья теснятся вдоль обочины, тянут к нам длинные ветви. Как-то так получается, что здесь одновременно и сумрачно, и светло. Взглянув на часы, понимаю, что близится закат. Медно-золотое солнце подмигивает из-за стволов, точно далекий маяк, постепенно скрываясь от глаз.

Я зеваю. Весь вчерашний день я провел в Хельсинки, нарочно не спал, чтобы привыкнуть к смене часовых поясов, а сегодня меня одолевает усталость, голова как ватная. Кажется, будто все это сон. Зимний сон, в котором меня окружает сонмище призраков, их покрытые корой пальцы вцепляются в кожу…

Вздрагиваю, очнувшись.

Чувствую взгляд — за мной наблюдают. За окном, в путанице узловатых ветвей, мелькают рога.

— Стоп! — командую автопилоту хриплым после долгого молчания голосом.

Верчусь на сиденье, чтобы не упустить животное из виду. Поездка только началась, и я не ожидал встретить его так рано.

— Это запрещено, — отвечает машина знойным голосом. — Приятного путешествия, мистер Рен.

Какая досада! Мне хотелось получше рассмотреть северного оленя. По крайней мере, я

предполагаю, что это он и был. Говорят, их в Лапландии больше, чем людей, и на сайте «Кувастина» восхваляют местные стада. А этот, похоже, одиночка. Передвигается неуверенно и совсем не грациозно; на одном из отростков рога видно ржавое пятно засохшей крови. Наверное, он ранен или умирает, а сородичи его изгнали.

Мне любопытно. Тянусь к панели управления, опускаю стекло, и в салон льется морозный воздух.

Олень застыл, слился с чащей. Вот и все. Но тут сквозь поскрипывание зимних шин до меня доносится странный звук: гортанный рев, нечто среднее между мычанием коровы и визгом испуганного кота. Прищурившись, растерянно всматриваюсь в заросли. Влажный от слюны рык пульсирует, и в сердце мне закрадывается нехорошее предчувствие.

Я закрываю окно, а машина плавно катится дальше.

Через несколько минут мы выезжаем из леса на окруженную зарослями парковку, и «ягуар» останавливается. Пару секунд я медлю, собираясь с мыслями. Надо бы сегодня лечь пораньше. Массирую усталые глаза; тряхнув головой, прогоняю воспоминания об олене, открываю дверь и

выхожу на холод.

— Ого! — восклицает позади женский голос. — Вау! Божечки!

За моим авто припарковался точно такой же синий «ягуар», оттуда вышли две девушки и парень. Все — в кричаще роскошных меховых шапках и новеньких куртках на гусином пуху от «Канада Гус». Все загорелые, бодрые, у всех, включая парня, безупречный макияж. Здесь, в снегах, они выглядят странно, будто их только что выхватили с пляжа в Майами и запихнули в дизайнерские горнолыжные костюмы.

— Ну разве не чудо? — с акцентом говорит одна из девушек, восхищенно тараща глаза.

До меня доходит, что обращалась она ко мне, и, проследив за ее пальцем, на склоне ближайшего холма, в широкой прогалине между деревьями, я впервые вижу «Кувастин».

Мои брови тоже взлетают вверх. Я достаточно пожил в дорогих отелях, и роскошью меня не удивить, но это место потрясает воображение.

На фоне леса, под сумрачным небом, среди обрамленных камнями водоемов и струящихся водопадов, расположились изысканные здания с крышами в форме стрельчатых готических арок. В центре высится четырехэтажный охотничий

дом со стеклянным фасадом, сложенный из чернильно-черных бревен. Вокруг него разбросаны домики поменьше, соединенные крытыми галереями. Между ними бегут ручьи. За огромными тонированными окнами виднеется внутреннее убранство: минималистичные чаши открытых каминов, роскошные меховые ковры, уютные островки оранжевого света.

Обхожу автомобиль и прижимаю палец к сенсору на багажнике. Пока открывается крышка, снова смотрю на гостиницу, которая на неделю станет моим домом. «Кувастин» — с острыми гребнями крыш, пылающими ямами каминов и вытянутыми во все стороны галереями — словно явился из мрачной сказки. Он похож на огромного паука, сидящего на снегу.

В моем зеркальном дневнике Хайлендер написал, что архитектура — это застывшая музыка, и он был прав. Его гостиница гармонична. Но если бы ее превратили в музыку, она была бы яростной и тревожной, как финал Шестой симфонии Малера. Неистовство скрипок схлестнулось бы в ней с грозным рокотом барабанов.

— В жизни не видела ничего подобного, — добавляет девушка.

Вежливо улыбаюсь в ответ и вытаскиваю из

багажника чемодан.

— Да. Весьма впечатляет.

Она подскакивает ко мне, протягивая руку в перчатке:

— Я Розалина. Роза. Из Бразилии.

Совсем еще молодая — лет двадцати, не больше; кудрявый сгусток неуемной энергии. Интересно, кто за нее платит?

— Флетчер, — пожимаю руку девушки. — Рад знакомству.

— Джорди Сантьяго, — громко объявляет вторая, будто ее кто-то спрашивал.

Она подкатывает к нашей маленькой компании свой золотистый, как шампанское, чемодан и чуть опускает бесполезные солнцезащитные очки. Судя по одежде, богачка тут именно она, однако бренды, которые она выбрала — «Шанель», «Гуччи», — и кремень во взгляде подсказывают, что деньги достались ей не по наследству.

В кармане жужжит телефон.

— Прошу меня извинить. Приятно было познакомиться.

Звонит моя ассистентка. Уходя, слышу, как мисс Сантьяго спрашивает друзей, что это за чопорный сноб.

— Зара, что-то случилось?

Короткая пауза.

— Вам звонит Пол.

— Ладно, соединяй.

На линии становится тихо. Надо мной на провисшей ветке хлопает крыльями ворон и смотрит на меня осуждающе.

— Здравствуйте, мистер Рен. Это Пол.

— Чем могу помочь?

Телефон плюется в ухо городским шумом. Пол, должно быть, где-то на улице, но слышно его плохо, связь то и дело прерывается. Единственная полосочка сигнала на моем экране держится из последних сил.

— Вы, ну… вы не заметили ничего странного, с тех пор как прилетели в Финляндию?

Морщу лоб. Мою службу безопасности Пол возглавляет уже почти десять лет, но мы с ним еще ни разу не говорили по телефону.

— Ты мне звонишь — вот что странно.

— Точно, — невесело усмехается он. — Нет, тут другое… — Кашляет. — Боюсь, кто-то хочет разнюхать о вас побольше. В смысле, о ваших личных делах.

Снова вспоминаю зеркальный дневник Хайлендера: псевдофилософские вопросы о жизни, вкусах, прошлом опыте. На мой взгляд, это было

немного слишком, но я все-таки решил подыграть.

— Это сотрудники гостиницы, Пол. Собирают основную информацию, чтобы создать индивидуальную программу. Ничего такого.

— Ясно, — вздыхает он. — Но мне кажется, это что-то другое, сэр.

Ворон все еще изучает меня, щуря похожие на бусины глаза. Пристально смотрю на него в ответ.

— Продолжай.

— Есть тут один частный детектив по имени Гевин Райт. Он не из Великобритании. Говорят, был как-то связан с парфюмерной компанией, которую привлекли за тесты на животных пару лет назад. А компания эта принадлежит хозяину «Кувастина».

— Да, я читал. Дело неприятное.

Конечно, прежде чем ехать сюда, я изучил биографию владельца. Скандал с тестированием косметики вполне мог потопить это место, тем более что он совпал с началом предварительных продаж, однако Хайлендер, по-видимому, выдержал шторм.

В трубке ревет мотоцикл, и Пол повышает голос:

— Так или иначе… у него сейчас проблемы. У Райта. Алкоголизм, тяжелый развод. Я-то думал, он выбыл из игры, но мне доложили, что он сунул нос в дела «Кувастина»…

Невольно оборачиваюсь к гостинице, меря взглядом ее прочный фундамент и черные стены. Она властвует над округой, будто простояла тут уже сотню лет.

— …учитывая биографию Райта, это все как-то связано с Хайлендером.

— Что ты имеешь в виду? — потираю в раздумье затылок.

— Просто держите ухо востро и…

Его голос тонет в автомобильном гудке. Пол набирает в грудь воздуха.

— У вас не возникало чувства, будто за вами следят?

— Только местная живность, — отвечаю я, думая о пернатом шпионе, сидящем над моей головой, и об олене с окровавленным рогом.

Я пытаюсь шутить, однако мне снова становится не по себе, и настроение портится.

— Если заметите слежку, звоните.

Беззвучно вздыхаю в ответ. Пол всего лишь исполняет свой долг, но ведь я не пробыл здесь и трех минут. Вот тебе и отдых, освежающий

разум.

Возвращаюсь к машине, снег хрустит под ногами.

— Понял, хотя уверен, что ты драматизируешь.

— Такая уж у меня работа, сэр. Приятного отпуска.

Пол вешает трубку.

Джорди

Не нравится мне, как американка на меня смотрел. Знаю я эти взгляды: так обычно смотрят те, у кого деньги от папочки с мамочкой. А в таких местах, как это, подобной публики пруд пруди.

Он меня, конечно, не узнал, да и ладно. Он уже старый (под сорокет?) и явно голубой, так что не мой клиент. Просто я терпеть не могу, когда на меня пялятся, как на белую ворону.

Как там его зовут? Имя такое — частной школой пахнет. Флетчер. По-моему, для чернокожего парня просто адски белое имечко. И одет хорошо. Наверное, банкир или юрист. Или врач. Вырос в любви и заботе, все получал на блюдечке, окончил колледж. В детстве не таскал еду с помойки, и за всю жизнь ему ни разу не пришлось чем-то жертвовать.

— Джорди, Розалина, Матео! Добро пожаловать в «Кувастин»!

На крыльце нас встречает женщина в бордовом брючном костюме, рядом с ней стоят другие сотрудники гостиницы. У входа, как раз над ее плечом, висит латунная табличка с эмблемой:

два одинаковых лица смотрят друг на друга. Это и есть тот самый логотип, который завирусился в интернете.

Я берусь за телефон.

— Меня зовут Инка. Я ваш консьерж, — говорит женщина.

Включаю режим непрерывной съемки, чтобы отщелкать партию селфи на фоне таблички.

— Мы отнесем ваш багаж.

Быстро листаю фотки, удаляя неудачные. Тем временем персонал гостиницы забирает наши чемоданы. И минуты не прошло, а я уже выбрала самое красивое фото, наложила фильтр и запостила на обозрение всему миру.

«Кувастин», зайчики! Снега до фига!
#лучшиемоменты #дорогостильно #селфи

Телефон бомбят уведомления.

— Как прошла поездка? — спрашивает женщина, пока один из сотрудников тянет на себя створки массивных черных дверей и они медленно, бесшумно открываются наружу. — Отсюда до Рио путь неблизкий.

— Боже, да я с ног валюсь! — восклицает Роза, и ее кудряшки подпрыгивают. — Смена часовых

поясов — это не шуточки.

— Что ж, зато теперь вы в раю, — улыбается Инка. — Можете делать все, что душе угодно. Спать хоть весь день и гулять всю ночь.

У нее необычный, слегка гнусавый северный выговор, но ее английский идеален. Видимо, у них тут хорошие школы. А может, она, как я, выучила язык по голливудским фильмам и соцсетям.

— «Кувастин» — само умиротворение. Это единственное жилище на много миль вокруг.

— И правда рай, — соглашается Роза, лучезарно улыбаясь.

— А там тогда что? — Матео показывает на группу темных деревьев вдалеке.

За ними виднеется несколько деревянных, крытых дерном землянок, похожих на холмы гигантских муравейников.

— Ах да, — кивает Инка, — прошу прощения. Почти единственное. — Она покашливает, прочищая горло. — Там расположены традиционные хижины, построенные обитателями этих мест много лет назад. — Ее лицо становится торжественным. — В работе над образом нашей гостиницы нам было важно проявить уважение к богатой истории Сюнккасало и… мм, сохра-

нить связь с древней землей, на которой стоит «Кувастин».

«Инка, хватит гнать пургу».

Она, похоже, пересказывает заранее написанный текст.

— Там реально живут люди? — с круглыми глазами спрашивает Матти и плотнее запахивает куртку.

Я понимаю, тут есть чему удивляться, но ведь он достаточно слышал о моем детстве и должен знать: люди выживают где угодно, если понадобится.

— Теперь уже нет. Эти постройки были заброшены лет шестьдесят назад, когда местное население начало мигрировать в города. Однако мы смогли вернуть деревню к жизни при помощи моей матери Йоханны. — Инка бросает взгляд на домишки за деревьями. — Мама буквально родилась в одной из этих хижин: в самой большой, которая стоит позади остальных. Отец хотел, чтобы она вернулась в родные края, и построил гостиницу на земле ее предков. Загляните как-нибудь в мамину хижину. Пока вы будете сидеть у очага, она угостит вас чашечкой крепкого горячего паннукахви — кофе, приготовленного по-фински.

— Было бы здорово! — кивает Ро, а я смотрю в телефон, который гудит и вибрирует у меня в руке не переставая.

Как обычно, половина комментов под моим селфи из «Кувастина» — предложения. Кто-то отпускает тупые шуточки про снег и про то, как надо меня согреть, но большинство выдают одну и ту же реплику, которая подошла бы к любому старому фото.

Секси, хочешь потрахаться?

— Мама почти не говорит по-английски — ее поколение не выросло в интернете, как наше, — но ей нравится принимать гостей вот так. Это подлинный вкус Лапландии. Только скажите, и мы договоримся о встрече.

— Круто! Правда, Джорди?

— А?

Смотрю на Розу, а перед глазами все еще мелькают бесконечные «давай», эмодзи с высунутыми языками и пламенем.

Ро хлопает ресницами.

— Ну да… — отвечаю, — конечно.

— Ладно, — говорит Инка, хлопнув в ладоши, — пора бы уже и войти.

По ту сторону огромных черных дверей нас це-

ликом проглатывает сумрак холла. Здесь темно и уютно. Темно-зеленые, цвета водорослей, стены освещены лишь редкими точечными светильниками. Я помню эту часть гостиницы из видео в инстаграме — после открытия был опубликован виртуальный тур. На медных крюках висят роскошные шубы, стены украшены грубым декором в стиле современного искусства.

Роза и Матео воркуют друг с другом, у них прямо-таки детский восторг. Но и меня, хоть я не подаю вида, все это впечатляет ничуть не меньше.

На интерьер я смотрю как фотограф: подмечаю освещение, углы съемки, сочетание цветов. Прикидываю, как это будет выглядеть в моей новостной ленте.

Из сумрака мы наконец попадаем в просторный зал, где находится зона приема гостей. Уходящее солнце заливает его янтарным светом сквозь гигантские окна. Инка ведет нас к стойке администратора, где ожидает своей очереди какая-то девушка.

Заметив нас, она меняется в лице. С таким выражением на меня смотрят постоянно, означает оно «а я вас, кажется, знаю». Обычно так реагируют парни, однако среди моих подписчиков есть

и девушки. Они следят за мной из любопытства, но в основном из зависти. Попадаются и хейтеры, только мне плевать: деньги они приносят точно так же, как все остальные.

— Сейчас выдадим вам ключи, и вы сможете подняться в свои номера, — говорит Инка, постукивая пальцами по экрану планшета. — Хотите что-нибудь выпить?

— Ну… да, — отвечаю я, бросив сумочку на гранитную стойку. — Три двойных синих маття[4] с молочком кешью.

— Минуточку.

Инка указывает на кого-то пальцем. Сотрудник гостиницы ныряет за распашные двери в глубине зала. Оттуда вырывается шум кухни: шаркают о точильные камни ножи, переговариваются на незнакомом языке повара. Смотрю на улицу. Солнце в этих краях садится рано, и потому даже при таком обилии окон свет быстро уходит.

Облокачиваюсь на стойку, и мои браслеты звякают, коснувшись серого камня.

— Есть вопрос.

Инка в ответ поднимает брови.

— Наш номер смотрит на юг?

---

[4] Сноски: 4

Маття — азиатский порошковый чай.

Бет

Кажется, я знаю эту девушку. Определенно, ее лицо мне знакомо.

Она досадно хороша собой, и это не простенькая домашняя красота. У нее внешность порнозвезды, как это модно сейчас: густые брови, узенький носик, рабочие губы.

Я совсем не удивлена, что здесь оказалась настоящая знаменитость. Киноактеры, футболисты и ведущие кулинарных шоу не первый месяц расхваливают «Кувастин», и я вполне серьезно задавалась вопросом, не встретим ли мы кого-нибудь из них. Но где же я могла ее видеть?

Украдкой рассматриваю девушку. Ее черные как смоль волосы нереально блестят, струятся по меховой отделке дорогой куртки, спускаясь до самой талии. Тело спрятано под зимней одеждой, но чувствуется, что все изгибы и округлости у нее на месте. Держится она уверенно, смотрит свысока. У некоторых девушек умение так себя вести в крови: внимание окружающих они воспринимают как должное.

На ней тонна косметики, и трудно представить,

какая она на самом деле. Со всеми этими контурами, тенями и бронзером она выглядит как оживший инстаграмный фильтр. Но я уверена, что, если смотреть на нее вблизи и без макияжа, от ее красоты онемеет даже взрослый мужчина.

— На юг? — повторяет сотрудница гостиницы за стойкой, хлопая глазами.

Она привела гостей и одета получше, чем коллеги. Скорее всего, это и есть консьержка. К слову, нам она так и не представилась.

— Ага. — Девушка машет рукой в сторону высоченного окна с видом на лес. — В этих местах темно, как в аду, а мне понадобится золотой час.

До меня наконец доходит. Она же актриса из того нового сериала, что мы смотрим на «Нетфликсе»! Играет бунтарку, лидершу, которая борется за права женщин в Южной Америке. Ее там зовут Мартой, кажется. Да, Мартой.

Вознаграждаю себя довольной улыбкой. Ну конечно, это звезда «Нетфликса»! Вот почему она ведет себя по-хозяйски.

— Да, я вас прекрасно понимаю, — смотрит в планшет консьержка. — Боюсь, что сам по себе ваш люкс выходит не совсем на юг, но в гостинице много общих зон, которые отлично освещаются солнцем в течение дня.

Со вздохом вытаскиваю телефон и начинаю просматривать сообщения.

Мы ждем почти десять минут. Джеймсу в итоге стало скучно, и он пошел искать бильярдный стол. Все внимание персонала сосредоточено на этой девушке. Три или четыре сотрудника слоняются вокруг, на случай если ей потребуется еще один фантастический латте. Может, среди отельеров у нее репутация скандалистки и они просто осторожничают?

А может, думаю я, вспоминая о скидке за номер, сколько заплатил, на столько тебя и обслужат?

— Погодите, так солнца не будет?

Консьержка очень медленно качает головой, будто и правда чувствует раскаяние. Она почти такая же хорошая актриса, как Марта.

— К сожалению, нет.

— Тогда я хочу поговорить с вашим менеджером. С тем седым стариком из журналов.

— Мистера Хайлендера вы увидите сегодня за ужином. Отец всегда знакомится с новыми гостями в первый вечер.

Двери за стойкой приоткрываются, и выходит официант, держа в руках поднос с лавандово-синим напитком. В пене нарисованы листочки клевера. Так вот он какой — маття.

— Мне он нужен сейчас, — требует Марта.

Консьержка выпрямляет спину:

— В этом нет необходимости. Мы сами сможем решить вопрос.

Один из спутников Марты — худенький парень с мягкими чертами, которому на вид нет и двадцати, — делает к ней шаг.

— Джорди, может…

Девушка поднимает руку, он умолкает, а она смотрит на консьержку, вздернув подбородок:

— Вы знаете, кто я такая?

Женщина медленно вдыхает, словно делает йогу.

— Да.

— Тогда вы должны понимать, как важен для моего бизнеса золотой час. Я инфлюенсер. Мне. Нужно. Общаться. С аудиторией.

Прячу телефон в карман и смотрю по сторонам. Не терпится привлечь внимание, но всех затянуло на орбиту Звезды. Выпускаю воздух сквозь неплотно сжатые губы и случайно встречаюсь глазами с другом Марты. Он робко улыбается мне. Кажется, паренек он неплохой. Что он делает в компании столь неприятной особы?

За стойкой официант, который принес чай, шепчет что-то на ухо консьержке. Та успокаи-

вается.

— Мы сможем вас переселить, мисс Сантьяго. Всех троих. — Она быстро набирает что-то в планшете. — Номер пятнадцать. Это потрясающий люкс. Вам очень понравится.

Марта пьет свой фиолетовый напиток и, кажется, не слушает.

— Мисс Сантьяго?

— Да, хорошо. Спасибо.

— Номер скоро будет готов. Могу я пока предложить вам экскурсию по гостинице?

Марта кивает — наконец-то она довольна. Я смотрю, как она перекидывает через плечо прядь блестящих волос, и в моей голове, будто неоновая надпись, вспыхивают слова, которые она сказала консьержке.

«Я инфлюенсер».

Меня бросает в жар. Эта девушка — не актриса.

Вспоминается утро в нашей квартире и комментарий, оставленный Джеймсом в инстаграме. Он отправил его, пока я сидела рядом, вчитывалась в мелкий шрифт в рекламе аренды снегоходов и просматривала расписания поездов. «Ты супер, детка», — написал он под фотографией какой-то абсолютной богини, даже не девушки, а сказочной секс-куклы с яркими глазами, сверкающими

на фоне загорелой кожи, и руками, сведенными так, чтобы грудь выглядела еще соблазнительней.

Мисс Сантьяго.

Она одна из моделей, по которым Джеймс чахнет онлайн. Одна из тех полуголых девиц, которых он пожирает глазами, когда мы вместе лежим в постели и я разбираю рабочую почту на ноутбуке, или оплачиваю счета, или планирую отпуск. Когда он думает, что я не вижу его экран.

Закрываю рот липкой от пота рукой. Джеймс может вернуться в любую секунду. Меня, кажется, тошнит.

Флетчер

У лифта я прикладываю к сенсору палец, попутно окидывая взглядом коридор. В нескольких метрах от меня купается в бассейне теплого света абстрактная скульптура, высеченная из розового мрамора: округлые мускулистые очертания напоминают обнаженное мужское тело в позе эмбриона или, быть может, каменный кулак. Работа превосходна, ее приняла бы любая крупная галерея от Нью-Йорка до Парижа, но вместо этого она торчит здесь, в девственной глуши, за много миль от цивилизации.

Опускаю руку в карман, и браслет часов от «Hublot» легонько чиркает по ткани. За свою жизнь я успел заработать и потратить не один миллион долларов. Уж я-то знаю цену вещам. Рискну предположить, что шубы из чернобурки, висящие в холле, стоят одиннадцать тысяч каждая. Холст в лобби — большая картина Деккера из серии «Летящие» — заработала бы на аукционе как минимум тысяч восемь. Плита на стойке администратора, вероятно, сделана из цельного куска норвежского голубого гранита, а за такую

придется отдать двадцать пять тысяч, если не больше.

Хенрик Хайлендер не шутит. Он знает, как потратить деньги. Похожего эффекта можно было добиться, используя более дешевые материалы, и та бойкая кудрявая девчушка, которую я встретил снаружи, ни за что бы не заметила разницы. Однако в этой гостинице каждый уголок обставлен с шиком.

«Я познал роскошь, — как бы заявляет хозяин миру, — и „Кувастин“ — ее воплощение».

А это, если опасения начальника моей службы безопасности небеспочвенны, означает одно из двух: либо Хайлендер что-то доказывает, либо что-то скрывает.

— Добрый день, мистер Рен, — говорит лифт, открывая передо мной окованные медью двери. — Вы направляетесь в свой номер?

— Да.

— Я доставлю вас туда.

Шагаю внутрь, и меня обступают мои отражения в зеркальных стенах кабины. Глаза слипаются после долгой дороги, но в общем и целом я неплохо выгляжу в своем элегантном синем шерстяном костюме в мелкую клетку. На лацкане прилипла ресница. Аккуратно подцепив

ее, замираю на секунду — в зеркале видна моя левая рука. Двум пальцам недостает фаланги. Это «синдром амниотических перетяжек»: врожденное нарушение, при котором в плодном пузыре образуются тяжи, обвивая растущий плод и перекрывая кровоток. Состояние невероятно редкое и в моем случае почти безобидное.

Большинство людей, даже моих знакомых, понятия не имеют об этом крошечном несовершенстве, но я думаю о нем каждый день.

— Послушайте музыку, — предлагает лифт, начиная плавное бесшумное движение.

Из невидимых колонок плывет мелодия — нарастающий рокот струнных в окружении мрачных кларнетов. Я хмурюсь, глядя в зеркало. Это «Остров мертвых» Рахманинова. По дороге сюда робот-автопилот порадовал меня «Взлетающим жаворонком» Ральфа Воана-Уильямса. Этим произведением я наслаждаюсь довольно часто — о чем и написал в своем зеркальном дневнике, — а вот «Остров мертвых», который тоже прекрасно знаю, не слушал уже много лет. И тому есть причины.

Директор моей частной школы был склонен к меланхолии. Каждое утро, когда мы собирались на линейку в большом зале, он включал клас-

сическую музыку, и эта симфония, отразившая мрачные думы об уделе смертных, была его любимой.

Струнные набирают силу, трубы плачут, и я переношусь обратно, прямо в тот зал с высоким потолком, к скрипу кожаных туфель по паркету и потупленным взглядам одноклассников.

От совпадения пробирает дрожь. Дневник для Хайлендера я заполнял поздно ночью, после шестичасовой встречи, поэтому не помню в точности всего, что там написал. Однако же очень сомневаюсь, чтобы я упомянул это произведение. Неприятные воспоминания, связанные с ним, до сих пор преследуют меня.

— Пожалуйста, выключи, — прошу я, но меня еле слышно, голос почти погребен под ревом оркестра.

Мне теперь противен мой шерстяной костюм — от него все чешется, он будто бы стал мне тесен. По спине сороконожкой пробегает тревога.

А Рахманинов все мчится без остановки, и тут в зеркале происходит что-то невероятное.

Мое отражение начинает меняться. Оно на глазах приобретает другую форму, кости черепа двигаются под кожей. Щетина исчезает, а короткие кудрявые волосы, плавно от корней,

поднимаются в аккуратное афро — прическу, которую я носил ребенком. Контур скул становится мягче — это как обратный фейслифтинг. И когда музыка взрывается пронзительным диссонансом, я в изумлении открываю рот.

Время движется вспять!

С пересохшим горлом касаюсь тонированного стекла, и под пальцами возникают белые светящиеся пятна. Они расходятся кругами, словно капли молока в воде, а я верчу головой, наблюдая, как мой молодой двойник делает то же самое. Это, должно быть, нечто вроде дополненной реальности, какой-то технологический фокус. В зеркале установлена программа. Возможно, генеративный искусственный интеллект накладывает более молодое изображение на мое настоящее лицо. Хитрая штука, хоть и нервирует. Еще одна строка в списке баснословных трат Хайлендера. Но как они добыли фото? Ничего такого я не посылал. Я в этом уверен!

Взволнованно смотрю на двенадцатилетнего себя.

«Очнись, маленький волшебник. Ты ведь не боишься темноты?»

— Ваш номер — второй по коридору слева, — сообщает лифт, плавно останавливаясь.

Музыка стихает, двери разъезжаются в стороны, но я не двигаюсь. Сердце гулко бьется, на лбу выступил пот.

— Приятного вечера, — игриво добавляет голос.

Юный двойник исчезает, сменяясь настоящим отражением. Не замечая ничего вокруг, я пячусь к выходу и налетаю на кого-то.

Бет

Незнакомец, выходя из лифта спиной вперед, врезается в меня, и мы оба чуть не падаем. Я извиняюсь, но он качает головой:

— Нет-нет, это лишь моя вина. Простите.

Мужчина расправляет плечи. Он очень высокого роста и так красив, что засмотреться можно. У него проницательные карие с зеленым глаза, коротко стриженные черные волосы, выбритые на висках.

Он отряхивает пиджак, на вид совсем не дешевый.

«Ну разумеется, Бет, костюм у него дорогой. Здесь кругом одни богачи».

— Ничего страшного, — отвечаю я, краснея без причины.

Топчусь на месте, не зная, в какую сторону пойдет мужчина.

— Только после вас, — произносит он с американским акцентом.

Говорит учтиво, как люди из высшего класса. И я вдруг понимаю, что видела его где-то. Вот это нам везет на знаменитостей! Однако этот парень

— не звезда. Мне просто знакомо его лицо.

— Спасибо.

Подталкиваю Джеймса, и мы идем дальше. Все его внимание поглощено спортивным приложением в телефоне, и, наверное, он даже не заметил нашей встречи с известным человеком. Иногда он теряет связь с реальностью.

Глядя на мужа, увлеченного результатами крикетных матчей, вспоминаю фотографии, которые выдал поисковик, пока я в одиночестве стояла у стойки администратора. Загорелое тело Джорди Сантьяго, ее огромные восхитительные глаза, выражение лица, которое, кажется, означало одновременно «возьми меня» и «не вздумай со мной шутить». К тому времени, как Джеймс вернулся в лобби, она давно ушла, но здесь всего пятнадцать номеров. Рано или поздно мы с ней пересечемся.

— Ну вот, — объявляет Джеймс, подняв голову, когда мы подходим к седьмому номеру. — Где ключ?

Я вздыхаю: не слонялся бы по гостинице, знал бы.

— Дверь распознает твое лицо. Посмотри в камеру.

Он хмурит брови:

— У них есть мое фото?

— Джей…

— Помню, помню. Его удалят.

Он смотрит в крошечную камеру на уровне глаз, и замок тихо щелкает.

— Ладно, беру свои слова назад. Это круть.

Дверь открывается очень легко — стоит только ее коснуться, и она скользит над роскошным ковром цвета гальки. Нашим взглядам предстает просторный номер.

Я хватаю ртом воздух от восхищения. Комната имеет форму высокого треугольника, она почти как храм. По сторонам тянутся длинные деревянные стропила и уходят вверх метров на шесть, если не больше. Скошенные стены украшены великолепным каменным декором и полками, на которых выстроились книги в твердых переплетах. Тут и там с балок свисают оранжевые лампочки. На другом конце комнаты — безупречно чистое окно во всю ширину стены, за ним расположена отдельная терраса, а вдали чернеет лес. Деревья лениво покачиваются на фоне неба.

— Мамочки! — нервно смеется Джеймс.

— Неплохо, правда?

Я думаю о золотистом чемодане Джорди, о ее безупречной дизайнерской одежде и напоминаю

себе, что мы заплатили только четверть цены. Наверное, это самый дешевый номер во всей гостинице. Какие же тогда люксы?

— Ты посмотри на эту кровать…

Джеймс падает на матрас лицом вниз, раскинув руки, и роскошное постельное белье цвета графита собирается вокруг него складками. Кровать просто огромная, на ней найдется место пятерым. Даже с растопыренными руками и ногами Джей не дотянулся до краев.

Плоский экран на противоположной стене показывает приветствие: «Добро пожаловать, Бет и Джеймс! Счастливого медового месяца!» Под ним сменяют друг друга наши свадебные фотографии, а фоном звучит «Mushaboom» Лесли Файст. Сидя на краешке кровати, глажу рукой роскошное стеганое покрывало. Принюхиваюсь: в воздухе витает какой-то изысканный аромат. Нежная фруктовая сладость и цветочные нотки. Готова поклясться, что так пахнет астильба сорта «цветущий персик». Они не забыли даже о наших свадебных цветах!

На экране появляется большая групповая фотография с нашего торжественного приема: перед домом на лужайке, уходящей под уклон, выстроилась сотня гостей, и кажется, что все они сейчас

повалятся друг на друга. Вот и я сама, зажатая в центре, между родными и друзьями, стою с такой напряженной лыбой, будто у меня на затылке прищепка. Стройнее, чем на этом фото, я была только в универе, и все-таки среди девчонок я самая толстая.

— Это ведь был наш первый танец?

Взъерошенный Джеймс лежит, опираясь на локти. Файст в колонках щебечет, распевая о мужчине и доме, где вы будете вместе строить будущее.

— Как сейчас помню, — раздраженно отвечаю я.

— А Фили тут неплохо получилась, — рассеянно замечает он, глядя на экран.

Там уже новое фото — с Офелией, которая хохочет своим хрустальным смехом в свете осеннего солнца, держа изящной рукой высокий бокал шампанского. А еще она бегает марафоны, да. Просто удивительно, как часто это всплывает в разговоре.

— Мне нравится, когда у нее такая прическа, — добавляет Джеймс, кивая в такт музыке.

Он легонько тычет в меня ногой.

— А знаешь, я начинаю понимать, что ты имела в виду насчет этого места. Здесь и правда кажется,

будто мы вернулись туда.

Мы улыбаемся друг другу, и я стараюсь не зацикливаться на ее тонких пальцах и сияющей коже.

— А там что? Джакузи?

Джеймс подскакивает, словно заяц, и спешит к раздвижным дверям, ведущим на террасу. Иду за ним. Он стучит пальцем по стеклу, показывая на ванну из темного камня в укромном уголке, там, где расступаются деревья. Рядом видна стальная лестница — она тянется с балкона, расположенного над нашим, и уходит вниз, на первый этаж. Вот странно! Зачем она? Должно быть, для персонала.

— Нереально! — шепчет Джеймс, и стекло покрывается паром от его дыхания.

Его взгляд устремлен в пространство между кронами деревьев. Ванна установлена так, что из нее открывается вид на морозную тундру — суровый мир, где мы, несомненно, погибли бы за считаные минуты, если бы нам не повезло там застрять. Я смотрю в бескрайние просторы и думаю, до чего же это глухое место. Как далеки мы здесь от цивилизации!

— Принцесса! — присвистнув, говорит Джеймс. — Этот номер, наверное, стоит косми-

ческих денег.

Не люблю, когда он так меня называет. Это прозвище Джеймс подхватил от моего отца, который звал меня принцессой. Но если бы я и правда была такой уж распринцессой для него, он бы не обошелся с нашей семьей по-свински.

— Номер не из дешевых, — признаюсь я с замиранием сердца. — Однако нам он по карману.

— Да и вторая почка тебе не очень-то нужна.

— Нет, просто… — смотрю на него с досадой, — у нас есть бабушкины деньги.

— Господи, Бет! — поворачивается ко мне Джеймс. — Мы собирались купить дом, забыла? Мои родители не могут помочь нам деньгами, ты ведь знаешь. — Он запускает пальцы в волосы. — Но ты же не все потратила?

— Ну, нет.

Старательно избегаю откровенной лжи. Нет, я потратила не все. Пока что.

— К тому же смотри. — Кладу его руку себе на ладонь и накрываю другой. — Мы никогда себя не балуем. Только слушаем, как Офелия и Джоно буквально каждый уик-энд заводят песню про Гонконг и Мальдивы. А теперь и нам будет что рассказать.

— Никаких песен Фили не заводит.

Высвободив руку, Джеймс притворяется, будто ему интересно, что за книги стоят на полке, а я бью себя пальцем по губам. Ненавижу, когда он называет ее Фили.

— Выпьем? — предлагаю игриво, чтобы сменить тему.

У окна на столике из матовой стали стоит ведерко со льдом, из которого торчит горлышко бутылки. Беру ее, и Джеймс оборачивается на перестук ледяных кубиков.

— Да, конечно, — говорит он, и я протягиваю бутылку ему; на ковер падают капельки воды. — Главное, чтобы шампанское не включили в счет.

— Не включат. Это подарок.

— Ты хотела сказать, это входит в стоимость номера. — Джей проводит пальцем по горлышку. — Мы уже заплатили.

— Кому-то пора менять памперс.

Он снимает фольгу. Старается быть серьезным, но я-то знаю, что под моим взглядом ему не устоять. Вот уже и губы подрагивают — он еле сдерживает улыбку.

— Ага! — чмокаю его в щеку. — Понимаю, конечно, что пить шампанское в свой медовый месяц — тяжкое испытание, но ты уж постарайся хоть немного порадоваться!

Джеймс наклоняется и целует меня в губы. По телу словно пробегает электрический разряд, и вот мне уже хочется любви. Прямо сейчас. Обычно я не так легко воспламеняюсь, но мы ведь молодожены в роскошной гостинице на краю земли!

Если бы это было кино, мы непременно занялись бы страстным сексом и я сидела бы сверху, извиваясь и запрокидывая в экстазе голову.

— Выглядит дешево, — ворчит Джеймс, прокалывая шарик моих фантазий. Он рассматривает этикетку. — Могли бы разориться хотя бы на «Моэт».

Тут я впервые замечаю, что это за шампанское, и к щекам приливает кровь. Дешево — это еще мягко сказано.

— Оно из «Лидла». — (Я больше не чувствую себя похотливой кошечкой.) — Стоит одиннадцать девяносто девять, насколько помню.

Услышав его смешок, спрашиваю:

— Что?

На экране призрачно светится фото: Джей стоит с друзьями по универу, прижимая к себе Офелию.

Он замечает, куда я смотрю.

— Погоди… Такое шампанское мы пили на

нашей свадьбе!

— Так ты там был?

— А вообще, это даже мило, — пропускает он мою колкость мимо ушей и ставит два бокала на обтянутый кожей комод, откупоривает бутылку. — И как они только узнали? Та шипучка нам досталась просто даром.

Что за человек этот Хенрик Хайлендер? Я ведь не упоминала «Вдову Делатр» в анкете — его сотрудники выяснили все сами. Должно быть, заметили бутылку на фото в моем свадебном альбоме на фейсбуке и заказали вино онлайн специально для нас. А значит, им известно, что мы на самом деле вовсе не богачи… и что мы нашли самое дешевое шампанское, чтобы на свадебном завтраке гостям не пришлось есть жалкие бутербродики с ветчиной и сыром.

В горле стоит комок. А вот Джорди Сантьяго точно не пьет шампанское за двенадцать фунтов.

— С Днем святого Валентина!

Джеймс вручает мне бокал, и мы чокаемся. Сделав глоточек, беру телефон — пора щелкнуть селфи.

Пристраиваюсь рядом с Джеем:

— Подними бокал повыше.

Никто еще не знает, что мы приехали в «Кува-

стин». Университетской компашке Джеймса я говорила, что мы пока думаем и копим деньги. Я хотела их ошарашить, усыпить бдительность: пусть себе ожидают, что мы пришлем фото с пляжа на северном побережье. Будем стоять на ветру с лицами в каплях дождя и с пенопластовым подносом в руках, на котором остывает жареная картошка под кислым соусом.

Офелия с ума сойдет, когда увидит, как вышло на самом деле.

— Ну давай уже, — подгоняет Джеймс, пока я исполняю всем известный танец с вытянутой рукой, стараясь поймать хороший ракурс.

— Секунду. Так у меня четыре подбородка.

Мне, конечно, не все равно, как я получаюсь на фотографиях, но сейчас меня волнует совсем другое: нужно сделать так, чтобы бутылку шампанского было видно, а этикетку — нет. Хочу идеальный снимок.

Щелкаю несколько раз, а затем склоняюсь над экраном, выбирая лучший фильтр. Уже не терпится запостить фото. Следуя моему примеру, Джеймс разблокирует свой телефон и начинает скроллить. В глубине души я чувствую себя виноватой за то, что в такой торжественный момент скрючилась над смартфоном, пытаясь

впечатлить в соцсетях людей, которые мне даже несимпатичны. Однако я так долго мечтала об этом и теперь хочу насладиться триумфом. Фото получилось что надо: огромная кровать, стильный номер, терраса и горы в лиловой дымке за окном. Наши сияющие улыбки. У нас такой счастливый вид, мы похожи на заядлых путешественников, объездивших весь мир. И мы такие влюбленные!

Подписываю фото.

> Не могу не поделиться. Привет из «Кувастина»!
>
> #шампанское #медовыймесяц #лучшиемоменты

Жму «Отправить», почти дрожа от предвкушения, и замираю в ожидании. В Лондоне сейчас вечереет. Офелия скоро и сама щедро угостится шампанским по случаю Валентинова дня. Наверное, закусит блинчиками с копченым лососем под пение Дуа Липы во встроенной аудиосистеме.

Представляю, как она выпрямляется, держа на отлете свой телефон, и делает такое лицо, будто «Поль Роже» вдруг прокисло прямо у нее во рту.

«Бог ты мой! Представляешь, Джоно? Джеймс и Бет — в „Кувастине“! Откуда, черт побери, у них

деньги?»

Делаю большой глоток шампанского. Сто процентов, эта новость сотрет улыбку с ее идеального личика!

— Ну как же так? «Эвертон» не выпустит Маккериджа в стартовом составе?

Джеймса поглотил калейдоскоп инстаграмной ленты. Спортивные новости, дебильные пранки, и, конечно, не стоит забывать о Джорди Сантьяго.

На сердце становится тяжело. В какой-то момент он узнает, что она здесь, что девушка его мечты живет с нами под одной крышей, обедает в том же ресторане, плавает в том же бассейне. И когда это случится, мне нужно, чтобы он вспомнил, что любит меня. Я — та самая женщина, которая спит с ним, доставляет ему удовольствие, возбуждает ласками. И это мое имя он страстно кричит в ночной темноте.

Я ставлю бокал, кладу телефон и начинаю расстегивать блузку.

— Алло, — недоумевает Джеймс, — что происходит?

Прикусываю нижнюю губу.

— У нас медовый месяц.

Блузка летит на пол. Терпеть не могу жирок,

что нагуляла после свадьбы, но часть его пошла в грудь, и Джеймсу это нравится.

— Долой одежду, мистер.

Он смотрит с недоверием. Я редко пристаю к нему первой, но он мужчина, и, как только в штанах станет тесно, он забудет о том, что я веду себя странно.

Накрываю ладонью его промежность.

— Чего мы ждем?

Джеймс молниеносно раздевается и ложится на спину.

Стягиваю с себя джинсы и трусики, отбрасываю в сторону лифчик, беру с комода бокал и осушаю его до дна. На цыпочках иду к Джеймсу, чувствуя пальцами роскошную мягкость ковра, и слышу, как на кожаной обивке гудит телефон. Ага! Они увидели мой пост!

Джеймс оглядывает мои бледные округлости, и его зрачки расширяются. Может, я и небезупречна, как Джорди, однако на этот раз победа за мной. Я обвиваю руками его голову, наклоняюсь, чтобы грудь коснулась его лица, и начинаю ласкать его бедра.

Нежно шепчу:

— Я люблю тебя.

— И я… тебя, — хрипло выдыхает Джей, когда я

обнимаю его, дыша ему в волосы.

Я полностью сажусь, вызывая у него сладкий стон, и начинаю нежно двигаться вверх и вниз. Он закрыл глаза, прерывисто дышит, на щеках алеет румянец. Но когда он протягивает руку к моей груди, я случайно замечаю свое отражение в зеркале — призрачно-белое лицо в тонированном стекле, — и с этой минуты все мои мысли крутятся только вокруг нее, Джорди Сантьяго.

Джорди

Все думают, что мне плевать на чужое мнение, что оскорбления, троллинг и сальные взгляды мне как с гуся вода. А на самом деле совсем не плевать, я принимаю все это близко к сердцу. Иногда ночами не сплю, хожу по комнате, листаю сети, пью таблетки. Хочется кожу с себя сорвать.

— Я имел в виду, — говорит мне Матти на португальском, пока мы петляем между деревьями, — что зря ты строила консьержку. Нам и первый номер сгодился бы.

— Ага, — соглашается Роза, чуть не споткнувшись. — Она хотела помочь.

Мы шагаем по мрачному лесу, кольцом окружившему нашу гостиницу. Куртки застегнуты до самого верха, под ногами хрустит рассыпчатый снег. После экскурсии по гостинице Роза уговорила нас отправиться на прогулку, подышать свежим воздухом, пообщаться с птичками, пока готовят наш новый люкс. Люблю Розалину — она чистая, восторженная девушка, — но после такого длинного перелета мне нужен крепкий коктейль, а не прогулки на морозе.

Со вздохом останавливаюсь:

— Послушайте, котятки. Я знаю.

Они переглядываются.

— Что знаешь? — спрашивает, сдвинув брови, Роза. Она похожа на ребенка, который считает в уме.

— Знаю, что вела себя с консьержкой как скотина.

— А, ты об этом. — Она морщит носик. — И что?

Обнимаю обоих за плечи и притягиваю к себе. У Матти и Розы детство было не сахар, но им никогда не приходилось драться за еду. Они не знают, каково это — избить другого ребенка до беспамятства, чтобы не сдохнуть с голоду. Или сидеть в луже собственной мочи, пока рядом истекает кровью твоя мать.

— От людей в этой жизни просто так ни черта не получишь. — Сурово смотрю им в глаза. — Если тебе что-то нужно, придется это отобрать.

Кажется, мои слова их не убедили.

Роза теребит большой палец:

— А вдруг все решат, что мы типа… ужасные люди?

На секунду опускаю глаза, щелкаю языком. Как бы ей получше объяснить?

Показываю на гостиницу:

— Вы представить не можете, как живут эти богатые говнюки. У них есть все: слуги, частные школы, огромные яхты. Они бы ни капли не сомневались, а сразу потребовали и номер побольше, и подушки помягче. Вот и нам сомневаться нечего.

Поочередно смотрю им в глаза.

— Для меня вы двое — самые дорогие люди во вселенной, но вам надо быть пожестче. Говорю это, потому что я вас люблю.

— Наверное, ты права, — смущенно улыбается Матти.

— Тогда идите сюда.

Обнимаю их, и они зарываются лицами в пушистый мех моего капюшона.

Ро вдруг начинает радостно подпрыгивать.

— Смотрите! — указывает она куда-то через мое плечо. — Вон хижины, о которых говорила Инка. Давайте навестим ее мамулю, выпьем горячего кофе.

Я размыкаю объятия, и Матео потирает плечи, чтобы согреться.

— Нужно сначала договориться, Ро. Возможно, ее там нет.

— Ну пойдемте, — надувает губки Роза. — Ну

пожалуйста! Хотя бы проверим, там ли она. Хочется взглянуть, как у них все устроено.

Неуверенно смотрю на Матти. Он пожимает плечами.

Поднимаю руки:

— Ладно, ладно. Уговорила. Идем пить кофе у безумной лесной старухи.

Хижины, чем-то похожие на эскимосские иглу, стоят на поляне, окруженной мохнатыми елями. Они построены из длинных тонких бревен, а сверху покрыты дерном, мхом и листьями, отчего кажется, будто эти хибарки сами собой выросли прямо из-под земли.

Пока мы идем к самой большой из них, у меня появляется нехорошее предчувствие. Мы об этой женщине вообще ничего не знаем, кроме того, что она живет в глуши и очень плохо говорит по-английски. А вдруг она двинутая?

— И что будем делать? — спрашиваю тихо. — Постучим? Или позовем ее? Просто заглянем?

Матти легонько толкает меня локтем:

— Думаю, лучше постучать. Домик такой крошечный. Если она там, услышит.

В хижине только одно мутное оконце, но оно так заляпано всякой липкой дрянью, что сквозь него ничего не видно. Дверь в сколах и трещи-

нах. Не снимая перчатку, я решительно стучу три раза.

Нет ответа.

Опускаю капюшон и прижимаюсь к двери ухом. Внутри неприятная тишина. Не слышно даже потрескивания дров в очаге. Я понимаю, что мы зря теряем время.

Стучу еще. За дверью по-прежнему тихо.

И тут сквозь нее просачивается странный звук. Липкое клокотание. Сначала его почти не слышно, однако оно становится все громче. Звук движется — он начался вверху, затем спустился, — будто существо, которое издает его, ползает по стенам.

Роза и Матти таращатся на меня с окаменевшими от испуга лицами. Теперь они тоже услышали. Черное, жидкое клокотание, в котором нет ничего человеческого. Внезапно звук начинает плыть в нашу сторону, ускоряясь до мерзкого чавканья, словно голодная собака заглатывает куски окровавленного мяса.

Сердце уходит в пятки.

— Что за… дичь?

Дверь вздрагивает от удара, и мы отбегаем, нервно смеясь. Ждем следующего, но ничего не происходит.

— Что это? — выдыхает Роза.

— Понятия не имею…

Смотрю через плечо. Сердце колотится в ребра. Наступают сумерки, и лес кажется гуще, чернее, чем выглядел издали. Стена деревьев будто пульсирует у меня перед глазами.

— Пошли отсюда.

— Идем, — кивает Матти, дрожа всем телом.

Натягиваю на голову капюшон и поворачиваю в сторону гостиницы.

— Не знаю, как вам, а мне надо выпить.

В розовом ведерке на льду лежат запотевшие банки пива. Я взираю на них презрительно.

— «Антарктика»! — вопит Матео в восторге. — Сто лет не пил.

Он сует одну банку мне, другую Розе и откупоривает свою, скрючив палец. Делает первый жадный глоток, а я тем временем рассматриваю свою баночку. На рисунке стоят лицом к лицу два пингвина, почти касаясь друг друга клювами. По странному совпадению они с карикатурной точностью повторяют логотип «Кувастина».

Поворачиваясь на месте, оглядываю наш люкс. При друзьях я не подала вида, но это самое шикарное место, где мне доводилось жить. Номер — скорее даже апартаменты — расположен на

нескольких уровнях, соединенных короткими парящими лестницами без опор и перил. Его освещают лампочки, свисающие сверху на черных проводах. Каждая из трех огромных кроватей стоит на отдельной высокой платформе в круге желтоватого света. Внизу находится зона отдыха с роскошными мягкими диванами; большой телевизор висит над чашей напольного камина, в котором танцуют язычки пламени. Здесь преобладают графитово-серый и матовое золото; пахнет ванилью и сандалом — ароматом моих любимых свечей. И над всем этим доминирует гигантское — во всю черную стену — окно. Из него открывается вид на отдельную террасу, джакузи, бассейн, кабинку мини-сауны и лес, что высится вдалеке.

Просто нереальная красота.

И вот среди всего этого, будто по ошибке, оставили на полу гадкое резиновое ведерко, набитое дешевым пивом, которое обычно бывает на студенческих попойках.

Тянусь к телефону на кофейном столике.

— Это какой-то розыгрыш, наверное, — говорю я, высматривая в списке номер администратора. — Закажу шампанское. Не для того я отдала свой трехмесячный заработок…

Меня заглушает внезапный взрыв музыки, сотрясающей воздух. Бросаю трубку. Никаких колонок на стенах не видно, однако звук очень громкий: катится барабанная дробь, бодро пружинят аккорды фортепьяно, и блюзовый саксофон выдувает округлые, сочные ноты, а затем раздается голос певца, пронзительно зовущий кого-то. Это же «Hungry Heart» Брюса Спрингстина!

Счастье захлестывает меня.

— Не может быть! — вскрикивает Роза, схватив Матео за руку.

Он разинул рот от удивления:

— Это же наша песня!

Мы почти одновременно вскакиваем на ближайший диван, беремся за руки и начинаем прыгать в такт. Хохочем, подпеваем во все горло. Тут и спрашивать ничего не нужно; я и так знаю, что все сейчас вспоминают одно и то же — вечер, когда мы познакомились.

Это не просто наша любимая песня. Она играла в ту секунду, когда мы впервые встретились глазами в уголке бара где-то на задворках Лапы. Это была дешевая грязная забегаловка с ободранными бильярдными столами, сломанной мебелью и флагами стран Латинской Америки, нарисованными на бетонных стенах. Я в одиночку

танцевала у старинного музыкального автомата. Меня в тот вечер бросил один моральный урод, с которым я встречалась. И когда заиграло «Голодное сердце», Роза и Матео подошли и встали со мной в кружок.

Случилось это три года назад. А сейчас мы запрокинули головы и орем во всю глотку, подпевая хору ликующих голосов. Это что-то невероятное — будто бы и правда вернулись в тот бар. Я, кажется, даже чувствую запах мела от бильярдных киев.

На большом экране медленно проступает что-то вроде скриншота из инстаграма. Да, точно. Там мое селфи, сделанное в той самой забегаловке.

Недоверчиво трясу головой. Это же пост из две тысячи двадцать второго! Люди, которые тут отвечают за соцсети — компьютерщики, или кто они там, — наверное, лет сто листали, чтобы его найти.

«Новые друзья… Спрингстин навсегда!» — гласит подпись под фотографией, на которой мы, все потные и замызганные, лыбимся как идиоты на фоне бразильского флага. В руках у нас банки «Антарктики».

Смеюсь. «Антарктика» — довольно паршивое пиво, и вряд ли его продают в Финляндии. Навер-

ное, «Кувастин» заказал его специально для нас.

— Послушайте!

Я хватаю их за руки, потому что мы все еще слегка подпрыгиваем на диванных подушках.

— Вы же знаете, что вы для меня дороже всего на свете?

Они радостно кивают.

— И ты для нас, — говорит Матти, а Роза крепко сжимает мою руку.

При виде наших открытых банок, стоящих рядком на кофейном столике, я чувствую, что вот-вот расплачусь.

— Вы моя семья, понимаете?

Мы трое не случайные соседи. Народ считает, что мы живем в одном доме, потому что мы инфлюенсеры и это нечто вроде рекламной уловки, но мы через столько всего прошли вместе. Я за них умереть готова.

Матео в прошлом году сделал операцию по смене пола, и его начали травить в Сети. Стандартные персонажи — ультраправые фанатики, диванные воины, боты, — но Матти от этого было не легче. Он милый и нежный; куда ему против хейтеров? Он хотел удалить страницу, но я отговорила. Он тогда был почти неизвестен, однако я видела, что его ждет большое будущее, и

встала на его защиту. Пылая праведным гневом, записала несколько видео, и они завирусились по всему миру.

Тем же летом, когда Роза пыталась завоевать себе имя в модельном бизнесе, я сделала ей лучший подарок, какой только смогла придумать. Меня давно уговаривали сняться обнаженной, но я все не решалась. Я знала, что это станет бомбой, и мы с Розой устроили парный фотосет, после которого количество ее подписчиков улетело в небеса.

Мы втроем больше чем просто друзья. Мы связаны. Мы одной крови.

— И ты для нас как родная, — говорит Роза, поглаживая пальцем мое запястье. — Без тебя мы бы ничего не добились. Это правда.

Матео тянет меня за рукав:

— Днем мы не хотели тебя ругать, Джорд. Мы тебя любим больше всего на свете. А здесь… — Он восхищенно вздыхает. — Это просто нечто!

В «Голодном сердце» весело бренчат клавиши, и Брюс распевает свое «ла-ли-ла». Матти и Ро обнимают меня, а с экрана смотрю я из прошлого — огромные подведенные глаза, чернющие от туши ресницы; голова слегка запрокинута, чтобы подчеркнуть линию подбородка. Сердце сжимается. Тогда у меня была всего тысяча фол-

ловеров, но я уже знала секрет. Умела зацепить аудиторию.

Может, в интернете я и веду себя как пустышка, но я не дура. Я понимаю, как люди на меня смотрят. Они видят макияж, украшения, тело и думают, что в голове у меня ветер, что я легкомысленная и глупая. Джорди Сантьяго. Шлюшка, которая лезет всем в глаза.

Сказать по правде, мне на это плевать. Особняк, фолловеры, слава не имеют никакого значения. Главное — эти двое рядом, потому что, когда вырос без родных, привыкаешь полагаться на друзей. Принимаешь от них что угодно, просто чтобы чувствовать связь. Будто бы ты — часть семьи.

Неправда, когда говорят, что мне нужны только лайки. Мне на самом деле нужна любовь.

— Джорди? — обвивает рукой мое плечо Роза. — Все в порядке?

Вздрагиваю, очнувшись:

— Д-да. Все хорошо.

Песня затихает.

— Мне пора готовиться к записи. А вы тут веселитесь дальше.

Спрыгиваю с дивана и беру чемодан.

— Вот круто будет! — хлопает в ладоши Мат-

ти. — Народ с ума сойдет, когда услышит…

Я вхожу в самую большую из двух ванных комнат. Тут есть тропический душ, и ванна с закрученными краями, и красивый каменный пол. В приоткрытую дверь летит голос Эда Ширана. Это песня «Bad Habits» — еще одна из того вечера, когда мы познакомились. Матти и Ро визжат от восторга.

Встречаюсь взглядом со своим отражением в большом тонированном зеркале, и вокруг рамы автоматически вспыхивает подсветка. Внимательно изучаю лицо, проверяя, все ли в порядке после перелета, затем увлажняю губы и хлопаю ресницами.

Я давно хотела сделать объявление. Мое агентство готово, мы распланировали всю кампанию целиком. Опыта у меня достаточно, так что могу сказать наверняка — это будет бомба. Интернет взорвется.

— Джорди! — пищит Матео, стараясь перекричать Ширана. — Как же продумано! Они о нас все знают!

— Такая работа! — кричу в ответ и тянусь включить воду. — За это им и пла…

Я замираю, внезапно увидев кое-что. Музыка в комнате гремит, друзья подпевают невпо-

пад, но от всей души, а я наклоняюсь, обхватив внушительных размеров латунный кран, и рассматриваю нижний угол зеркала.

Там кто-то нацарапал послание.

«Eu vejo você, Pequenina».

Кончиком пальца провожу по бороздкам, а сердце колотится все быстрее. На стекле не просто какие-то слова. Надпись сделана на португальском! Это уж точно не совпадение.

«Я вижу тебя, малышка».

Отводя руку, замечаю, что она дрожит, и прижимаю ее к груди. В косметичке — пузырек с таблетками. Как хорошо становится, когда закинешь их в рот! А мне так нужен покой. Хотя бы на минуту.

Мама покончила с собой, когда мне едва исполнилось пять. Другой родни нет, и никто не расскажет, что за человек она была и почему это сделала. Кроме ее жестокой смерти, у меня осталось о ней всего три воспоминания.

Запах ее духов: ананас и маракуйя. До сих пор ищу такие, но так и не нашла. Иногда мне кажется, она делала их сама, чтобы сэкономить деньги.

Яркий цвет ее лака для ногтей. Насыщенно-

красный, как вишня в сахарном сиропе.

И наконец, ласковое прозвище, которым она меня называла. Шептала его мне в волосы, когда я не могла уснуть от голода. Когда возле нашей хижины раздавался топот сапог, а на улицах выли бродячие собаки.

Pequenina.

Малышка.

Есть нужно всем.

Все знают, что такое голод.

Однако едим мы не только ради насыщения.

Подумайте, сколько важнейших событий вашей жизни прошло за обеденным столом. Вспомните семейные праздники, дружеские встречи, свидания при свечах. Как было тепло однажды летом, когда вы вместе стояли вокруг костровой чаши, а на решетке жарилось аппетитное мясо.

ЕДА — это важно.

Вот почему в первый вечер вашего пребывания в «Кувастине» я лично сяду во главе нашего стола. Разве можно найти для знакомства более удобный момент, чем приветственный ужин?

Обещаем угостить вас блюдом, которого вы никогда не забудете.

Расскажите о той пище, что дает вам силы.

Бет

— Что это? — недоверчиво задрав нос, Джеймс глядит на разноцветные кубики.

Официант снисходительно улыбается:

— Икра кеты и фиалка на филе сибаса.

— Да они совсем крошечные! — щурится Джей.

Официант покашливает и бросает взгляд на каменный поднос, который чудом балансирует на кончиках его пальцев. Там с безукоризненной симметрией выстроены девять канапе, на каждом — несколько прозрачных оранжевых икринок.

— Это амюз-буш, мистер Рафферти. В переводе с французского — «развлечение для рта».

— А, тогда понятно.

Джей кладет одно канапе на язык и, немного пожевав, кивает:

— Ну что ж. Считайте, мой рот повеселился.

Я пинаю его под столом. Официант удаляется.

— Что? — протестует Джеймс.

— Веди себя прилично.

Смотрю украдкой по сторонам. Пока что мы в ресторане одни, но кто-нибудь может появиться

в любой момент.

— Вдруг подумают, что мы не умеем себя вести.

— Умеем! — спорит он, ковыряя ногтем в зубах.

— Давай просто посидим тихо, не будем привлекать внимание, — шепчу, поправляя платье. — Пусть сегодня все будет идеально.

— Есть, капитан!

Джей насмешливо отдает мне честь. Он такой милый! Я всегда пилю его за то, что он дурачится и строит из себя клоуна, но, правду сказать, мне это по душе. Это одна из причин, почему я в него влюбилась.

Сегодня в постели все получилось очень неплохо, стоило мне только загнать подальше мысли о Джорди. Я чувствовала себя шикарной штучкой — медовый месяц, роскошная пятизвездочная гостиница, и я занимаюсь любовью! Я отбросила комплексы, отключила голову, забыв хоть на пару минут, что на самом деле я Бет Рафферти, учительница начальной школы.

Потом, когда Джеймс пошел в душ, я накинула халат и забралась в кровать с бокалом шампанского, чтобы насладиться шквалом сообщений в моей соцсети. Селфи из «Кувастина» уже набрало

больше лайков, чем наши свадебные фото. Под ним отметился каждый, в том числе даже те, кто ничего не писал мне годами.

Однако лучше всех был комментарий Офелии; о таком я и мечтать не могла. Одна-единственная строчка от нее, бесспорно, окупила все мои затраты на поездку и переживания насчет кредита, который теперь придется выплачивать.

Оу. Так рада за вас обоих.

Ни восклицательных знаков, ни смайлов, ни поцелуев. Это значит, она просто в ярости.

— Бет и Джеймс.

Тихий женский голос возвращает меня к реальности.

У нашего столика стоит, сцепив на поясе руки, та молодая женщина, которая была на месте администратора.

— Очень рада вас видеть. Как проходит вечер?

— Все хорошо, спасибо, — отвечаю я, взглянув на Джеймса.

Хотя мы пока единственные гости в зале, меня все же слегка удивляет, что она уделила нам внимание.

— Мне так жаль, что мы не поговорили раньше, — продолжает женщина с видом искреннего

раскаяния. — Это моя вина. Могу я предложить вам шампанское?

Официант, уже стоя рядом с ней, держит другой каменный поднос, на котором два широких бокала. Пить не хочется — в номере мы почти прикончили бутылку, — но отказаться было бы невежливо.

— Я Инка, ваш консьерж.

Берем бокалы, и она тепло улыбается.

— Если вам что-то будет нужно, прошу, обращайтесь без колебаний.

— Спасибо, — говорю я, глядя на пузырьки в бокале.

Голова немного кружится. Непонятно, я все еще пьяна или это уже похмелье?

— А сегодня вечером вас ждет настоящий пир. Добро пожаловать в Полярный зал.

Инка обводит рукой комнату с уютным и стильным интерьером. Стены здесь украшены геометрическим современным декором. За окнами, тронутыми морозцем, открываются лесные пейзажи. В камине жарко пылает огонь. Весь центр занимает круглый дубовый стол. С дальней стены безразлично смотрят стеклянными глазами три оленьих головы. Обстановка больше напоминает не ресторан, а гостиную охотника-

миллиардера.

— Очень мило! — изрекаю банальность, будто речь идет о цветочках в церкви. — В смысле, здесь так замечательно.

— Киитос, — отвечает Инка и тут же переводит: — Благодарю.

Она отворачивается, чтобы отпустить официанта, а я ловлю себя на том, что рассматриваю ее маленькую стройную спину и тонкие гибкие руки. Сто процентов, Инка не знает, что такое диеты.

— Мы очень гордимся нашим домом, — заявляет она, снова поворачиваясь к нам, — хотя, конечно, я всегда мечтала посетить Лондон. Говорят, это лучший город на свете.

— Вы бы не думали так, если бы увидели Перивейл, — усмехается Джеймс.

— Ну конечно думала бы! — приподнимает брови Инка. — У вас есть знаменитая станция метро.

Мы с Джеем переглядываемся. В Перивейле и правда необычная станция. Ряд высоких окон и вогнутый фасад придают ей вид старого кинотеатра. Но об этом не знает даже большинство лондонцев, не говоря уже о людях, которые в городе не бывали ни разу.

Она смотрит на часы.

— Бет, Джеймс, было так приятно познакомиться с вами! Помните, я всегда к вашим услугам. Надеюсь, вам понравится «Дом».

Тут я замечаю, что за шампанское нам подали, и мне становится стыдно. «Дом Периньон»! Если Инка знает о станции Перивейла, то знает и о шипучке по скидке. Один этот бокал у меня в руке, наверное, стоит больше, чем пара бутылок «Вдовы Делатр».

— Господин Хайлендер скоро спустится поприветствовать вас.

Инка плавной походкой направляется к дверям, где уже появились новые гости, а я отпиваю глоточек из бокала. Вкус посложнее, чем у простого шампанского, — какой-то фруктово-ореховый, как у трюфельных конфет. Наверное, по нему должно быть сразу понятно, что вино дорогое. Правда, мне-то и сравнить не с чем.

Глоток воспламеняет ту половину бутылки, которую я выпила в номере, и зал слегка плывет перед глазами.

— Дом реально Периньон, — выдыхает Джеймс, махнув почти все свое вино разом. Он причмокивает и отдает мне бокал. — Возьму еще, пока не унесли.

— Джей, нет… — шиплю сквозь зубы.

Но он уже устремился к ближайшей официантке с шампанским и показывает ей два поднятых пальца. Пока она наполняет бокалы, Джей достает телефон и начинает скроллить. Через пару секунд у него на шее напрягаются мышцы, он прекращает листать и недоверчиво качает головой, приоткрыв рот. Приходит в себя, лишь когда официантка прикасается к его плечу.

Что его так взбудоражило? Что там было?

— Две сотни фунтов за бутылку! — восклицает он, вернувшись. — Похоже, расходы окупаются.

У каждого из нас теперь по два бокала, и мы похожи на парочку работяг, приехавших в отпуск по программе «Все включено».

— Как там дела в твоем футбике? — спрашиваю я, стреляя глазами по сторонам. Нужно допить один бокал, пока никто не видит. — Ты прямо зачитался.

— А, ну… да, — морщится он и отводит глаза. — Кубок Англии же идет, болельщики клубов друг друга троллят. Тупые мужские шуточки.

— Мне показалось, там что-то важное.

— Да ну, принцесса, — говорит он, глядя в свой бокал. — С каких пор тебе стало интересно, что… ну, скажем, у Кольбека сдали нервы и он пробил

мимо ворот?

— Ладно, — пожимаю плечами.

В футболе я полный ноль, но это все явно какие-то отговорки.

— Просто хотела поддержать ра…

Слово застревает у меня в горле.

Вот она! За плечом Джея. Берет аперитив с подноса, откидывает назад свои шелковые волосы. Джорди Сантьяго!

На ней обтягивающее черное мини-платье с огромным вырезом; пышный бюст чуть ли не вываливается из декольте. Я смотрю на свой сарафан, который накинула после секса, и мне кажется, будто я оглохла, — слышу только, как сама тяжело дышу. Этому платью уже пять лет, оно по швам начинает расползаться, и выгляжу я в нем как мамуля, которая привела ребенка в детский сад.

Джеймс отхлебывает шампанское. Он может заметить ее в любую секунду!

— Добрый вечер, друзья! — раздается звучный голос, и все поворачивают голову.

У стола появился привлекательный седой мужчина. Хенрик Хайлендер.

— Начнем наш ужин?

Следующая минута проходит как в тумане. Я не

могу решить, что лучше — следить за Джорди или не обращать на нее внимания, поэтому в итоге просто бестолково плетусь за Джеймсом ближе к Хенрику, нервно глотая шампанское. Изысканный американец тоже присоединился к нашей компании. Когда все собираются вокруг стола, я замечаю, что возле каждой группы бокалов стоит медная табличка. Нас с Джеймсом, к счастью, посадили вместе — я слишком пьяна и беседу с незнакомцем не потяну. Но тут я начинаю читать имена, и внутри все обрывается.

Рядом с ним будет сидеть она!

— Прошу к столу! — приглашает Хенрик.

Все опускаются на кожаные стулья, поглядывают по сторонам, оценивая друг друга. Меня почему-то усадили рядом с самим Хайлендером. Даже не знаю, как они представляют беседу миллиардера и школьной учительницы из Шеффилда.

Продолжая стоять, Хенрик складывает ладони как для молитвы.

– *Tervetuloa Kuvastimeen*. Добро пожаловать к зеркалу, — произносит он, обаятельно улыбаясь.

Ему лет шестьдесят с небольшим, однако линия его подбородка, припорошенная черно-серебристой щетиной, по-прежнему остается четкой. Он

красиво и модно одет — в темно-синий блейзер, черную футболку и шарф графитового цвета. Этакий отец твоей лучшей подруги, в которого ты тайно влюблена.

— Приветствую вас, друзья, в нашей гостинице среди лесов. Мы очень рады видеть вас! — Он разводит руки в стороны. — Надеюсь, вы не против сидеть за круглым столом? У нас любят есть дружной компанией — это помогает лучше узнать друг друга и самих себя.

Собравшись с духом, я смотрю на Джеймса и Джорди, и по шее пробегает холодок. Стол большой, так что им не пришлось толкаться локтями, однако сидят они достаточно близко друг от друга. Джеймс на нее не смотрит, не говорит с ней, хотя, безусловно, знает, что она рядом. Муж у меня, конечно, рассеянный, но не до такой же степени.

Взгляд Джеймса прикован к Хайлендеру, на губах притаилась сдержанная улыбочка.

— Если вы делали домашнюю работу… — продолжает Хенрик, и кто-то вежливо смеется. — Если вы делали домашнюю работу, то, наверное, помните, что я всегда принимаю гостей в первый вечер после приезда. Мне нравится угощать их по-семейному — каким-нибудь особенным

блюдом, которое пробуждает дорогие сердцу, счастливые воспоминания. Именно этим мы и занимаемся в «Кувастине» — возвращаем воспоминаниям блеск.

Его манеры и речь завораживают. В исполнении кого-то другого эта театральность могла бы показаться напыщенным кривлянием, но в пристальном взгляде этого человека есть что-то такое, что заставляет воспринимать его всерьез. Его голос успокаивает, почти усыпляет.

— Итак, друзья, угощайтесь и веселитесь. Беседуйте с соседями и со мной. Задавайте вопросы, делайте открытия. Пусть этот банкет запомнится надолго!

Кто-то из персонала пододвигает ему стул, и Хайлендер садится — они оба действуют так четко и слаженно, словно работники театра при смене декораций. Откуда-то сверху плывет умиротворяющая песня в стиле фолк; вокруг стола приглушенно гудят голоса. Хенрик говорит с одним из сотрудников, спутники Джорди шепчутся и хихикают. К нам подступают официанты с полными бокалами на подносах, но я отказываюсь. Все мое внимание приковано к Джорди. Она повернулась к Джеймсу и, кажется, спросила о чем-то. Слов различить не могу, но вижу, как

ее кукольные губки соблазнительно двигаются, а черные как уголь глаза блестят. Муж сидит ко мне спиной, немного сутулясь, так что я могу наблюдать только за мисс Сантьяго. В полумраке ее плохо видно, но мне кажется, она смотрит на меня с издевкой.

— Бет, вас что-то тревожит?

Вздрогнув, оборачиваюсь и вижу Хайлендера, который крутит в пальцах бокал с толстым дном.

От неожиданности я теряюсь:

— Простите?

Он взглядом указывает на два моих бокала, в которых почти не осталось шампанского.

— Нет-нет, — машу рукой, — я совсем не пьяна. Просто оно очень… вкусное. Такое, ну… как трюфельная конфета.

Хайлендер смотрит на меня с любопытством, будто на интересную вещицу, которую ему захотелось купить. Жду, когда он скажет что-нибудь, но он молчит.

— И у вас в гостинице очень красиво, — продолжаю тараторить я.

Голос меня подводит и норовит сорваться на писк.

— Вы тут делаете просто невероятные вещи.

Я все о вас прочитала в интервью. И это самое замечательное место из всех, где мне доводилось бывать.

Он задумчиво делает глоток из бокала и говорит:

— А знаете, вам стоит быть к себе добрее.

Я чудом удерживаюсь, чтобы не икнуть. Понимаю, что в стельку пьяна.

— Что?.. Что вы имеете в виду?

Хенрик ставит бокал, наклоняется ближе и припечатывает меня к стулу своим гранитным взглядом.

— Я ведь тоже о вас все прочитал.

Флетчер

Британка очаровательна. Я наблюдаю за ней с тех пор, как пришел на ужин. Она все время поправляет платье; взгляд у нее испуганный, на щеках румянец. Она здесь абсолютно не в своей тарелке.

Потягивая старомодный бурбон (не люблю шампанское младше двадцати лет), любуюсь ее пепельно-золотистыми волосами и линией шеи. Она хороша, но если бы ей кто-то об этом сказал, она бы не поверила. Кто-то из ее близких, возможно отец или мать, глубоко ее ранил, и она много лет не может справиться с этой травмой. Она была бы идеальным клиентом для «Смол-ток». Страдающий комплексами цифровой абориген[5], который не может позволить себе «нормальную» терапию.

Скажем прямо, она и ее супруг — люди небогатые. Это я понял с первого взгляда. Они еще молоды; вероятно, проводят медовый месяц. Однако даже при таком раскладе они сюда никак не

---

[5] Сноски: 5

Цифровой абориген (*англ.* digital native) — человек, родившийся в цифровую эпоху и привыкший к современным технологиям и устройствам.

вписываются: в местах, подобных «Кувастину», люди без денег источают страх. Он сочится у них из пор.

— Ваше главное блюдо, доктор Рен.

К моему столу подошла консьержка. Один ее кивок — и передо мной появляется каменное блюдо. На нем небольшой, но идеальный по форме стейк и глазированный пастернак с ломтиками свеклы и трюфеля.

Если речь Хенрика не просто игра словами для рекламы, то это блюдо должно быть как-то связано с моим прошлым. Только вот оно слишком обычное, и мне трудно привязать его к какому-то моменту. Я, наверное, тысячу раз ел нечто подобное.

— Спасибо вам, Инка, — благодарю я, пока официант стелет мне на колени салфетку. — Что тут у нас?

Ее глаза лукаво поблескивают.

— Попробуйте. Возможно, вы сами нам скажете.

Рассекаю ножом мягкое, сочное мясо — лезвие скользит легко, не нужно прилагать ни малейшего усилия. Ровная розовая поверхность мяса на срезе блестит, истекая сливочным маслом. Режу снова, теперь поперек, чтобы получился кубик, и

вонзаю в него вилку.

Говядина тает на языке, и я расплываюсь в улыбке.

— Боже! — промокаю салфеткой уголок рта. — «Каса» на Манхэттене, Роберт Уинстон! Это его фирменное филе миньон!

Инка польщенно кивает:

— Вы ужинали там в июле две тысячи восемнадцатого со старым другом Келвином Роем, репортером из «Уолл-стрит джорнал». Вы пили…

— «Эрмитаж», девяносто седьмого года, — произносим мы с ней одновременно, и по ее сигналу в моем винном бокале вырастает высокий столбик темного, почти черного шираза.

— Привкус каштана — вот что его выдает, — объясняю я, наслаждаясь послевкусием. — Говорят, Уинстон трет каштан на терке и добавляет в масло.

Приподнимаю бокал и легонько кручу его, чтобы вино подышало.

— Великолепно! Вы в точности повторили вкус.

— Нашим поварам пришлось потрудиться.

Я делаю глоточек «Эрмитажа», вспоминая, какое удовольствие было написано на лице Келвина, когда он попробовал его впервые.

Сладковатая пряность и темные фруктовые ноты, аромат сырой земли.

— Роберт Уинстон хорошо бережет свои секреты, — добавляет Инка с видом заговорщицы. — Мне сказали, что соус бермонте пришлось переделывать семнадцать раз.

Я поднимаю брови:

— Впечатляет!

— Благодарю, мистер Рен.

Она в шутку салютует коллегам, коснувшись виска кончиками пальцев.

— А теперь позвольте вас покинуть.

Персонал синхронно отступает, растворяясь в полумраке, и я снова остаюсь один среди журчания беседующих голосов.

Разобрав миниатюрную башенку глазированных овощей, насаживаю кусочек на вилку, добавляю пластинку трюфеля и отправляю все в рот, а затем откидываюсь на спинку стула и наслаждаюсь игрой вкусов. Все точно так же, как было в «Каса» семь лет назад. Это блюдо, точно машина времени, переносит меня из ледяной финской глуши в духоту летнего Нью-Йорка, к нетерпеливым гудкам таксистов, далекому клаксону грузовика и гулу многолюдных улиц.

— Сентябрь две тысячи девятнадцатого, — воз-

вращает меня к реальности голос в другом конце зала.

Хенрик Хайлендер стоит, положив руки на спинки стульев британской парочки. Перед ними на столе — два свертка из фольги, несколько стаканчиков картофеля фри и два напитка в картонных стаканах с пластиковыми крышками и соломинками.

— А точнее — вечером двадцать четвертого сентября…

Девушка смотрит на стол то ли в изумлении, то ли в ужасе.

— …вы встретились в бургерной «Пять парней» на вокзале Виктория. Вы тогда были едва знакомы, но вскоре вам суждено было узнать друг друга намного лучше. — Хенрик указывает рукой на пакетики. — Джеймс на всякий случай заказал дополнительную картошку…

Британец подмигивает жене, та старается улыбнуться, но губы ее не слушаются.

— …Мне показалось, молодоженам будет приятно, если приезд в «Кувастин», а к тому же еще и День святого Валентина они отметят, вспоминая в мельчайших подробностях свою первую встречу.

«Молодоженам! — замечаю с долей самодо-

вольства. — Я так и знал!»

Из полумрака выныривает официант с двумя запотевшими баночками на серебряном подносе и торжественно подает их на стол. Это действо выглядит почти издевательски, но у меня есть подозрение, что так и задумано.

— Лучший мохито от «Теско»! — восклицает Хенрик, посмеиваясь.

Непонятно, предназначен ли этот спектакль только для молодой пары или должен привлечь внимание всех присутствующих, но звучный голос хозяина отлично слышно на весь небольшой зал.

— Ваш любимый коктейль, Бет, контрабандой доставленный в бургерную вашим будущим мужем!

Красная как рак новобрачная испепеляет взглядом сначала картошку, а потом супруга. Вид у нее униженный.

— Обалдеть! — заявляет Джеймс, ничего не замечая, и разворачивает огромный горячий бургер.

В воздух поднимается пар. Моих ноздрей касается запах мяса, и я чувствую легкую тошноту — последний раз я ел чизбургер чуть больше двадцати лет назад.

Молодой муж вгрызается в бургер, точно голодный подросток. По его запястью стекает струйка желтоватого жира из котлет. Он делает перерыв, чтобы с хлюпаньем всосать через трубочку напиток, — по-моему, в стакане молочный коктейль, — а я тем временем рассматриваю его одежду, купленную в торговом центре, и дешевую стрижку, представляя, что мог бы сказать его жене, если бы она была одной из моих клиенток. Вы счастливы в браке, Бет? Как вы относитесь к отцу?

— За нас, принцесса!

Раздается звонкий щелчок, и Джеймс, открыв мохито, поднимает банку в воздух. Бет смущенно чокается с ним и опускает глаза. Она смотрит на еду, как осужденный, который впервые оказался в тюремной столовой. Бедняжка! Это ведь ее медовый месяц.

— Ба! Да это ведь не кто иной, как Флетчер Рен!

Перестав наблюдать за бриттами, я обнаруживаю, что Хенрик уже вернулся на свое место, которое находится как раз напротив моего. У стола вырастает официант, чтобы налить ему вина, но тут же скрывается, повинуясь движению хозяйской руки.

— Добрый вечер, мистер Хайлендер, — отвечаю, привстав. — Приятно наконец познакомиться с вами.

Во время рукопожатия он накрывает мою руку своей свободной другой. Странный жест. Будто бы мы с ним близкие люди.

— Пожалуйста, зовите меня Хенрик.

Когда мы садимся снова, я ловлю его любопытный взгляд на моих изуродованных пальцах. Обычно я стараюсь, чтобы они не попадались никому на глаза, но сегодня расслабился. Это, должно быть, из-за вина.

Кладу руку на колени.

— Ужин выше всяких похвал. Вы совершили настоящее чудо, Хенрик. Я на седьмом небе.

— Такова и была наша цель.

Я вспоминаю отели мира, в которых мне довелось побывать: ультрасовременные небоскребы Дубая, дворцы Индии, подводные капсулы Мальдивских островов. Отельеры высокого полета не раз беседовали со мной, но в основном потому, что видели в этом выгоду для своего бизнеса. Однако Хенрик, похоже, действительно хочет узнать нас поближе.

— Вы с таким вниманием относитесь к гостям. — Я делаю большой глоток вина. — Нас-

колько могу судить, это редкость.

Он качает головой, играя этой мыслью, как теннисным мячиком, и наконец соглашается:

— Полагаю, да. Но, видите ли, для меня это единственный способ управлять гостиницей. Я принимаю вас в свою семью.

За его плечом появляется официант и подает ему виски в маленьком хрустальном бокале.

— Прошу извинить мою жену за то, что она не смогла присоединиться к нам сегодня. Она в последнее время быстро устает, — говорит Хайлендер, собираясь выпить. — Вы ведь не женаты?

Он пристально смотрит на меня поверх бокала. Взгляд волевой и твердый, как кремень. Я читал об этом аспекте его личности, когда готовился к поездке: загадочная театральность сочетается в нем с почти обескураживающей прямотой.

— Нет, не женат.

Он неторопливо цедит свой виски.

— Мне, Флетчер, доводилось принимать судьбоносные решения. Многие из них повлияли на жизни сотен, даже тысяч людей, а более отдаленные последствия невозможно даже представить. Такой уровень ответственности вам, конечно, знаком. Но знаете ли вы, какое решение я считаю

самым важным?

Отвечаю покаянной улыбкой. Мне уже совершенно ясно, куда он клонит.

— Брак?

— Брак, — эхом повторяет он, кивая. — Возможно, я самую чуточку предвзят, но, думаю, вы сочтете Йоханну весьма необычной женщиной.

Он вытягивает руку с растопыренными пальцами, словно маг, бросающий заклинание.

— Вокруг нас лежит земля предков моей жены, Сюнккасало, Темная чаща. — Хенрик щурится, будто бы видит что-то сквозь стены. — Это волшебный край, окутанный легендами, место с богатейшей историей. Здесь жили целые поколения родственников Йоханны, и, когда мы приехали сюда погостить после свадьбы, я поставил себе целью вернуть ее домой. Она всегда хотела удалиться в Сюнккасало, но, скажем прямо, дела тут были плохи, пока я не построил «Кувастин». Землянки — чудесные памятники прошлого, но современному, цивилизованному человеку в них не выжить. А теперь у моей жены есть великолепный дом, и до места, где она родилась, рукой подать. Вы ведь заглянете к ней на чашку горячего паннукахви?

Я разрезаю корешок пастернака надвое вдоль.

— Непременно. Вообще-то, я собирался сделать это завтра утром.

Он довольно кивает и быстрым взглядом обводит комнату: проверяет, как там гости. Я тем временем успеваю положить кусок в рот.

— Семья — это все, Флетчер, — говорит он. — Да, так и есть. Вы близки с родными?

Я откладываю нож и вилку. Возможно, это стандартный вопрос, который услышишь на терапии от любого психолога, но в роли пациента я чувствую себя некомфортно.

— Не очень.

— А почему? — морщит лоб Хенрик.

— О… — машу рукой. — По разным причинам. Ничего такого, что заслуживает внимания.

Как ни странно, мой ответ, кажется, пробудил его любопытство. И тут, когда я уже представил, что Хайлендер сейчас удвоит усилия и начнет выпытывать подробности, он оборачивается на стуле и показывает на другой конец комнаты.

— Наша консьержка… Вы, наверное, уже знаете, что она моя дочь.

Инка разговаривает с коллегой. Бросает на нас быстрый взгляд, услышав свое имя, и улыбается мне, однако, если не ошибаюсь, старается не встречаться глазами с отцом.

— Когда она окончила университет, весь мир был у ее ног. Умнейшая девушка. Она магистр в области компьютерных наук. Ее взяли бы куда угодно, но она выбрала остаться с нами. — Хенрик проводит пальцем по ободку бокала. — В этом проекте меня больше всего радует, что мы работаем бок о бок с дочкой. Я сначала думал, что она тут не задержится, но скоро уже год, как мы открылись, а она не теряет энтузиазма.

Он прав. Мы с Инкой мало общались, однако она произвела на меня самое приятное впечатление. Идеально выполняет работу, вежлива, прекрасно умеет выражать свои мысли, одета со вкусом. И даже разбирается в кулинарии.

Хенрик приглаживает волосы.

— Я просто хочу сказать: что бы там ни произошло, вы должны помириться с родными. Иначе будете потом жалеть.

Тем временем Инка уверенно и аккуратно переливает вино в графин. Довольно необычно, что молодая женщина с такими перспективами выбрала гостиничный бизнес, пусть даже семейный, тогда как ей были открыты двери престижных компаний в любой стране мира. Мне трудно ее понять. Особенно если вспомнить, что я сам чувствовал в этом возрасте к своим

родителям. Когда они наконец решились изгнать меня из фамильного гнездышка, я одной ногой был уже за порогом. Ждал и не мог дождаться, когда уеду оттуда.

— Так или иначе, — продолжает Хенрик, почесывая бровь, — разве хорошо, что в День святого Валентина вы один? Полагаю, мои сотрудники ясно дали понять, что вы можете взять с собой еще одного человека.

Я поровнее укладываю на стейк ломтик трюфеля и разрезаю мясо. До того как Хенрик в красках живописал первое свидание молодоженов, мне и в голову не приходило, что сегодня День всех влюбленных.

— Предпочитаю путешествовать соло, — признаюсь я и подношу вилку ко рту.

Жую, надеясь, что расплывчатость моих ответов подскажет Хенрику, что пора бы закончить с подобными вопросами.

Вокруг позвякивают столовые приборы, а звук голосов чем-то напоминает шум волн. В очаге потрескивают поленья. На первый взгляд все спокойно, но все же за этим чувствуется какая-то скрытая напряженность — она висит в воздухе, точно сеть над головой ничего не подозревающего животного.

Хайлендер пристально смотрит на меня:

— Зачем вы приехали сюда, Флетчер?

Отвечаю не сразу — мне нужно прожевать мясо.

— Ну… концепция «Кувастина» меня заинтриговала. Как психолога.

— Это само собой. Но ведь вы один из самых занятых директоров Кремниевой долины, да и на любителя отдыхать вы не похожи.

Он подается вперед, и деревянное кресло тихонько скрипит.

— Зачем вы приехали на самом деле?

Промокаю рот салфеткой. Мне не нравится, что он, как хирург, стремится заглянуть в меня поглубже. Не нравится, как ловко он ведет допрос. У меня и правда была причина приехать сюда, но говорить о ней я не намерен.

— Поверьте, в мире нет ни одного места, подобного «Кувастину». — Я надеюсь, что моя лесть его утихомирит. — Мой бизнес вращается вокруг людей и их внутренней жизни, а ключевой принцип вашей гостиницы как раз с этим и связан. Думаю, на мой визит сюда можно смотреть как на… исследование.

Постукиваю пальцем по бокалу. Если мне повезет, Хайлендер на время отстанет.

— Исследование, — повторяет он, перекатывая слово во рту, как оливку. — Понимаю.

Хенрик смотрит на меня чересчур пристально, почти не моргая, но в тот самый момент, когда я уже готов отвернуться, он делает это первым и устремляет взгляд вглубь комнаты, где за раздвижными стеклянными дверями виднеются живописные горки камней и тонкие ленты водопадов. Вдали стеной поднимается густая чащоба.

— Лес можно услышать, — говорит Хайлендер, больше не глядя на меня. — Вы не замечали?

Я тоже смотрю в окно, за которым, словно пьяные, качаются на ветру деревья.

— Не так, как слышат всякие хиппи. Я имел в виду — буквально. Древесина щелкает, трещит от мороза. По ночам эти стенания не дают мне спать. — Он наконец поворачивается ко мне. — Лапландцы считают, что это духи — *халтьяпуут*, деревья-эльфы, — но мы-то знаем лучше. У деревьев нет сознания, Флетчер. Они за нами не следят. Разве такое возможно?

Мы снова встречаемся взглядами, и мне почему-то становится не по себе.

Это какое-то театральное представление?

— Мне кажется, вы слишком много работаете, мой друг, — добавляет Хайлендер, прежде чем я

успеваю что-нибудь сказать. — Вечно что-то исследуете. Однако мы сейчас находимся на самом краю света, так почему бы не расслабиться? В «Кувастине» весь остальной мир — далекий сон. Пусть душа уснет.

Он осушает свой бокал до дна, не сводя с меня взгляда, точно один из тех портретов, которые, кажется, следят за тобой, где бы ты ни встал. Я привык, что меня рассматривают, но этот взгляд — другой.

Хенрик умеет действовать на нервы.

На ум приходят статьи о скандале с тестированием косметики. «ШВЕДСКИЙ МАГНАТ СТАЛ ФИГУРАНТОМ ДЕЛА О ЖЕСТОКОМ ОБРАЩЕНИИ С ЖИВОТНЫМИ». «АКЦИИ „Á VOUS“ ПАДАЮТ В ЦЕНЕ ПОСЛЕ УТЕЧКИ ИЗОБЛИЧАЮЩЕГО ВИДЕО». Мне снова вспоминается жалкое существо в лесу — его окровавленный рог, неуверенные движения и то, как оно испуганно пряталось за деревьями. В голове звучит предостережение Пола насчет детектива, который наблюдает за «Кувастином». По некоторым сведениям, детектив этот был как-то связан с парфюмерным брендом, проводившим испытания на животных, а бренд принадлежит Хайлендеру.

Долгий разговор с Полом меня встревожил.

Обычно мы с ним обходимся парой-тройкой слов. И на прощание он попросил меня держать ухо востро.

Я смотрю на Хайлендера, стараясь понять, что означает непроницаемое выражение его лица, его безмятежная улыбка, — и что-то холодное сдавливает мне грудь. Сердце разрывается от мучительной тревоги.

Бет

Склизкая пасть чизбургера истекает горячим жиром. Меня тошнит.

— Такой сочный! — с набитым ртом хвалит Джеймс.

Клянусь, в день нашей свадьбы он не радовался так, как сейчас.

— По-моему, даже лучше, чем в «Пяти парнях».

Он наклоняется ко мне ближе; на верхней губе желтеет горчица.

— Я-то думал, все будет немного пафосно, но, если они и дальше продолжат в таком же духе, можно будет еще приехать.

Он хлюпает, всасывая через трубочку коктейль, и я брезгливо отворачиваюсь. Так и тянет взглянуть на другой конец стола, где сидит американец, — он весь вечер на меня посматривает.

«Не всем достаются стейки с трюфелем, дружище», — думаю я, пока он рассеянно крутит бокал с вином.

Никак не вспомню, кто это, но я точно видела его где-то — онлайн или в журнале.

Странно, что он здесь один. В его возрасте, при

таком богатстве и внешности, он давно должен был жениться или уже развестись. Может, он тут по делу? Они с Хенриком явно успели стать закадычными друзьями и вот уже целых десять минут увлеченно беседуют с глазу на глаз. Наверное, обсуждают биржевые индексы, или портфели своих активов, или оптимальную длину яхт.

Мой короткий разговор с мистером Хайлендером получился отнюдь не таким дружеским. После него я вся на нервах. Что значит, он все обо мне прочитал? Он имел в виду мой зеркальный дневник или что-то еще?

Официант без всяких просьб подходит и наполняет опустевший бокал американца. Персонал здесь работает как хорошо отлаженная машина. Я, конечно, ценю те усилия, которые они приложили, чтобы воссоздать атмосферу нашего первого свидания, но из-за этой сцены мне теперь неловко. Получается, американцу в элегантном костюме подали элитное филе миньон, а нас угощают бургерами, картошкой фри и молочным коктейлем, словно детей на семейном ужине.

Я с отвращением смотрю на то, что мне принесли. Это невозможно есть с достоинством. Я и проголодаться толком не успела, но шампанское бьет в голову, и мне нужно быстро протрезветь.

Вдыхаю поглубже, кусаю чизбургер. Он просто переполнен соусом, и все это тут же оказывается у меня на губах. Острые приправы дразнят язык, и мозг вспыхивает, как игровой автомат. Я кусаю снова. Еще, и еще, и еще. Мне уже не терпится ощутить эту соленую сладость. Булка разваливается в руках, поэтому останавливаться нельзя, и я продолжаю кусать, доедая все до конца. И вот на фольге, расстеленной передо мной, остаются лишь крошки. Скользкие пальцы блестят от жира. Я забрасываю в рот сбежавший листик салата и откидываюсь на спинку стула.

Американец снова разглядывает меня, и я неловко улыбаюсь ему с закрытым ртом. Он касается пальцем своей груди. Опускаю глаза. Господи! На лифе платья висит жирнющая гусеница из кетчупа. В панике тянусь к салфетке, опрокидываю банку с коктейлем, и по дубовой столешнице расползается лужа мохито. Официант подходит, чтобы вытереть, а я, торопливо поблагодарив его, атакую салфеткой каплю, и на ее месте остается неприличный вишнево-красный мазок.

На другом конце стола моя аудитория из одного зрителя продолжает смотреть на меня, слегка наморщив лоб. Сразу видно — он очень богат. Та-

кой невозмутимый, уверенный в себе. Это полное отсутствие страха мне знакомо, потому что так ведут себя друзья Джеймса.

Хотелось бы мне пожить, как они, денек. Да хоть один час. Без страха.

— Нужно это смыть, — шепчу я Джеймсу.

Он кивает и снова вгрызается в бургер. Встаю и выскальзываю из комнаты в туалет. Наконец-то я одна перед зеркалом!

Пятно безобразно краснеет на бледно-желтом платье. Возле раковины — стопка маленьких пушистых полотенец. Я беру одно, смачиваю и начинаю оттирать кетчуп, но от этого становится только хуже.

«Какой позор!» — укоряет голос в голове, и мне становится стыдно. За то, что накинулась на этот бургер на глазах у незнакомых людей. За то, что теперь он мертвым грузом лежит у меня в желудке, будто камень. И за ту навязчивую картинку, которую я так и не сумела забыть.

Наше первое официальное свидание было в две тысячи девятнадцатом, двадцать четвертого сентября. Вот мы вдвоем сидим у окна в «Пяти парнях», на вокзале Виктория. Увлеченно болтаем, тайком потягивая мохито, совершенно очарованные друг другом. В этой истории есть

одна деталь, о которой мы всегда умалчиваем, когда нас спрашивают, как мы познакомились.

В ночь, когда мы встретились в клубе «Инферно» и когда Джеймс поцеловал меня, прижав спиной к залапанному стеклу аквариума под песню «California Gurls» Кэти Перри, — в ту ночь у него уже была девушка. Он встречался с Офелией.

Она, конечно, утверждает, что это был пустяк, который даже отношениями не назовешь. Говорит о своей интрижке с Джеем так, словно это был розыгрыш с ее стороны и все должны понимать: она никогда не стала бы серьезно встречаться с тем же мужчиной, что и я. Однако есть что-то особенное во взглядах, которые она тайком бросает на меня через стол. И в том, как она, будто бы невзначай, кладет голову ему на плечо после нескольких бокалов пино-нуар. И в том, как он ласково зовет ее Фили.

При мысли об этом у меня мурашки по коже.

Руки теперь в кетчупе, и я подставляю их под кран. На пальцах до сих пор жир от бургера.

Можно сколько угодно делать вид, будто ничего не произошло, но правда в том, что сначала это я была разлучницей. Джеймс встречался со своей хорошей подругой, очаровательной девушкой с

деньгами и стройной фигурой, и бросил все это ради меня, из прихоти, под вспышки прожекторов на танцполе ночного клуба. А сейчас, в этот самый момент, он сидит в соседней комнате рядом с одной из самых желанных женщин планеты, и, возможно, теперь бояться нужно мне. Изменил один раз, изменит и в другой, как сказала бы мама.

— Привет! — слышу я и поднимаю глаза.

Рядом стоит девушка и смотрит на меня в зеркало. Это подруга Джорди.

— Привет, — отвечаю я, осматривая полотенце в красных пятнах.

Выглядит оно так, будто им промокали раны после драки.

— Вы говорите как англичанка, — сообщает девушка.

Когда она улыбается, на щеках у нее появляются ямочки.

— Я и есть англичанка. — Бросаю полотенце в корзину. — А вы из Бразилии?

— В точку! Рио.

— Ого! Мы всегда хотели там побывать. Правда, нам теперь, видимо, придется потуже затянуть пояса.

Она смотрит на меня в недоумении, будто бы

знать не знает, что это такое — экономить деньги. Но, возможно, так оно и есть.

— Я Розалина.

— Бет.

Вспоминаю, как весело им было за столом, как Джорди пила шампанское и как блестели ее темные глаза.

— По-моему, вы отлично проводите время.

— Это да. — Она смотрит с виноватым видом. — Простите, если ведем себя шумно. Мы просто ужасно рады, что приехали. Джорди столько рассказывала об этой гостинице!

Решаю поиграть в дурочку.

— Кто? Джорди? Это она сидит рядом с моим мужем?

— Да. — Девушка включает воду. — Вы уж извините, что она так на него прыгнула. Надеюсь, ваш муж был не против. Она такая общительная!

— Полагаю, Джеймс в восторге.

Розалина стряхивает воду с пальцев.

— Смотрите в оба! Женатики — ее слабость.

— Что?

— Боже! — пугается девушка в зеркале. — Нет. Я ведь пошутила!

— Да, конечно. Я поняла.

Убираю волосы за уши.

Она отворачивается, вытирая руки. Повисает неловкая пауза.

— Ну ладно, — говорит девушка, бросая полотенце в корзину, и идет к двери. — Приятно было познакомиться.

— Мне тоже.

Снова оставшись одна, опираюсь ладонями на раковину. Сердце колотится в ребра, щеки горят. Стараюсь глубже дышать, успокоиться, но взгляд так и бегает — от раздутых бедер к ненавистным дряблым подмышкам и к рыжему пятну кетчупа.

Хватаю сумочку, вытаскиваю телефон и открываю «Тик-ток». С тех пор как скачала приложение, я ни разу туда не заходила, но знаю: все эти стриптизерши из соцсетей там сейчас и обитают — вытягивают из поклонников деньги.

Поисковик выдает инфу о Джорди. Ничего себе! У нее без малого пять миллионов фолловеров!

Жму на ее фото, попадаю в профиль. Под размалеванным лицом описание: «Очередная пара сисек» — и смайлик с высунутым языком.

Держи врага поблизости. Я жму «Дальше». Она, оказывается, запостила апдейт всего пару часов назад, уже из гостиницы. Там сотни тысяч просмотров. Пролистываю до видео, где она стоит

на террасе своего номера и вертится туда-сюда, показывая, что ее окружает.

— Добро пожаловать в «Кувастин», ребятки! — весело кричит Джорди, поднимая телефон повыше.

За ее спиной простирается скованный морозом ландшафт.

— Ну как? Большая у нас терраса?

По-моему, размерчик что надо — в три раза больше, чем у нас.

— Тут есть сауна, и сегодня я там разденусь. — Она подмигивает. — Подписывайтесь на мою закрытую страницу — и сможете ко мне присоединиться.

Джорди начинает показывать, что есть на террасе, болтая обо всякой ерунде. Интересно, платит она за номер? Если у нее пять миллионов подписчиков, то она, в отличие от нас, наверняка может это себе позволить. Только мир устроен иначе. Это, скорее всего, коллаборация, то есть партнерский обмен: Джорди чешет спинку хозяевам «Кувастина», а они — ей.

Она присаживается на край джакузи:

— Ну ладно. Я обещала сделать сегодня объявление, и оно… бомбическое! Просто обалденное!

Хмурюсь. Она, похоже, на нервах; что-то с ней

не так. На первый взгляд — уверенность в себе и сексуальные позы, но чем дольше смотришь, тем заметнее: сквозь макияж, сквозь маску Джорди Сантьяго проглядывает ужас. Он таится в ее глазах.

— Вы мне говорите в комментах, пишете, что… хотели бы оказаться поближе.

Ее длинные черные ресницы трепещут, словно крылья бабочки. Мое сердце сжимается в тугой комок.

— И вот я стала думать: а каково было бы… переспать с одним из моих фанатов?

Сжимаю телефон так, словно готова раскрошить его в пальцах. Вот что, значит, увидел Джеймс, пока ждал шампанское!

Наверняка он читал этот пост. Вид у него был как у мальчишки на Рождество. Будто бы он не мог поверить, что ему так повезло и женщина из его снов объявила, что открыта для предложений!

— С обычным п-парнем, — заикается Джорди, растягивая губы в неискренней улыбке.

На долю секунды ее взгляд становится каким-то рассеянным, но она тут же приходит в себя.

— В общем, с первым попавшимся.

Она подносит камеру к лицу так близко, что

можно разглядеть золотистые вкрапления в шоколадно-коричневых радужках ее глаз.

— С кем-то, кто в точности похож… на тебя.

Джорди

Слишком много съела таблеток. Я уже чувствую. Побочки еще не начались, но я знаю, что скоро будет: и головные боли, и глюки, и мысли о том, что всем станет лучше, если я себя убью. Это мы уже проходили.

Врач в прошлый раз хорошо все объяснил: «У антидепрессантов есть побочные эффекты. Мисс Сантьяго, никогда не превышайте рекомендованную дозу».

Роза и Матео над чем-то хохочут — прямо-таки вопят, как гиены, — и смех звенит, больно отдаваясь у меня в ушах.

Наливаю в высокий бокал остатки шампанского, пролив немного на стол. Смотрю, как собираются капли на лакированном дереве. Нужно быстро отвлечься, не то накатит паника.

«Я тебя вижу, Пекенита. Малышка».

Никак не могу забыть ту надпись. Ни одна живая душа не знает, что так меня называла мама. Однако же мое прозвище буквально нацарапали на стекле.

А если это она сама пытается со мной связаться?

Я не очень-то верю в эту мистическую фигню, но, если бы можно было так с ней поговорить, думаю, что я смогла бы убедить себя в чем угодно.

Зажмуриваюсь, тру глаза, стискиваю зубы. Ты совсем раскисла, Джорди! Когда мы сели за стол, я пробовала завязать разговор с соседом, каким-то британцем, чтобы отвлечься от плохих мыслей, но он оказался моим фанатом. В итоге я заливала в себя просекко, а он сидел с круглыми глазами и нес какую-то ерунду, изо всех сил стараясь на меня не пялиться. Похоже, он видел мое объявление в соцсетях и его заклинило. Только не хватало, чтобы за мной здесь таскался недоделанный плейбой.

Разблокирую телефон, смотрю, кто недавно на меня подписался. С тех пор как я опубликовала видео с террасы, новеньких набралось уже семь тысяч, и количество растет.

Что ж, хоть какая-то поддержка у меня все-таки есть.

@messirules_lagos, @_watchmeflex, @sheffieldbeth99. Добро пожаловать в клуб!

А еще, конечно, есть ненависть. Примерно через каждые тридцать комментов, словно по расписанию, получаю:

шалава
сука ты жирная
ТАК И ЗНАЛ ЧТО ТЫ ШЛЮХА

— Джо? — На меня с тревогой смотрит Матти и кладет руку мне на плечо. — Что случилось?

— Ничего, — трясу головой, как щенок. — Все в порядке.

Гулко хлопает пробка, и в воздухе рассыпается заразительный смех Розалины. Она выглядывает из-за спины Матео, в руке у нее фонтанирует пеной бутылка шампанского.

— Тост за тебя!

Улыбаясь во весь рот, она разливает вино по бокалам.

— Кажется, что ты подписала контракт сто лет назад. Правда? А мы всегда знали, что ты будешь мегазвездой.

Мы сильно чокаемся, едва не разбив бокалы, и я обвожу взглядом дымящуюся гору еды на столе. Толстенькие буррито, щедро политые сметаной, тающие горки начос, огромный, как фрисби, омлет с овощами. А вдобавок к этому соус сальса, острый салат с бобами и свиная колбаса чоризо, обжаренная с чесноком. Именно это мы ели в то утро, когда я узнала, что «Блюслейт» предлагает

мне контракт.

— Чоризо у них получилась в точности как тогда, — говорит Матео, уплетая за обе щеки.

Роза кивает так, что у нее, кажется, вот-вот отвалится голова.

— Как будто мы сейчас в «Кантина Жанейро»!

Густые ароматы и острый запах мяса возвращают меня в тот судьбоносный день в марте двадцать третьего года. «Блюслейт» представляют всех самых талантливых людей Рио, и эта сделка была для меня огромным прорывом. Она изменила все.

— А ты гуакамоле пробовала? — бубнит Роза, набив полный рот начос. — Так вкусно!

Мы тогда постоянно завтракали в «Кантина Жанейро». Письмо от «Блюслейт» пришло утром в субботу. Как ни странно, из нас троих никому не надо было на работу, поэтому мы сразу отправились праздновать.

Они приготовили тот самый бездонный бранч[6], которым мы себя баловали, когда могли это позволить. Сумасшедшая вкуснотища, шампанское рекой, атмосфера праздника. Мы просто

---

[6] Сноски: 6

Бездонный бранч (*англ.* bottomless brunch) — поздний завтрак, включающий в себя фиксированное количество еды и неограниченное количество напитков.

обжирались, в этом и был главный прикол.

За все платила я. Было не так уж и дорого, на самом-то деле сейчас я бы потратила такую сумму даже глазом не моргнув, но тогда это казалось огромным делом. Матео и Роза были так за меня рады. Матти даже расплакался, когда я сказала, что оплачу счет.

— Еще тост! — объявляет он, поставив локоть на стол.

Язык уже начинает заплетаться. В глазах блестят слезы.

— Джорди. Джорд. Ты всегда видела, кто я на самом деле. Даже до операции. Если бы тебя не было рядом, я не… я не знаю, что бы я мог…

Его губы дрожат.

— …Прости, я уже в стельку.

Обнимаю его за плечи, крепко прижимаю к груди, и он тихонько всхлипывает от радости.

Роза поднимает бокал:

— И я тоже, солнышко. Честно, не знаю, где бы я была, если бы мы с тобой не встретились. Карьеру мне бы точно не сделать.

Улыбаясь, я крепче обнимаю Матео. Он такой теплый! А тем временем мои внутренности, точно паутина, оплетает какое-то нехорошее чувство.

Все вокруг становится зыбким, словно бы сделано из желе. Мне страшно.

— Трио из Рио! — раздается сверху голос.

Над нами стоит Хенрик Хайлендер с бокалом.

– *Olá!* — приветствует его Роза своим мелодичным, звенящим голоском.

Хенрик не спеша попивает виски, оглядывая наше мексиканское пиршество.

— Поздний завтрак на ужин, — произносит он задумчиво, будто не сам выбирал такие блюда. — Нам показалось, вы оцените это… нестандартное решение.

Хмурюсь невольно. Он издевается?

— Прямо как в «Кантина Жанейро»! — радуется Матти, отрезая себе еще кусок омлета. — У вас такие классные повара.

— Это верно. — Хенрик смотрит мне прямо в глаза. — Они учились в Париже.

Я вспоминаю о манерном американце по имени Флетчер и о его стейке с трюфелем. На кухне этой гостиницы собрались таланты мирового класса. Они могли бы приготовить нам что угодно. Я бывала в ресторанах высокой кухни и точно упоминала какие-то из них в том дневнике, который они заставили меня заполнить. Хенрик мог бы выбрать то время, когда мы ходили в «Сквер-58»

или «Тауэрс». Мог бы воссоздать вечер, когда я попробовала мраморную говядину кобе и заказала по бутылке «Кристалла» для каждого из пятерых друзей за моим столом. Однако он предпочел этого не делать и выбрал дешевенькое угощение из забегаловки в торговом центре. Даже постарался найти ту самую марку «Просекко», долларов по восемь за бутылку.

Мне по большому счету все равно. Я с удовольствием схомячу буррито и буду пить шампанское через соломинку, я ведь не ломака. Да и тот день в «Кантине» был одним из лучших в моей жизни. Просто все это подозрительно — вот что я имею в виду.

— У вас есть какие-то особенные планы? — спрашивает Хенрик скучающим тоном. — Кроме того, чтобы наделать побольше селфи.

Роза смеется. Ей, с ее добротой и наивностью, в голову не приходит, что это издевка.

— Порекомендуете что-нибудь? — спрашиваю я, откидываясь на спинку стула.

— Да… пожалуй. — Хенрик смотрит сквозь стеклянные двери на лес. — Вам стоит навестить мою жену Йоханну в ее лесном убежище. Она сварит вам традиционный финский кофе. Самое то, чтобы согреть промерзшие косточки в зим-

ний день. Она почти не говорит по-английски, но ведь не обязательно знать слова, чтобы понять друг друга?

Он делает паузу и многозначительно смотрит на меня.

— Мы, вообще-то, уже заходили, — говорю я, и его брови удивленно поднимаются. — Никого не было дома.

— Йоханна там не живет, — отвечает Хенрик со снисходительной усмешкой. — Ночью в лесу иногда бывает минус тридцать, — добавляет он и указывает в сторону консьержки: — Поговорите с моей дочерью, и мы подберем удобное для вас время.

Вспоминаю противное чавканье за дверью той измазанной грязью хижины. Они точно держат там какого-то зверя. Надо бы выяснить.

— У вашей жены есть домашние животные?

— Домашние животные? — смеется Хенрик. — Нет, если не считать благородных обитателей лапландской чащи. Йоханна здесь родилась, так что в каком-то смысле все они — ее питомцы.

Матти украдкой смотрит на меня, и я знаю, о чем он думает.

Этому парню самое место на сцене.

— Хорошо, — продолжает Хенрик. — Оставлю

вас наедине с вашим бездонным бранчем. Приятного отдыха!

— О, нам очень приятно, — отвечаю я, глядя на него исподлобья. — Так мило с вашей стороны принимать нас тут!

Он дергает уголком губ:

— Пожалуйста, не стоит меня благодарить.

Есть что-то особенное в этом «пожалуйста». Думаю, Хенрик выразился буквально. Для него унизительно, что ему пришлось в итоге согласиться на коллаборацию с нами. Он ведь несколько раз отвечал отказом, если верить моим агентам, но затем приполз обратно, когда его рекламе стали позарез нужны просмотры. Не нужно быть гением, чтобы понять, что Хенрик Хайлендер презирает популярность такого рода. Связываться с кем-то, кто снимает трусы за деньги, ему противно, но только деваться некуда. По какой-то причине он плюнул на гордость и принимает у себя людей, на которых, гори они огнем, даже не помочился бы.

Я очень не люблю, когда мне отказывают, и ненавижу, когда на меня вешают ярлыки. У меня ровно столько же прав находиться здесь, как у любого другого.

Хенрик неторопливой, расслабленной поход-

кой удаляется прочь, а я провожаю его взглядом, еле сдерживаясь, чтобы не сказать пару ласковых напоследок. Значит, Трюфельного Флетчера он угостил целой беседой, и даже нелепая британская пара удостоилась театрального монолога, а я такая дрянь, что на меня великому Хайлендеру жаль потратить и пару минут? Выходит, гости вроде меня не заслуживают нормального приема?

При виде еды на столе — всей этой кучи углеводов под медленно застывающим, вязким сыром — мне становится нехорошо. Кажется, что по стенам снова идет рябь, а потолок провисает, как тканевый полог во время ливня. Мне будто бы снова семь лет. Я — кожа да кости — бреду по ночной фавеле. Настороженно зыркаю по сторонам, одичав от страха и голода. Грызу объедки и гнилые фрукты.

Нужно подышать. Оставив Розу и Матео, встаю и направляюсь в другой конец комнаты. Пошатываясь на каблуках, раздвигаю стеклянные двери и выхожу на широкую террасу, покрытую инеем. Сверху над ней деревянный навес, тут и там пылают ямы каминов. Я с облегчением вздыхаю, наслаждаясь тем, как мороз пощипывает кожу.

Окунуться в холод приятно. Он будто бы очи-

щает.

Втягиваю носом ледяной воздух и медленно выпускаю его сквозь зубы. Рассеянно глядя перед собой, слушаю звуки вокруг: ласковое журчание воды, текущей по камням, треск древесины в чаще, приглушенную музыку из ресторана.

И вдруг я замечаю что-то в лесу.

Движение.

Оно почти неразличимо для глаза — тут вздрогнет, а там качнется ветка, — но я знаю точно: в зарослях кто-то есть. Какое-то ночное животное бродит вокруг гостиницы.

Щурюсь, пытаясь разглядеть очертания в темноте, и наконец вижу рога. Да. Кривые, ветвистые рога плывут среди деревьев. На одном из отростков, от кончика до самого основания, вытянулось темное пятно. Возможно, кровь. Это северный олень, конечно. Или, может, лось? Однако лоси, по-моему, здоровенные, а это существо хоть и очень высокое, но не выше человека.

Оно бредет, неуклюже прихрамывая, будто его ранили. С того места, где я стою, не видно ничего, кроме рогов, но по ощущениям тело у него какое-то неправильное: вроде как передние ноги намного длиннее задних, и потому оно двигается рывками.

Заросли снова шелестят, и зверь окончательно скрывается из виду. Что-то его спугнуло. И все-таки мне кажется, что я слышу сквозь воркотню водопада, как он хрипло пыхтит.

— Эй! — сжимаю кулаки.

Внезапно мой слух щекочет омерзительное шуршание — словно тараканы бегут по сухой газетной бумаге. Шорох приближается. Каким-то образом этот нескладный зверь сумел разогнаться и теперь несется через подлесок в мою сторону.

Страх приковал меня к месту. И снова я слышу это грудное сиплое дыхание, однако на этот раз оно идет сверху. Поднимаю глаза и каменею от ужаса.

На внутренней поверхности навеса вниз головой висит кошмарное существо. То, что я видела раньше среди деревьев, теперь находится прямо передо мной — это огромная насекомоподобная тварь с мехом, рогами, копытами и множеством суставов. Его крючковатые конечности согнуты, как лапы богомола. От него смердит тухлятиной. Существо причудливо изгибает шею, словно хочет показать мне свое лицо. Только вместо лица у него лишь голый череп. В пустых глазницах горят огни. Это неподвижный взгляд демона. А ниже

тянется длинная и тонкая линия рта, похожая на разрез от скальпеля.

Существо клонится, точно вот-вот упадет, и с булькающим хрипом втягивает воздух. Мои легкие, кажется, заполнены цементом. Не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой, лишь смотрю, как оно растягивает покрытые волдырями губы и улыбается мне.

Улыбается влажной, кровавой улыбкой.

Флетчер

Мне почудился женский крик. Молодая британка, видимо, тоже его слышала, но, когда мы встречаемся глазами, она смущенно опускает взгляд и смотрит в телефон. Я верчу головой — нужно сказать кому-то из персонала, — но именно в такую минуту рядом, как нарочно, никого нет. Только парочка молодых бразильцев воркует над чашей, полной начос, но они слишком пьяны и шумны, поэтому ничего не заметили.

Стул рядом с ними пустует. Что же случилось с номером три, той девушкой с золотым чемоданом, одетой с ног до головы в «Гуччи»?

В синеватой тьме за стеклянными дверями виднеется тень, бредущая прочь от гостиницы. Вот она едва не наткнулась на перила террасы. Может, это она и есть? Но там же страшный мороз!

Я иду на террасу, застегивая блейзер на ходу. Девушка облокотилась на деревянные перила и стоит, ссутулившись. По движению плеч мне видно, как тяжело она дышит. Из приоткрытых губ вылетают, клубясь, облачка пара. Как же ее

зовут? Джорди что-то там.

— Простите. Джорди? Как вы себя чувствуете?

Здесь просто варварский холод, но камины, встроенные в палубу террасы, дышат приятным теплом. Небо — как черный бархат, усыпанный крупинками звезд.

Девушка оборачивается и смотрит на меня безумным взглядом. Ее волосы совсем растрепались.

— Я? — удивленно моргает она. — Я… Со мной все нормально.

— Мне показалось, кто-то кричал.

Она трет глаза.

— Ерунда. Это все из-за таблеток: я после них вижу то, чего на самом деле нет. — Она роется в сумочке, достает фиолетовый вейп. — У меня так всегда.

Гаджет у нее во рту похож на соску. Мне вспоминаются клиенты, страдавшие от галлюцинаций. Возможно, Джорди пьет бензодиазепины или антидепрессанты: и то и другое в редких случаях может стать причиной искажения сенсорного восприятия. Обычно это происходит, когда пациент превышает дозу.

Я устремляю взгляд в густую чащобу по ту сторону водопадов. Рядом механически жужжит

вейп, а в лесу что-то потрескивает, щелкает, глуховато хрустит, словно хрупкие птичьи косточки под чьей-то ногой.

— Да уж, тут есть отчего понервничать.

— И не говорите.

Мне вспоминается, как смотрел на меня Хайлендер, когда рассказывал о стонах в лесу, и как блестели его глаза, когда он потчевал меня лапландскими суевериями.

«У деревьев нет сознания, Флетчер. Они за нами не следят. Разве такое возможно?»

— Думаю, персонал нас разыгрывает, чтобы мы ощутили мистический дух этого места. Что ж, полагаю, немного театральности не помешает.

Она смотрит на меня искоса, выпуская изо рта струйку пара:

— Думаю, они тут что-то скрывают.

Усмехаюсь, но Джорди и бровью не ведет.

— Я не шучу. Видели те избушки в лесу? — продолжает она серьезно. — Мы ходили туда, и жены Хайлендера там не было. Зато был кто-то другой. Мы слышали странные звуки. — Она пододвигается ближе. — Мне кажется, там держат какого-то зверя. Они с ним что-то сделали.

С недоверием смотрю на девушку. Отвернувшись, она выдыхает, и облачко дыма плывет над

водой. Да, конечно, совпадение странное: всего пару часов назад Пол говорил мне о скандале с экспериментами на животных, — но Джорди явно нагнетает обстановку. У нее как раз такой типаж.

Прячу руки в карманы.

— Все понятно. Мутанты в лесу.

— Можете не верить, — отвечает она, не глядя. — От меня, такой красивой, не убудет.

Разговор умолк. В ночном воздухе струйками вьется пар вейпа, с веток осыпается снег.

Джорди вдруг поворачивается ко мне.

— А расскажите, Флетчер, — задумчиво говорит она, прислонившись к перилам и немного подняв подбородок, — как вы стали таким богатым? Фамильные миллионы?

Я вдруг чувствую ногой жар. Оказалось, шагнул слишком близко к яме камина.

— Почему вы решили, что я богат?

— Но вы же здесь.

Шах и мат. Отступаю подальше от огня.

— У меня свой портал онлайн-терапии — «Смолток».

— Ах да. Слышала о нем.

Она рассматривает меня в своей бесцеремонной манере, внимательно изучает темными

глазами. Фамильные миллионы тоже есть, чего уж там, но ей об этом знать необязательно.

— А я инфлюенсер, — объявляет она, отвечая на вопрос, которого я не задавал. — Бываете в «Тик-ток»?

Морщу лоб:

— Только изредка.

— В следующий раз найдите меня. — Она делает большую затяжку. — Но я, конечно, не в вашем вкусе.

Это уж слишком.

— Простите, что?

Она долго смотрит прямо на меня или, лучше сказать, внутрь меня.

— Вы же голубой, разве нет?

— Не понимаю, каким образом это касается вас.

— Не касается, — отвечает Джорди, выпуская дым. — Просто я вижу людей насквозь. — И тычет вейпом в мою сторону. — Вы это скрываете. Вам кажется, никто не видит, но это заметно. Уж поверьте.

Несмотря на стужу, меня бросает в жар. Я вышел ей помочь, и вот какова ее благодарность!

— Что ж, тогда *quid pro quo*[7], — говорю я.

Джорди на миг теряется, смотрит поверх моего плеча на стеклянные двери, за которыми ждет уютная и теплая комната.

— Вы скрываете, что росли в нищете. Вам кажется, никто не видит, но это заметно. Уж поверьте…

Она возмущенно складывает руки на груди.

— …Вы носите свои деньги как доспех. Вы не заслужили той бедности, в которой родились, но в глубине души подозреваете, что не заслужили также и богатства, и это не дает вам спокойно спать.

— Послушайте!.. — протестует она.

— Вы ведете себя так, будто ничего не боитесь, а на самом деле парализованы страхом.

Она сжимает зубы и сверлит меня глазами — этим взглядом можно спичку поджечь.

— Вы ни черта обо мне не знаете!

— Ну что ж, тогда мы с вами хоть в чем-то сходимся.

Как противники на своего рода психологической дуэли, мы смотрим друг другу прямо в глаза. Джорди переступает с ноги на ногу, будто гото-

---

[7] Сноски: 7

Quid pro quo (*лат.* нечто за нечто) — это латинское выражение часто используется в значении «услуга за услугу» или «око за око».

вится ударить, но вдруг швыряет вейп в сумочку и цокает каблуками по террасе, удаляясь. Черные волосы качаются из стороны в сторону, точно лошадиный хвост.

Я наблюдаю, как она сражается с тяжелыми стеклянными дверями и наконец раздвигает их. Злость пройдет. Такую реакцию у клиентов я видел много раз. Ты разбираешь их на части, показываешь, что внутри, а они приходят в ярость, плюются, протестуют, называют тебя проклятым лжецом, потому что правда оказалась намного безобразнее, чем они себе представляли. Однако в конце концов они всегда благодарят тебя за то, что ты сделал. Потому что в итоге, хотят они того или нет, правда их освободит.

Если бы человека разобрали на части — положили его на стол в какой-нибудь космической операционной и стали изучать до мельчайших подробностей, — знаете, что было бы у него внутри?

Крошечные частички ДРУЗЕЙ.

Те, кто нам близок, становятся нашей частью.

Сувенирный магнитик или цитата из инстаграма скажут вам, что мы лишь звездная пыль. С точки зрения науки это вполне справедливо, однако настоящая правда в каком-то смысле еще прекраснее:

мы сделаны друг из друга.

Расскажите о друзьях, из которых вы состоите.

Бет

Гладкие сумрачно-белые поля простираются на мили вокруг. Надо мной в чернильном небе сверкают звезды, а внизу, словно капли жидкого серебра, рассыпаны оледеневшие озера. В ночной тишине я парю среди облаков, над укрытыми снегом долинами и лесами, невесомая и свободная. Прохладный воздух ласкает мою кожу.

Я лечу. Для меня нет границ и преград, нет страха. Земля безмолвна, всюду покой. Это самый счастливый миг жизни, и я не хочу, чтобы он кончался. Хочу остаться тут навсегда.

Раз моргнула — и уже стою у окна. Я вернулась под крышу. Здесь тепло и темно; в стекле отражается мое голое тело. Наклоняю голову и слушаю.

Кррак. Стволы деревьев трещат и щелкают от мороза. Кррак-топ-топ.

В груди шевелится странное чувство. Настороженность, мурашки по коже. Ощущение — нет, знание! — что за мной наблюдают. Ты не одна. Рядом кто-то есть.

С другой стороны стекла вырастает сгорбленный черный силуэт. Существо, похожее на

гигантского паука, — высокое, тощее, с конечностями, изломанными под каким-то немыслимым углом, словно у кузнечика. На его черепе ветвятся рога. Оно не двигается. Оно абсолютно, угрожающе неподвижно.

В голове зовет, кричит далекий голос, будто с другой стороны тоннеля: тебе это снится, ты спишь! Не смотри ему в глаза! Сердцем знаю — делать этого нельзя. Нельзя смотреть в эти крошечные и злые багровые точки, расположенные слишком далеко друг от друга.

Не показывай, что ты его видишь. Не смотри.

— …виновата, но мне нужно с кем-то поговорить. Не могу держать это в себе…

Испуганный вдох — и я просыпаюсь.

Вокруг меня сумрачная тишь. Я в номере гостиницы «Кувастин», в Лапландии, за сотню миль от дома. Наверное, ходила во сне, как лунатик.

— В Лондоне у меня друзей нет. Они все остались в Шеффилде, и мы… потерялись, как водится.

Говорят откуда-то сверху. Сначала я думала, это обрывок сна, но оказалось, что все наяву. У голоса йоркширский акцент. И этот голос — мой!

— В общем, сейчас я общаюсь только с друзьями Джеймса. Мы ни с кем не встречаемся, кроме них…

С каждой секундой звук становится громче.

— …и я им не нравлюсь. Я ведь ему не пара.

— Почему вы так думаете? — вежливо спрашивает мужчина.

— Однажды на выходных мы поехали за город, и я слышала, как они меня обсуждали. Офелия, бывшая девушка Джеймса, смеялась, как это у моих родителей нет денег, и над тем, что мы с Джеем не можем съездить в нормальное место на отдых или купить свой дом. Она сказала, что он со мной сошелся в отместку ей, и назвала меня «эта маленькая толстенькая пакость».

В ужасе верчу головой, стараясь определить источник звука. Кажется, он идет из стен, через те же динамики, в которых сегодня днем играла музыка. Но откуда он взялся? Это какая-то мистика!

— А может, вам полезно было бы возобновить контакты со старыми друзьями? Уверен, они понимают вас гораздо лучше.

— Да, наверное. Но когда я встретила Джеймса, я вроде как сожгла мосты. Я так хотела выйти замуж, стать счастливой, что с головой окунулась в жизнь Джея. Старалась быть такой, какой, по моему представлению, хотел меня видеть он.

Громкость по-прежнему растет; где-то прибавляют звук.

— А теперь я совсем потерялась: не знаю, кто я на самом деле. Иногда из-за этого мне хочется… ранить себя…

В отчаянии смотрю на мужа. Он тихонько похрапывает, но если голоса зазвучат еще громче, они обязательно его разбудят.

Опускаюсь на четвереньки, ползу по комнате. В темноте ни черта не видно.

— Желание причинить себе вред мы обсудим позднее, — мягко говорит терапевт. — Но вам не следует винить себя за свои чувства. С ними вы ничего не можете поделать. А вот со своей реакцией — можете.

Я упираюсь головой в стену и шарю по ее шершавой поверхности в поисках вилки. Нащупываю целый ряд и начинаю выдергивать все из розеток.

— Вы говорили, что сомневаетесь насчет свадьбы, — продолжает терапевт, и я стискиваю зубы. — Это отнюдь не редкость. Можете рассказать подробнее?

Стыд пылает во мне, как раскаленное горнило. Джеймс что-то бормочет, и я каменею, повернув голову в его сторону. Только не просыпайся! Пожалуйста!

— В глубине души… о боже! Это ужасно. Я даже

не знаю, как выразиться.

— Продолжайте, Бет. Вас никто не осудит.

Это случилось в июне, за несколько месяцев до свадьбы. Тревожный голосок, что долго прятался где-то в глубине моего подсознания, в то лето зазвучал совсем отчетливо, и я наконец его услышала. Я пришла в отчаяние. Не знала, где искать поддержки.

Сайт назывался «Смол-ток». Это портал онлайн-терапии, его рекламируют во всех соцсетях, и сессии проходят с помощью видеозвонков. Я бы предпочла встретиться лично, но денег хватало только на этот сервис. К тому же так, наверное, было удобнее. Я могла проходить сеансы где угодно, хоть на прогулке в парке, хоть во время перерыва на работе. Главное, чтобы Джеймс об этом не знал.

— В глубине души мне кажется, что Джей для меня не тот человек.

Я вздрагиваю, покрывшись холодным потом.

— Продолжайте.

— Даже не знаю. Иногда он делает или говорит что-то такое, что меня пугает. Разглядывает в интернете других женщин, флиртует с бывшей. А если он такой же, как мой отец?

Шуршание простыней.

— Принцесса?

Я леденею. Нет. Нет, нет, нет!

— Кто там? — сонно бормочет муж. — С кем ты разговариваешь?

Шарю по стене руками, чуть не плача. Поздно! Уже не успеть!

— Малыш?

Внезапно запись выключается на полуслове. У меня в ушах стучит кровь.

— Ты что там делаешь?

Я сижу на полу, совершенно голая, и в ужасе жду, что запись включат снова. В голове, как гром, гремят вопросы. Кто это делает? Где они взяли файлы? Это же преступление! Доступ к таким материалам имеют только сотрудники «Смол-ток».

Стараюсь говорить спокойно, чтобы голос не дрожал:

— Это просто… ну, что-то вроде… радио. Его уже выключили. Спи.

Джеймс ворчит и снова ложится, завернувшись в одеяло. Он что-нибудь понял или только услышал голоса сквозь сон? Мне теперь стыдно, ужасно стыдно, что я говорила о нем вот так. Но мне нужно было излить кому-то душу. Эти мысли пожирали меня изнутри, как рак.

Я закрываю лицо ладонями и судорожно вздыхаю. После того, что сегодня сказал мне Джеймс, я и сама засомневалась: не рановато ли сообщила подробности нашей личной жизни каким-то незнакомцам? Однако ни разу, даже в самых кошмарных подозрениях, мне не представлялось такого.

Джей дышит ровно, он уже снова уснул, и я закрываю усталые глаза. На границе сознания все еще держатся отголоски сна: чувство полета, свобода, уверенность, что я не упаду и что никто меня не обидит; свежий, прохладный ветер на щеках. А затем — то сумрачное видение, то, похожее на паука, существо за окном. Такое неподвижное, терпеливое. Сутуло сидит на слишком длинных конечностях.

Это всего лишь воображение, фикция, но я никак не могу забыть его глаза, тлеющие во мраке, словно раскаленные угли. Глаза самого дьявола.

Джорди

Выкручиваю вентиль до упора и выгибаю спину под обжигающе горячими струями. Здесь у них стоит тропический душ, матово-черный диск размером с большую пиццу. Поток воды проглатывает меня целиком. Кажется, что я попала под ливень где-то на Амазонке.

С похмелья голова раскалывается.

«Вы скрываете, что росли в нищете… носите свои деньги как доспех…»

Тот американка вчера увидел меня насквозь. А чего еще я хотела? Он ведь психолог! Только говорил он совсем не так вкрадчиво, осторожно, как бывает на терапии, а будто бы плоть с меня срезал, слой за слоем, пока не выставил на обозрение все до последней косточки.

«Вы парализованы страхом».

Я пропускаю волосы сквозь пальцы, разрывая спутанные узелки. Ты бы тоже боялся, если бы пожил в Вила-Сомбра! Если бы знал, каково это — засыпать под выстрелы.

— Господи, как же мне было неловко! — звенит в комнате возбужденный голосок Матео, проби-

ваясь сквозь хаос и грохот бразильского трэпа[8].

Роза хохочет, а я тянусь за шампунем и выдавливаю шарик себе на ладонь. Представляю, как они там сейчас валяются в обнимку на кровати и хихикают, глядя в телефон. Ловлю себя на том, что улыбаюсь.

Может, у меня и не было нормальной семьи, зато есть друзья. Мои брат и сестра. Матти и Роза. Они понимают, откуда я родом, видели улицы, на которых я выросла, дышали тем же воздухом. Ради меня они войдут в огонь.

— Ну что там еще?

Это снова Матти: музыку ненадолго прервал колокольчик — пришло уведомление.

— Отстаньте от меня!

— Да отключи ты их! — пробивается голос Розы сквозь нахлынувший снова ритмичный лязг битов. — Мы же не на работе!

Запрокидываю голову, и вода бьет мне прямо в лицо, хлещет по щекам, вымывает сон из глаз. Втирая шампунь, думаю о своем заявлении, которое поставило на уши всю Сеть.

Я не первая, кто обещал заняться сексом на

---

[8] Сноски: 8

Трэп (*англ.* trap) — музыкальный жанр, поджанр хип-хопа, для которого характерны, в частности, мрачные тексты о тяготах уличной жизни, жестокости и нищете.

камеру, зато, похоже, самая популярная, и мой фандом просто бурлит. Каждый хочет оказаться тем самым парнем, который уложит в постель великую Джорди Сантьяго.

На самом деле я уже сомневаюсь, не зря ли затеяла все это. Да, подписчиков стало на двести тысяч больше, однако за все приходится платить. Кто-то пострадает. Мне противно даже думать об этом.

— Джорди!

Матео почему-то зашел прямо в ванную.

Растерянно оборачиваюсь:

— Что такое?

Но сквозь пену ничего не видно. Убираю с глаз белые хлопья.

— Пойди сюда, — говорит он сурово.

Это странно.

— Ты… А что случилось?

— Выйди к нам.

Накинув махровый халат, замечаю, что музыки больше нет. Матео ждет перед ванной, из-за него выглядывает Роза. В чем дело? Он никогда со мной так не говорил.

— Да что происходит?

С меня на ковер течет вода, а волосы все в пене. Вместо ответа Матти кивает на стену. На

огромном экране над нашими головами сияет ослепительно-белым мое письмо.

Пробежав глазами первые строчки, я холодею.

Пересланное сообщение:
От: Джорди Сантьяго
Тема: контракт с BlueSlate
Кому: ana@blueslate.com.br
Копия: davi@blueslate.com.br
Привет!

Извините, что не связалась с вами вчера. У меня был серьезный разговор с Розой и Матео, и они передумали насчет того, чтобы подписать контракт всем вместе. Им обоим сделали какие-то эксклюзивные предложения, а по-моему, они просто боятся, что в этой коллаборации не смогут засиять достаточно ярко. ¯_()_/¯

Грустно, конечно, – я бы ужасно хотела, чтобы у нас было трио!!! – но так уж они решили.

Поэтому… остаюсь только я! Надеюсь, это все еще ОК. Я так РАДА с вами работать. Обещаю, что буду стараться за троих. Не остановлюсь, пока не стану звездой. Гарантирую;)

Ну как? Встретимся завтра, выпьем и все подпишем?

Целую много-много раз,

Джо ххх

Сердце бьется уже прямо в горле.

Как, мать вашу, это здесь оказалось?!

— Есть что сказать?

Я вихрем поворачиваюсь к Матео. Он смотрит ледяным взглядом, недоуменно приподняв руки, будто хотел пожать плечами, да так и замер. Тяжело дышит, возмущенно раздувая ноздри.

— Д-да… есть вообще-то, — тычу я пальцем в сторону экрана. — Это моя личная переписка. Я в суд подам! Я всю душу из них вытрясу!

— Думаешь, мы поверим, что письмо показала нам гостиница?

— Что? — чуть не задыхаюсь от изумления. — Ну конечно! С какого мне самой это делать?

— Не знаю. Может, чтобы нас унизить? Я и половины той дичи, что ты творишь, не могу понять.

Кусаю пальцы. Это, наверное, какой-то сбой системы, баг. Или мне гадит какой-нибудь долбанутый фанат. Сталкер.

Ро не спускает с меня взгляда.

— А я-то все думала, почему ты ни разу не

показала нам письма от Аны, — говорит она дрожащим голосом. — Так и знала, что темнишь!

Года два назад, когда мы еще жили в крошечной трешке в Ботафогу[9], мы встретили в баре Ану и Дейви. Оказалось, они знают нас по соцсетям. Я взяла их визитку и обещала написать.

Они собирались взять нас всех, чтобы был тройной контракт. Но я-то знаю, что выходит из таких коллабораций. Тебя отодвигают в сторону. Ты становишься частью трио, а я не хотела быть какой-то там частью. Я хотела быть Джорди Сантьяго, мать вашу!

— Слушайте, котятки, — говорю я, распахивая руки для объятий. — Это все, ну… короче, вырвано из контекста.

— Из контекста? — Матео прижимает ладони к щекам. — Джорди, ты нас кинула!

— И все это время, — с чувством добавляет Роза, — мы себя поедом ели, что не можем угнаться за тобой. Фолловеров у нас меньше, просмотров — тоже. И контрактов с брендами нет. Мы-то думали, что сами виноваты и ты просто талантливее нас. А на самом деле все это неправда! Ты украла нашу карьеру!

---

[9] Сноски: 9

Ботафогу — район в юго-восточной части Рио-де-Жанейро.

Я отступаю, босые ноги тонут в мягком ворсе ковра. Мне вспоминается фавела. Долгие ночи. Как я ползала на карачках по смердящим проулкам, прячась от подозрительных типов, от мужиков, которые тянули ко мне мозолистые ручищи, чтобы облапать.

Никто не заботился обо мне тогда. Я была одна.

— Верить никому нельзя, Ро. Пора бы уже понять. Если ты упустила свой шанс, то я тут при чем? Я хотела контракт, и я его взяла.

Она гневно таращится на меня, глаза — как две небольшие луны.

— Так вот что ты имела в виду вчера, когда сказала, что хватит нам стесняться и что пора брать свое?

— Не помню, — пожимаю плечами.

— Просто так от людей ни черта не получишь… Вот что ты сказала! — Она кивает на экран; щеки у нее раскраснелись. — Но мы могли кое-что получить, Джо! Нам давали контракт, а ты его забрала.

Я задыхаюсь от возмущения.

— Но я же вернула вам все, как вы не видите? Я знала: если преуспею сама, то смогу забрать и вас. — Обвожу рукой люкс. — Так я и сделала! Я же взяла вас с собой!

Лоб Матти превращается в гармошку.

— Как домашних зверюшек? Сколько у тебя фолловеров?

— Хватит!

— Сколько?

Паника в груди разворачивает кольца, словно гремучая змея.

— Ты сам знаешь. Миллионы.

— А у меня около тридцати тысяч. Сама посчитай разницу. — Он тычет в меня сразу двумя указательными пальцами. — Ты пожадничала, только и всего! Тебе хотелось внимания, фолловеров, денег, и ты все захапала. Мои поздравления!

Опускаю голову; сдаюсь, потому что он прав: мне этого хотелось. Врать не стану, было приятно. Пусть не всегда, но иногда — точно.

Но Матео даже представить не может, почему я все это затеяла. Да и никто не может.

— Матти, Ро… послушайте. У меня была причина так поступить. И не та, о которой вы подумали.

У него на скулах играют желваки.

— Выкладывай.

Смотрю ему прямо в глаза, хочу объяснить, рассказать все. И не могу.

— Ага! Так и знал.

Он кивает Розе.

— Постойте! — кричу я.

Но они проходят мимо, уворачиваясь от моих протянутых рук.

— Не уходите! Я ведь могу все исправить.

— Нет, Джо, — качает головой Матти. — Не выйдет.

Он смыкает пальцы на дверной ручке, а у меня сжимается сердце. Вспоминаю мамины вишнево-красные ногти, приоткрытый черный разрез на шее. Себя пятилетнюю, что скиталась по улицам, роясь в кучах протухших рыбьих кишок.

— Прошу! Не оставляйте меня одну! Я не…

«Я не смогу без вас».

— Извини, Джорди, — грустно говорит Роза и выходит из комнаты вслед за Матео.

Тяжелая дверь хлопает, громко щелкнув замком, а я в слезах прислоняюсь к стене.

«Как же так вышло?»

Прижав ладонь к груди, бросаю взгляд на экран. Может, это мой телефон как-то сам подключился к системе?

Я начинаю метаться по номеру в поисках телефона. Вот он, на кофейном столике! Хватаю, лезу в настройки. Когда мы приехали, я подключилась к местному вайфаю, но дело же не в этом? Кто-то

подстроил все нарочно!

Плюхаюсь на подлокотник дивана. С волос все еще капает вода, сердце колотится как бешеное. Может, стоило сказать Матео и Розе правду? Но они бы все равно не поверили. Это все выглядит по-клоунски, даже для меня самой.

С тех пор как я сбежала из Вила-Сомбра, я несколько лет даже подумать не могла о том, чтобы туда вернуться. Мне было плевать, пусть там все хоть до фундаментов сгниет. Но затем однажды из окна такси я увидела стайку малышей, которые стояли на углу, выпрашивая объедки. Все они были такими чумазыми, что сразу стало ясно: присмотреть за ними некому и дома у них нет, им негде укрыться от жестокого мира.

У меня в то время уже была работа: продавец в магазинчике торгового центра, и я старалась как-то подняться в жизни. Однако при виде голодных детей, с мольбой смотрящих на каждого встречного, я почувствовала себя виноватой. Виноватой за то, что выбралась из ада, а другие обречены остаться там навечно.

Я обязана была что-то сделать, а для этого мне нужны были деньги.

Для таких, как я, есть только один способ хорошо заработать. Улица рано научила меня, что мое

тело имеет ценность. В девятнадцать я по ночам смотрела инсту, видела там таких же девчонок, которые жили в безумной роскоши, получая столько, сколько простым людям и не снилось. И я придумала план.

Я воспользуюсь тем даром, который дал мне Бог, — моим телом. Буду продавать его в интернете, приложу все силы и, когда разбогатею, отдам эти деньги своей фавеле, Вила-Сомбра. Принесу их домой, потрачу на уличных сирот, таких же, как я, детей без семьи, без будущего и надежды.

Я воображала что-то вроде школы — большое красивое здание с великолепными учебниками, лучшими учителями и неограниченным бюджетом. Правду сказать, картинка у меня была смутная, но я понимала одно: на все это нужны деньги. Много денег. И когда мы встретили Ану и Дейви, я увидела свой шанс. Если бы я делила свет прожекторов с друзьями, это замедлило бы мой взлет, поэтому я убрала их из контракта.

И моя звезда взошла стремительно. Я вдруг оказалась везде. Бренды хотели меня спонсировать, люди хотели засветиться в моей компании. Врать не стану, это было потрясающе! Наконец-то у меня появились возможности, я приобрела вес. Но соцсети — ловушка. Однажды узнав, что

такое слава, ты попадаешь на беговую дорожку, безжалостную машину, что летит все быстрее и быстрее с каждым днем, и если ты остановишься — умрешь. Потому что девушка за тобой, и девушка за ней, и еще десять тысяч девушек, что выстроились за ними в очередь длиной до самого горизонта, — все они готовы занять твое место по первому же свистку. И поэтому ты закручиваешь гайки, повышаешь ставку, проделываешь все более низкие и дикие трюки, пока однажды не приходит утро, когда ты просыпаешься и не узнаешь себя в зеркале.

Антиутопия, созданная нами в Сети, вышла из-под контроля. Мы больны. Взять меня, к примеру: я обещала всему интернету переспать с каким-то случайным идиотом и заснять это на видео. Ради чего? Ради новых просмотров? Рекламного контракта с очередным брендом? У моей школы до сих пор нет ни проекта, ни названия, ни места; в ее фундамент не уложено ни кирпичика. Я никому, даже лучшим друзьям, о ней не говорила, потому что мне стыдно. Неловко даже, что я об этом думала. Кто, скажите на милость, позволил бы гламурной модели открыть школу? И вообще воспринял бы меня всерьез?

Тем временем онлайн я веду себя как богач-

ка, а ведь это неправда. Моя роскошная жизнь — показуха. Особняк я снимаю, а машину взяла в аренду. Мне они не принадлежат. Мы бы и сюда, в «Кувастин», не приехали, если бы руководство не передумало насчет спонсорской поддержки. Я притворяюсь, будто принадлежу к миру Флетчеров и Хенриков, однако на самом деле я — чужая. Чужая и здесь, и где бы то ни было.

Верить тому, что видишь в соцсетях, нельзя. Спрятанные за фильтрами, сидящие в арендованных «ламборгини», мы в большинстве своем несчастные люди. Однако женщины не перестают мне писать: бредят от зависти, мечтают поменяться со мной местами. «Твоя жизнь идеальна, — говорят они. — Хотела бы я оказаться на твоем месте». А тем временем я прикована к телефону, мучаюсь бессонницей, маниакально выбираю, какую из семидесяти восьми фоток долбаного джакузи мне запостить; в моей крови пузырится наркота; я попала в зависимость от тех самых таблеток, из-за которых мне мерещатся неописуемые глюки. В ответ на такие письма я думаю лишь: «Беги, ненормальная! Отстань от меня! Не нужна тебе моя жизнь, это я мечтаю оказаться на твоем месте. Хочу твою свадьбу, детей и мужа, обеды в контейнерах, офисную работу и

нормальные, скучные будни!»

Я устала быть Джорди Сантьяго. Я хочу вырваться из клетки, которую построила себе сама, но не могу. Потому что, как только я выйду, ни одной живой душе не будет до меня дела.

И я продолжаю идти вперед. Вслепую. Не зная, доберусь ли до цели, все глубже уходя в это жуткое альтер эго — прожорливого, ненасытного зверя, от которого нет спасения.

В какой-то момент граница между нами стерлась. По ночам я смотрю в зеркало и не знаю, какая из Джорди глядит на меня оттуда. Женщина, которую я продаю миру, прокралась внутрь меня, натянула мою кожу, словно смеющийся психопат, и теперь невозможно сказать, где я, а где она. Я потеряла себя в ней.

Я стала отражением в зеркале.

Флетчер

Языки пламени лижут закопченное дно старого чайника. За долгие годы службы он весь покрылся вмятинами. Снаружи стоит мороз, но в хижине на удивление тепло, и жар очага окутывает тебя, словно одеяло. Домик наполнен ароматом жареного кофе.

– *Tämä on hyvin perinteinen suomalainen juoma,* — добродушно говорит Йоханна, снимая чайник с помощью короткой палки, продетой под ручкой. — *Pannukahvi. Se saa sinut tuntemaan olosi valppaaksi ja eläväksi*[10].

Я отвечаю кивком, хотя не понимаю ни слова. Смотрю, как она несет чайник к большому — по пояс высотой — пню, что стоит у стены. Традиционный костюм из шкур тяжело висит на ее худых плечах. По-видимому, она чувствует себя здесь как дома, что неудивительно: когда-то она и в самом деле жила в этой хижине. Об этом напомнила мне консьержка.

Было что-то неестественное в том, как Инка

---

[10] Сноски: 10

Это традиционный финский напиток. Кофе в котелке. Он бодрит и восстанавливает силы *(фин.).*

говорила о матери, провожая меня сюда. И вся эта история о строительстве гостиницы на священной земле, о стремлении сохранить культуру звучала как набор заученных фраз. Пресно. Разумеется, она все время рассказывает гостям одно и то же, так что эмоции, возможно, выдохлись из-за частого повторения. И все же я не могу отделаться от чувства, что на самом деле ей это глубоко безразлично.

Она сказала, что мать не говорит по-английски, но поболтать все равно любит.

«Просто улыбайтесь и кивайте, — посоветовала Инка. — Мама будет рада компании».

— Киитос.

Я уже в четвертый раз благодарю Йоханну единственным известным мне финским словом.

Она ставит на пень две деревянные кружки и наливает в них дымящийся черный напиток. У нее такие тонкие, высохшие руки, что мне тревожно: как бы она не уронила чайник, полный кофе. Кажется, хрупкое запястье вот-вот переломится, точно сухая веточка.

Хочется зевать. Я встал в половине пятого и три часа кряду работал, затем позавтракал свежими устрицами и маринованным со свеклой лососем. Сидя в ресторане гостиницы, я смотрел

в огромные окна на зловещее кольцо деревьев, обступивших здание, и думал о вчерашней беседе с Хайлендером. Этот человек действует мне на нервы: он то говорит намеками, то пускается в поэтические сравнения, то внезапно меняет тему. От этого становится не по себе. Однако он так расхваливал свою семью и настойчиво советовал повидать Йоханну, что я, не теряя времени даром, договорился о встрече. Конечно, роскошная гостиница производит впечатление, но все же она на этой земле явление чужеродное, а история жены Хайлендера дает возможность лучше почувствовать дух Сюнккасало, заглянуть в прошлое этих мест.

После быстрой прогулки по лесу я подошел к маленькой, заросшей травой хижине и постучал в дверь. Мне открыла худенькая женщина с длинными серебристыми волосами и лицом, на котором время оставило много историй, написанных с помощью морщин. Йоханне, должно быть, столько же лет, сколько ее мужу, однако на вид она старше и производит впечатление человека более мягкого.

Когда я вошел в тепло и мы представились друг другу, она накинула мне на плечи тяжелую шубу из оленьих шкур, усадила на скамью, застелен-

ную мехами, и принялась варить кофе.

Она делала это не спеша, терпеливо, уверенной и опытной рукой. Чайник позвякивал, в очаге потрескивали и щелкали поленья. Слушая эти звуки, я вскоре позабыл о своих обычных тревогах. Встречи совета директоров, финансовые прогнозы, непрестанное кипение технологической индустрии — все это вдруг показалось неважным в уютном домике Йоханны, и я — впервые за много месяцев — по-настоящему успокоился.

Естественно, загадочное существо, о котором говорила Джорди, так и не появилось. Нельзя ей злоупотреблять таблетками.

– *Kuksa,* — ласково говорит Йоханна, вручая мне деревянную кружку, полную почти до краев.

Я осторожно беру кофе, не снимая перчаток.

– *Kuk-sa,* — повторяет она настойчивее.

Видимо, пытается чему-то меня научить.

— А, ну да… кук-са, — эхом откликаюсь я, гадая, что означает это слово: кружку или сам напиток.

Произношение у меня не очень, но Йоханна так и расцветает. Она берет с пенька свою кружку и садится рядом со мной на скамью. Четыре или пять минут мы сидим в компанейском молчании, попиваем кофе и смотрим, как танцует пламя в

очаге. Я поглядываю по сторонам. Кривые полки уставлены глиняными горшками, с балок свисают покрытые вмятинами кастрюли. Огромный плетеный сундук переполнен потрепанной меховой одеждой так, что крышка не закрывается. На стенах тут и там висят небольшие картины, написанные маслом, а под единственным оконцем стоит мольберт со старомодной палитрой — такой, которую держат, просунув в отверстие большой палец.

— Это вы написали? — показываю на ближайший к нам холст, изображая рукой движение кисти.

Из статей о Хенрике я помню, что его жена — художница, хотя ее работы не выставлялись много лет.

Она кивает:

– *Maalaus on pyhäkköni. Minun pelastukseni*[11].

На картине — сцена в горах: у входа в пещеру сидит на корточках какое-то чудовище вроде тролля.

– *Hiisi*[12], — объявляет Йоханна, вставая.

---

[11] Сноски: 11

Живопись — мое убежище. Мое спасение *(фин.).*

[12] Сноски: 12

Хийси — в карело-финской мифологии дух леса, лесной великан, призрак.

Она показывает на увальня, затем стучит худым пальцем себе по губам и направляет его на меня.

– *Hiisi.*

— Хии… си, — пытаюсь повторить я.

По-моему, Йоханне нравится. Она переходит к следующему холсту, на котором три маленьких гоблина скачут вокруг дерева.

– *Menninkäinen*[13].

Йоханна снова прижимает палец к губам. Нервно смеюсь — такое мне уже не выговорить.

— Мен… ин…кай-нен?

Она довольно смеется:

– *Ymmärrät sen*[14].

Проводит кончиком пальца по стволу дерева:

– *Ja näetkö tämän puun? Haltijapuu*[15].

Халтьяпуу. Не это ли слово я слышал вчера от Хенрика, когда тот ударился в лирику? Деревья-эльфы — вот как он их назвал, пока разглагольствовал о лапландских суевериях и звуках леса, лишивших его сна. Энергично киваю, надеясь

---

[13] Сноски: 13

Менникяйнен — тролль, лесной дух, гном или эльф.

[14] Сноски: 14

Ты понимаешь *(фин.).*

[15] Сноски: 15

Видишь это дерево? Сказочное дерево *(фин.).*

показать Йоханне, что мне интересны традиции ее народа и что я вижу, как богата фольклором земля ее предков. Нам в Кремниевой долине до мифов мало дела, но здесь, в этом странном мире, совсем другие правила.

— А это? — показываю на холст над моей головой.

В хижине сумрачно, и я не могу разглядеть в подробностях, что там нарисовано. Кажется, маленький лесной дух, окруженный порхающими феями. Он плывет по воздуху в сторону темной прогалины между деревьями, будто некая злая сила увлекает его туда.

– *Rusko,* — вздыхает Йоханна.

Я щурюсь, глядя на холст.

— Рус-ко? — повторяю, опять коверкая слово. — О господи, я безнадежен. Этот акце…

Йоханна вдруг забирает у меня кружку. Ставит ее возле очага и снова опускается на скамью, не сводя с меня печальных, голубых, как лед, глаз.

– *Vaikutat ystävälliseltä ihmiseltä. Luulen, että voin luottaa sinuun*[16].

Она сжимает мою руку, но совсем слабо, точно ребенок. Силится выговорить какое-то слово.

---

[16] Сноски: 16

Ты кажешься добрым человеком. Думаю, тебе можно доверять *(фин.).*

— Помоги.

Меня пробирает холод, и в хижине повисает жутковатая тишина.

— Простите, что?

Вверх по спине ползет ужас. Йоханна впивается пальцами мне в руку.

— По-мо-ги, — настойчиво повторяет она.

Я хочу отодвинуться, но она придвигается ближе и держит мою руку все крепче.

— Я рас-падаюсь. Распадаюсь на… части.

Кофейная горечь жжет мне горло. Съеденная на завтрак рыба мертвым грузом лежит в желудке. Это все как-то неправильно. Не по-настоящему.

— Прошу, — хрипло продолжает она, наклоняясь так близко, что я чувствую запах кофе у нее изо рта.

Смотрит напряженно, всю мольбу вложив в этот взгляд.

— Помоги мне.

Бет

Вздрагиваю, открываю глаза. Портьеры не пропускают свет, и непонятно, сколько сейчас времени, однако выспалась я прекрасно. Кажется, проспала вдвое дольше обычного, а это значит, что утро уже наступило или скоро наступит.

Нежась под стеганым одеялом, поглаживаю мягкую, теплую простыню. Да уж, на огромном матрасе, за плотными шторами спится куда лучше, чем когда за окном шипят тормоза автобусов и воняет жареной курицей.

Перекатываюсь, тяну руку к Джеймсу. Вот тебе и на! А где он? Приподнимаюсь на локтях.

— Джей?

В комнате ни одной включенной лампочки, и душ не шумит. Беру телефон.

> Джей
> Ушел поплавать. Целую

Накинув на купальник халат, кое-как завязываю пояс и выхожу из номера, протирая сонные глаза. Тащусь по коридору, зевая, а в голове начинают мелькать обрывки вчерашних сцен: канапе

и «Дом Периньон» в широких бокалах, пятно на платье, бургер, дешевая выпивка, тяжелый желудок, постель. А потом… неужели я ходила во сне?

Какой кошмар!

«Вы говорили, что сомневаетесь насчет свадьбы…»

На лбу выступает испарина, и я прислоняюсь к стене — вот теперь я вспомнила все: голоса в ночи и то, как в панике выдергивала вилки из розеток и как под одеялом ворочался Джеймс.

Господи, да ведь я понятия не имею, что именно он услышал!

«В глубине души мне кажется, что Джей для меня — не тот человек… А если он такой же, как мой отец?»

Вдруг Джеймс ушел из-за этого? Он же никогда не встает раньше меня, особенно в отпуске. Может, прямо сейчас в бассейне он обдумывает мои слова?

«Она сомневалась и ничего не сказала. Она считает наш брак ошибкой…»

Стою и смотрю в пустой коридор. Гостиница не стала бы красть личные файлы. Не говоря уже о том, чтобы включать их в номере среди ночи. Зачем? Наверняка это какое-то совпадение, сбой системы.

Ах да! Раз в неделю «Смол-ток» присылал мне письма со ссылками на аудиозаписи моих сеансов. Я никогда их не открывала — разве есть что-то хуже, чем слушать собственное нытье? Однако эти файлы хранятся где-то в моем почтовом ящике. Что, если аудиосистема в нашем номере автоматически подключилась к моему телефону и начала воспроизводить один из них?

Спускаюсь по лестнице и призраком бреду мимо стойки администратора. От мыслей голова кругом. Объяснение разумное — с блютусом такое происходит постоянно. Но даже если я права, это ничего не меняет и Джеймс не забудет того, что слышал. Возможно, теперь он знает такие вещи, которых никогда не должен был узнать.

– *Hyvää huomenta*, миссис Рафферти, — неожиданно раздается рядом женский голос.

Наша стильная консьержка стоит за стойкой, поправляя стопку буклетов.

— Доброе утро, — переводит она саму себя.

Нервно улыбаюсь:

— Доброе… Привет!

Инка окидывает меня взглядом:

— Поплавать собрались?

Мне хочется исчезнуть. Видно ли пузо под халатом? Наверное, она сейчас вспоминает, как

я вчера пожирала тот огромный бургер. Инка почти прозрачная, а скулы у нее такие острые, что ими можно чеддер нарезать. Не будь она так мила, я бы ее ненавидела.

— А… да, — отвечаю я, складывая руки на животе.

Она указывает куда-то мне за спину:

— Дверь дальше, справа. Коридор ненадолго выведет вас наружу, но не беспокойтесь. Это наша лесная тропинка. Так и задумано.

Следуя указаниям Инки, шагаю по коридору, глазея через шестиметровые окна на безмолвное кружение снежных хлопьев, что скопились в небе. Тучи сегодня не такие, как вчера, — сумрачнее и гуще. Прогноз говорит, что скоро начнется буря. Подозреваю, что здесь под этим словом понимают совсем не то, что у нас в Англии — капризный дождичек и один неловкий громовой раскат. В Лапландии, наверное, такие метели, что ветром может сорвать лицо.

Вскоре автоматические стеклянные двери выпускают меня во внешний мир. Я иду по тропе, выстланной грубой мешковиной, и морозный воздух Финляндии ласкает мою кожу. Справа журчит небольшой ручей и струятся по замшелым камням серебристые водопады. Тут очень

красиво, как в сказке, но полог деревьев, что колышется над головой, вызывает гнетущее чувство — кажется, будто лес смыкает вокруг ряды и оттуда, из тени, за тобой следят мигающие глазки.

Я вдруг останавливаюсь, заметив странный узор из света, что танцует у моих ног. Впереди, среди скал, окаймляющих тропу, установлена каменная плита, на которой высечена финская пословица. *«Katso ylös ja usko»*. Ниже дан перевод: «Подними глаза и поверь».

Запрокидываю голову, и от восторга дух захватывает: оказалось, я иду под бассейном!

Его стеклянное дно висит в воздухе, свет льется на воду сверху, и она сверкает, точно жидкий хрусталь. Погрузившись туда, ты сольешься с природой и будешь чувствовать себя как в лесу!

В углу бассейна плещется одинокая пара волосатых ног с бугристыми коленями. На ногах — мешковатые ярко-оранжевые шорты. Уголок моих губ ползет вверх. Давным-давно они достались Джеймсу бесплатно на конференции во Флориде, и он теперь всегда обязательно берет их в отпуск. В основном ради того, чтобы меня смутить. Они просто ужасны: цвет из серии «вырви глаз», да еще на них огромный логотип «Фанты».

Однако за годы я, как ни странно, прониклась к ним симпатией. В них есть что-то такое… очень джеевское.

Пока я наблюдаю, как тощие ноги Джеймса бьют по воде, к ним направляются другие — стройные и загорелые. Они ведут к трусикам-бикини с высокой талией, таким открытым, что воображению просто делать нечего: упругие, округлые ягодицы девушки разделены только узенькой полоской ткани.

Это она! Устремилась к Джею, словно акула!

С шага перехожу на бег. Врываюсь в здание через вторую пару автоматических дверей и, поднявшись по спиральной лестнице, влетаю во влажное тепло оздоровительного центра. Где же вход в бассейн?

Всюду пахнет ароматическими свечами, из динамиков плывет нежный звон колокольчиков. Сотрудников нет, и место кажется заброшенным.

Я иду туда, где теплее; петляю по выложенному плиткой коридору, пока не оказываюсь в зале с бассейном. Кулаки сжаты, я на взводе, но в воде уже нет никого. Стоя на краю бассейна, смотрю сквозь стеклянное дно на тропу из холста, ручей и горку из валунов. В том углу, где плавал Джеймс, по воде еще бегут небольшие волны.

Он только что вышел! Я прижимаю руку к шее, вспоминая видео, опубликованное Джорди. Трепет ее шелковых ресниц, увеличенное линзой лицо.

«А каково было бы… переспать с одним из моих фанатов?»

Что, если она увела его в раздевалку? Там удобно — никто не застанет. В кабинке она соблазнит Джея, сделает видео и мигом отправит в интернет.

Нужно остановить их! Остановить ее!

Следуя за указателями, спешу по мокрому полу. Вот и маленький вестибюль, в нем — две двери. Сначала заглядываю в женскую раздевалку. Там пусто, и я прохожу вдоль кабинок, аккуратно толкая их двери пальцем.

Все кабинки открыты и не заняты.

Я снова в вестибюле. Стою, потея, перед входом в мужскую раздевалку. Что это за звуки внутри? Там шлепают босые ноги?

Стискиваю зубы: ты уже далеко зашла, отступать нельзя.

И я открываю дверь.

— Какого черта, принцесса?

Перед ящиками стоит, согнувшись, голый Джеймс. Серое полотенце сползло, над верхним

краем видна его маленькая задница. Он подхватывает полотенце и заворачивается в него, вытаращив глаза.

Я верчу головой:

— А… где?

«Ее тут нет!»

— Где остальные?

— Чего? Ради бога, это мужская раздевалка!

Качая головой, он быстро натягивает шорты.

— Я… ничего.

Стараюсь разгадать выражение его лица. Может, они услышали меня и он ее куда-то спрятал?

— Ты бы вышла, — ворчит Джей и начинает сушить волосы.

— Да ладно, все равно тут никого.

Я инспектирую ряд просветов под дверями кабинок, но загорелых ног нет ни в одной. Джеймс, похоже, растерялся вполне искренне, так что, вероятно, ее тут и не было. Может, это я вообразила себе черт знает что?

Набираю в грудь воздуха.

— А бассейн ничего так, — говорю самым беззаботным тоном, на какой способна. — Вода теплая?

— Да, норм. — Джей хмурится. — Хорошо спа-

ла?

— Угу.

Он достает из ящика скомканные брюки.

— А я и подумал: пусть еще немного поспит. Тебя из пушки было не разбудить.

Смотрю, как он разворачивает джинсы, заправляет обратно карманы. На языке так и вертятся вопросы.

«А ты как спал, дорогой? Слышал что-нибудь… странное?»

— Надо заскочить на завтрак, — говорит он. — А после, может, прогуляемся по лесу? Хочется высунуть нос наружу, а то погода скоро испортится.

Озадаченно чешу затылок. Чуть свет — в бассейн, теперь еще и на прогулку.

— Ты сегодня такой энергичный, — говорю я как бы невзначай. — Наверное, хорошо выспался в большой кровати.

— Дружище, я спал как убитый.

Ненавижу, когда он зовет меня «дружище». Знаю, он думает, что это смешно, но я не дружище. Я, черт побери, его жена!

— Правда, я один раз проснулся, — добавляет он, натягивая джинсы.

Пока Джей прыгает с ноги на ногу, мое сердце ходит в груди, как поршень, гоняя кровь.

— Снилась какая-то дичь, типа кошмара. Что же… — Он поднимает глаза и щурится, вспоминая. — Что же там было такое?

Смотрю на него затаив дыхание. Слышал он что-нибудь, знает ли мой секрет? С другой стороны, выяснять не хочется — страшно.

— Вспомнил! — Джей застегивает ширинку. — Не знаю, куда я попал, но там было темно, хоть глаз выколи. И я слышал твой голос, только шел он не от тебя, а откуда-то еще… — Он морщит лоб. — Ты говорила кому-то, что нам, возможно, не стоило жениться и что ты даже не уверена, твой ли я человек. — Он отрешенно смотрит в пол. — Это было ужасно.

Я проглатываю чувство вины, прячу его поглубже. Наверное, не стоило мне признаваться в таких вещах незнакомым людям. Не знаю. Однако я им призналась, и все это попало в запись, а теперь сидит в голове у Джеймса, как бомба с часовым механизмом.

— Потом я открыл глаза, — продолжает он, застегивая ремень. — Или думал, что открыл, и вроде как оказался в гостинице… но не в реальности, понимаешь?

Я осторожно киваю, а Джей задумчиво смотрит в стену.

— А еще я видел что-то на улице. Оно за нами наблюдало. Это было какое-то… животное.

У меня холодеет сердце. Я ведь тоже видела что-то прошлой ночью на террасе! Какую-то чудовищную тень, ночного зверя, он глядел на меня сквозь стекло пронзительными красными глазами.

Убираю за ухо непослушный локон, смотрю на Джеймса. Как могут два человека видеть одинаковый сон в одно и то же время? Разве такое возможно?

— Я испугался, — добавляет он и плюхается на скамью со свернутыми носками в руке. — Ты же знаешь, мне никогда не снятся кошмары, но это животное, существо… такое жуткое. — Он делает паузу, глядя в пространство. — Хуже всего были глаза. Они какие-то такие, слишком широко посаженные. А цвет…

Он снова умолкает, захваченный воспоминанием, а я уже знаю, что он сейчас скажет.

— Его глаза были красными, как угли.

Флетчер

В кармане у меня внезапно звонит телефон, и мы с Йоханной, вздрогнув, опускаем голову. Оба еще не знаем, как я поступлю дальше, что выберу — звонок или ее мольбу о помощи.

— И-извините, — говорю я, вставая. — Это… может быть, важное дело.

Вижу на экране имя моей помощницы.

Я бросаю на скамейку оленью шкуру и, пряча глаза, пригнувшись, выныриваю наружу, в бодрящий воздух. Дверь за мной протяжно скрипит, закрываясь.

Небо над пологом леса уже наливается темной синевой. Сразу вспоминаю прогноз погоды, который смотрел сегодня за завтраком: ярко-желтые предупреждения о метели, холодный фронт, ползущий на Сюнккасало, как облако токсичного газа. Надвигается буря.

Шагая по хрустящему снегу, я оборачиваюсь и смотрю на хижину. Над ее крышей поднимается дымок. Такое чувство, что в мутном окошке рядом с дверью вот-вот покажется лицо Йоханны с отчаянной мольбой в глазах.

— Зара? Что-то случилось?

Она говорит, что со мной опять хочет связаться Пол, и я замедляю шаг. Мы с ней хорошо понимаем: если начальник моей службы безопасности звонит уже второй раз за пару дней, дело очень серьезное.

— Соедини нас.

Может, я просто вышел из тепла, но мне кажется, что в лесу похолодало. Ледяной ветер налетает порывами, кусает щеки. Я поднимаю капюшон: волосы уже намокли от снежинок.

— Извините за беспокойство, — громко говорит Пол, стараясь, чтобы его было слышно за монотонным прибоем уличного шума. — Я тут собираю информацию насчет Хайлендера, и кое-что меня тревожит.

Носок моего ботинка цепляется за корень, прикрытый снегом, я теряю равновесие, и ногу тут же заглатывает сугроб. Прислоняюсь к сосновому стволу, чтобы отряхнуться.

— Продолжайте.

Пол прочищает горло.

— «Кувастин» далеко не такой прибыльный, каким кажется. Блогерам и кинозвездам, которые нахваливают его в интернете, отдых оплатил сам Хайлендер. Это чистый маркетинг.

Я бросаю взгляд вперед, на отель, что темнеет за деревьями на фоне мрачного неба, будто гигантский кристалл обсидиана. Его фасад выражает неизменность и постоянство. «Меня не сдвинуть», — как бы говорит он.

— Наверное, там есть на что посмотреть? — продолжает Пол.

Вспоминаю все эти изысканные произведения искусства в каждом коридоре, сверхсовременное зеркало с искусственным интеллектом в лифте, «ягуары» с автопилотом на парковке.

— Еще бы! Он не скупился на расходы.

— Что ж, — горько усмехается Пол, — увлекся, значит. Скандал с тестированием косметики больно ударил по его репутации, и поначалу номера почти не продавались. Он до сих пор не вышел в плюс…

В трубке перекликаются автомобильные гудки.

— …Конечно, большинство гостиниц начинает приносить прибыль только годы спустя, но даже при таком раскладе у него большие проблемы. Они продают номера с огромной скидкой, просто чтобы набрать побольше народа.

Приближаясь к гостинице, сквозь огромные окна я замечаю какое-то волнение в лобби. Гости

толкаются у стойки, администраторы мечутся от одного клиента к другому. Там собралось человек двадцать, и обстановка явно напряженная.

— А чего ради он вообще взялся проводить испытания на животных? — спрашиваю я, стараясь объединить образ циничного воротилы бизнеса с добрым стариной Хенриком из журнальных статей.

Еще вчера вечером он соловьем заливался на тему священной земли, живых деревьев и духов леса.

— Денег не хватило. Анализы, клинические испытания — все это очень дорого по сравнению с проверкой на крысах и кроликах. Которая, к слову, запрещена в ЕС. — Пол умолкает на секунду. — Уверен, Хайлендер это сделал, чтобы хоть как-то отбить расходы на постройку гостиницы. Какая ирония — после утечки видео он потерял в разы больше! Правда, хуже всего пришлось тому парню, который в этом деле стал крайним.

Я не согласен с его формулировкой. Насколько мне известно, Хенрик стремился представить бывшего сотрудника вовсе не крайним, а единственным злоумышленником, паршивой овцой, которую следовало выгнать из стада раньше, пока беды еще не случилось.

— А я видел этого человека в новостях, — говорю я, вспоминая фото подсудимого: хищные черные глаза, тату в виде колючей проволоки вокруг мощной шеи. — Тот еще тип!

— Сигвард Йонссон? Еще бы! Он просто монстр. Бывший спецназовец, уволен за жестокое обращение с пленными. Делал такое, что кровь стынет в жилах. Наверняка ему и животных нравилось мучить. Но главное — он всего лишь выполнял приказы. — Пол вздыхает. — Хайлендер точно знал, что творилось на фабрике, потому что сам заварил эту кашу. А Йонссона он просто подставил.

Сквозь стеклянные двери я вижу ресторан, где вчера познакомился с Хенриком. Человек он странный и своенравный, манера вести разговор у него неприятная. Уж в чем я хорошо разбираюсь, так это в людях — умею заглянуть им под капот и выяснить, как они устроены, — однако Хайлендер так и остался для меня загадкой. Он злодей или сумасшедший, а может, у него какое-то горе? Трудно сказать.

— Не стоит ему доверять, мистер Рен. — На секунду связь прерывается. — У вас там точно все в порядке?

Я с самого начала знал, что этим кончится: Пол

хочет, чтобы я вернулся домой. Прямо сказать он не может, так как это не входит в его полномочия, но я все чувствую по голосу. Если бы не беспокоился, не позвонил бы.

— Тут довольно-таки неплохо, — отвечаю притворно беспечным тоном. — Однако спасибо за предупреждение.

Пол щелкает языком.

— Вы помните, я говорил о частном детективе? Гевин Райт — парень, который продал видео журналистам? Подозреваю, он может появиться в гостинице, но под чужим именем. Возможно, он уже там.

Поднявшись на обледенелую террасу, я снова смотрю в окно, на людей, собравшихся в лобби. Смог бы я вот так, без подготовки, узнать в толпе детектива? Я даже не знаю, на что обратить внимание!

— А Райта мне стоит опасаться?

— Несколько лет назад он пропал с радаров: запил после тяжелого развода, но раньше был настоящим профи. Мог найти что угодно и кого угодно, умел всю жизнь человека наизнанку вывернуть. — Пол умолкает ненадолго, чтобы я успел проникнуться смыслом его слов. — Сэр, а оно того стоит — подвергать себя риску ради

какого-то отпуска?

Прижимаю к губам кулак. Откровенничать я, конечно, не собираюсь, но я сюда приехал не в отпуск, а потому что так надо. Причина — в том, что я нашел кое-что на чердаке у родителей в прошлом году, в день похорон моего отца. Всего через пару часов после того, как его тело опустили в могилу.

— Волноваться не о чем, — говорю я, постукивая ботинком о ботинок и глядя, как слипшийся снег падает на террасу.

Пола это не убедит, но расспрашивать дальше он не станет. Когда ты богат, люди стараются вести себя, как тебе удобнее.

— Хорошо, сэр.

— Есть один вопрос, — говорю я и вхожу в гостиницу.

Теплый воздух согревает мне лицо.

— Что вам известно о Йоханне Хайлендер?

— О его жене? Почти ничего. А почему вы спрашиваете?

Вспоминаю морщинистое лицо и хрупкую, высохшую фигурку Йоханны, ужас в ее глазах, когда она просила меня о помощи. За кулисами жизни Хайлендеров творится неладное.

— Просто так. Однако дайте мне знать, если

попадется какая-то информация.

— Конечно, сэр. Будьте осторожны.

Повесив трубку, я закрываю за собой двери и смотрю на сплошную черную стену леса. Где-то там, в хижине, возле очага, сидит, сгорбившись, Йоханна, и меня мучает совесть, что я бросил ее одну под взглядами чудовищ на этих зловещих картинах.

Она с трудом говорит по-английски, и нам трудно было объясняться, но от ее слов у меня до сих пор мороз по коже. «Я разваливаюсь. Распадаюсь».

— Кажется, мой телефон подключился к колонкам. Может такое произойти?

У стойки — та самая британка, что приехала с мужем провести здесь медовый месяц. Бет. Она в махровом халате.

Встаю за ней, образуя коротенькую очередь из одного человека.

— Может, через блютус? — добавляет она тихим голосом, сутуля плечи.

Я еще вчера заметил, до чего беспокойно она ведет себя с незнакомцами — словно исполняет какой-то нескончаемый танец, стараясь казаться меньше. Это, наверное, сильно изматывает.

— Мы оба проснулись.

Инка сочувственно хмурится:

— Мне очень жаль, миссис Рафферти. Хотя, как правило, активировать это соединение должен сам владелец телефона. Наши колонки не подключаются к другим устройствам, если только им специально не разрешить.

— Д-да, все верно.

Бет запускает руку в волосы и ерошит их пальцами.

— Вы… Не могли бы вы отключить их на день-другой? Я… устала и не хочу, чтобы меня беспокоили ночью.

Инка набирает что-то в планшете:

— Разумеется. Я немедленно пошлю кого-нибудь решить этот вопрос.

Тут она замечает меня:

— Секундочку, мистер Рен.

Бет резко оборачивается и краснеет.

— Простите, — извиняется она без всякой причины, как это принято у англичан.

Вежливо улыбаюсь. Она медлит, глядя на меня почти с мольбой. В ее глазах паника.

— Говорю же вам, у нас проблемы с телевизором, — с акцентом объясняет кто-то на другом конце стойки.

Там стоит та веселая кудрявая девушка из Бра-

зилии.

— В чем именно заключается проблема? — спрашивает сотрудник.

Лицо у него напряженное, как и у всех его коллег.

— Я не… Просто… — Дрожащими руками девушка нервно крутит кольцо на среднем пальце. — На экране появилось кое-что такое, чему там было не место, и мы не желаем больше оставаться в том номере.

— В настоящее время у нас проблемы с облаком данных, — автоматически повторяет парень заученные слова, как-то слишком высоко подняв брови. — Однако уверяю вас, наши специалисты уже занимаются этим вопросом.

Проблемы с облаком? Даже тот, кто далек от информационных технологий, поймет, что это значит «мы понятия не имеем, в чем дело».

— Нам двоим нужен отдельный номер, — умоляет девушка с нотками отчаяния в голосе.

У нее такое же огорченное лицо и такая же паника в глазах, как у Бет.

— Мы там жить больше не будем!

А ведь еще вчера они втроем заливали в себя просекко, хохоча до истерического визга. Значит, того, что появилось на экране, хватило, чтобы

испортить с виду крепкую дружбу.

Мне становится тревожно.

Бет и бразильцы не единственные, у кого сегодня возникли проблемы. Вдоль всей стойки клиенты с нервными лицами вполголоса задают вопросы о сбоях или странных предметах, которые появились в их номерах.

Ах да, Пол ведь говорил о частном детективе. Я снова оглядываю лобби. Нет ли тут кого-то, кто выделяется на фоне остальных гостей? Может, Гевин Райт притворяется бизнесменом или светским львом? Что, если это Джеймс, незадачливый муж англичанки? Или он стал одним из сотрудников гостиницы и работает под прикрытием?

У Хайлендера ведется сложнейшая работа — он каждому оказывает индивидуальный прием, подстраиваясь под прихоти и желания клиента. Для этого обрабатывается огромное количество личных данных, документов и фотографий, так что «проблемы с облаком» — не важно, реальные или выдуманные — вполне разумное объяснение.

Однако интуиция подсказывает: дело не в этом. У меня нехорошее предчувствие, что правда куда серьезнее.

— Секундочку. — Администратор проводит пальцем по экрану. — Думаю, мы сможем органи-

зовать… да. — Он поднимает глаза. — Есть один номер, он будет свободен до конца вашего отдыха. Сорок три тысячи триста семь евро. Перевести в бразильские реалы?

Девушка поднимает ладонь ко лбу и в ужасе смотрит на друга. Чутье меня не подвело: платит за все Джорди.

Третий «мушкетер» — стройный, красивый парень — шагает к стойке. Его лицо пылает гневом.

— Слушайте, — шипит он, подавшись вперед. — Сегодня утром на экране каким-то образом появилось очень личное письмо. Уж не знаю, как так вышло, но это определенно нарушение тайны частной жизни. В Рио мы достаточно популярны, так что, если вы не хотите большого скандала в соцсетях насчет утечки данных, лучше вам обнулить эту сумму и сказать нам, где находится номер.

— Мистер Рен?

За стойкой меня терпеливо ждет консьержка. Бет исчезла.

— Как я могу вам помочь? — спрашивает Инка, профессионально игнорируя маленькую психодраму, что разыгрывается в паре метров от нас.

Я почесываю бровь.

— А… Я хотел узнать, присоединится ли к нам мистер Хайлендер сегодня вечером в обсерватории.

Одна из жемчужин в короне «Кувастина» — специально оборудованное место, откуда можно насладиться прекрасными видами северного сияния. Сеанса я жду с нетерпением, хоть он для меня уже не первый. Однако в обсерваторию меня влечет не только это: есть другая, более веская причина.

— Да, конечно же! — широко улыбается Инка.

Ей приятно, что я, в отличие от остальных гостей в лобби, пришел не жаловаться.

— Отец большой любитель северного сияния. Он очень старался построить обсерваторию в наилучшей для наблюдений точке…

Если я смогу поговорить с Хайлендером наедине, возможно, у меня получится его «расколоть». Я увижу, как он реагирует на вопросы о жене или скандале с его косметической компанией.

— …и этот уголок Лапландии в самом деле уникален…

Тогда я сумею выяснить, что он скрывает.

— …кажется, что можно коснуться их рукой…

Инка все говорит, а меня тем временем при-

влекает то, что творится позади нее, за окошком кухонной двери. С той стороны стекла видны две фигуры, блестит стальной бок холодильной камеры.

— Погода скоро испортится, — предупреждает консьержка.

Я щурюсь, стараясь понять, что делают эти люди.

— Однако мы рассчитываем, что до девяти вечера будет ясно.

Я вздрагиваю, узнав в одной из фигур Хайлендера. Он держит за горло работницу кухни — хрупкую, совсем еще молоденькую девушку. Прижал ее к двери холодильника и явно душит. Она таращит побелевшие от ужаса глаза. Пока я беспомощно наблюдаю, Хенрик с силой толкает ее спиной на стальную стенку. Раз. И другой.

— Мистер Рен? Все в порядке?

Оглядываю гостей — неужели больше никто не видит? Однако все поглощены своими делами: кто-то возмущается тем, что его заставили ждать, а кто-то уткнулся в телефон.

Что, черт побери, тут происходит?

— Мистер Рен? — ждет ответа Инка.

— Д-да… Да. — Улыбаюсь ей через силу и нетвердой рукой разглаживаю складки на ру-

башке. — Все хорошо.

Набравшись смелости, я снова смотрю в окошко. Девушка все еще там: часто моргая от ужаса, стоит у двери холодильника и держится рукой за горло.

Хенрик уже ушел.

Джорди

Врезаюсь в ледяную воду, кричу каждой клеточкой своих легких. Вокруг бурлят пузырьки, а кожу продирает жгучий холод. Когда мои ступни касаются плиток, я прижимаю руки к стенкам.

Остаюсь на дне бассейна. Представляю друзей, точнее — бывших друзей. Какие лица были у них, когда они вытащили меня из душа. Вечер нашей первой встречи, запах опилок на бетонном полу, дребезжащий ритм песни Спрингстина.

Закрываю глаза, и крик переходит в рыдания.

«Никогда не плачь на людях», — говорю я себе, пока слезы растворяются в бурлящей воде. Этот урок я выучила в фавеле. Слабость — признак жертвы.

Когда холод становится нестерпимым, я позволяю давлению вытолкать меня на поверхность и выбираюсь из бассейна. С меня течет вода. Беру полотенце, заворачиваюсь в него. Все тело в мурашках, а я стою и смотрю сквозь стекло на свой опустевший люкс.

Без них он кажется в пять раз больше.

Матти написал, что они договорились насчет

отдельного номера. И еще — что мне лучше держаться от них подальше.

Я сначала хотела закатить внизу скандал. Наорать на консьержку, потребовать объяснения, а может, и компенсации в виде более дорогого номера. Но разве это поможет? Исправить уже ничего нельзя.

К тому же, сказать по правде, мне стыдно. Я влезла на вершину по головам друзей. Они мне верили, а я их обманула и теперь не знаю, простят ли они меня когда-нибудь. Я больше не хочу говорить об этом. И даже думать не хочу.

Вся дрожа, возвращаюсь в номер и закрываю дверь. Телефон лежит на подлокотнике дивана экраном вверх — видно, что там полно сообщений. От одного взгляда на него тошно, однако бросать нельзя — его необходимо кормить. Мое вчерашнее объявление стало монстром: оно растет и мутирует, извергает лайки и подписчиков, повышает вовлеченность, с каждой секундой делая меня все более популярной, все более бесстыдной. И я все больше превращаюсь в Джорди Сантьяго.

Пока не передумала, хватаю телефон и начинаю снимать. Делаю так, чтобы в кадре было побольше тела — прохладная кожа усеяна капель-

ками воды, над краем полотенца поднимаются пышные груди.

— Малыши, — начинаю я, растягивая губы в улыбке, — я только что ныряла в бассейн на террасе и буквально превратилась в ледышку… надеюсь, вы меня согреете?

В горле ком, но я стискиваю зубы, гоню чувства прочь.

— Оставь комментарий. Расскажи, почему именно ты, а не кто-то другой достоин уложить меня в постель. Победить может только один, а ведь ты знаешь — я очень привередлива…

Обрезать, наложить фильтр, отправить.

Только не думай. Не представляй, как они уже строчат ответы, сутулясь над телефонами, стуча по экранам липкими пальцами. Лучше всего будут просто смайлы: меня они не волнуют. Хуже всего — оскорбительные или агрессивные комменты. В некоторых будет ненависть к женщинам, в некоторых — расизм. Вот они и застрянут у меня в памяти. Будут крутиться в голове по ночам, когда я лежу и беспомощно таращусь в потолок, в моей крови циркулируют вещества, а над головой извиваются кошмарные призраки. Мама сидит на потолке, будто паучиха; разрез у нее на шее разверзается, как улыбка, и

кровь капает на простыни.

Однако это все не помешает мне опубликовать очередной пост. Теперь мне вообще ничто не может помешать. Беговая дорожка запустилась. Ее не остановишь. Просто продолжай кормить монстра.

Блокирую телефон и кидаю его на диванные подушки. Кожа горит. Пару секунд стою, тяжело дыша, посреди пустого номера и тут замечаю что-то красное на кровати. Кто-то выложил там полумесяц из лепестков красных роз. А ведь их не было, когда я уходила в бассейн (не было же?). Значит, кто-то незаметно прокрался в комнату, пока я ныряла. Вошел и быстренько вышел.

Задумчиво накручиваю на палец прядь волос. Розы — странный выбор: я здесь не с партнером, и персонал это знает. Зато они хорошо будут выглядеть в инстаграме.

Подхожу к кровати, набираю горсть лепестков и тут же высыпаю обратно. Что за черт? Вместо шелковой нежности — ощущение дешевого пластика. Они пощелкивают, соприкасаясь друг с другом.

Да это не лепестки, а ногти! Сотни ногтей разбросаны по простыням и вдоль подушек, рассыпаны по полу. Блестят красным лаком цвета

вишни в сиропе.

От испуга меня отбрасывает назад. Красные ногти — одно из немногих воспоминаний, связанных с матерью, но я никому о них не говорила! Или все же было дело?

Если так подумать, прежде чем стать популярной, я вела анонимный блог. Он был просто адски дебильным, но там я изливала душу: писала об одиночестве, горе — словом, обо всем без утайки. Возможно, упоминала и мать, а потом забыла. У меня был псевдоним. Насколько я знаю, читали этот блог только Роза и Матео, но они ведь не сделали бы мне такого? Даже из мести. Это безумие!

В ужасе глядя на рассыпанные ногти, я вдруг замечаю, что их раскидали не просто так — они ведут куда-то. Неровная, прерывистая линия тянется от кровати в ванную. Робко следуя этой «дороге из красного кирпича»[17], я вхожу туда. Стараюсь не думать, где они достали столько ногтей. Цепочка тянется по плитке к дальней стене, где находится раковина. Едва подхожу, как на раме зеркала вспыхивают лампочки. Упираясь руками в фаянс, наклоняюсь, чтобы взглянуть

[17] Сноски: 17

«*Дорога из красного кирпича*» — образ отсылает к сказке Л. Ф. Баума «Удивительный волшебник из страны Оз», в которой девочка Дороти отправилась в Изумрудный город по дороге из желтого кирпича.

поближе. В ослепительном свете видно, что ногти накладные, из пластика. Такие найдешь на туалетном столике у любой женщины.

Что за тварь могла сделать такое?

Хочется умыться холодной водой. Протянув руку к вентилю, вдруг замираю. Под раму зеркала кто-то засунул фото — как приз в конце тропинки из ногтей. На старом листке с потрепанными краями — реклама эскорт-услуг на португальском. С фотографии смотрит соблазнительная брюнетка с распущенными волосами и жгучими черными глазами.

— Mamãe…[18]

«Хочешь классно провести время? — спрашивает яркий фиолетовый заголовок. — Габриэла Сантьяго, женщина твоей мечты!»

Запускаю пальцы в мокрые волосы. Меня просто трясет от ярости. Как же я ненавижу того, кто это сделал! Того, кто имел наглость препарировать мое прошлое, словно труп в морге! Я и так всегда подозревала, что мама ради куска хлеба торговала собой, — там, откуда я родом, у женщин нет большого выбора, — но теперь у меня есть подтверждение.

---

[18] Сноски: 18
Мамочка *(порт.)*.

По всей вероятности, это и стало причиной ее самоубийства.

Вспоминаю, с какой неприязнью смотрел на меня Хайлендер вчера за ужином. Это он все подстроил? Хочет меня унизить? Заставляет признать, что я проститутка, что тяга оказывать секс-услуги у меня в крови и, как бы я ни старалась, мне от этого не уйти?

А ведь это правда. Пусть она жжет мне сердце, пусть от этой мысли хочется врезать по зеркалу кулаком. Хенрик увидел меня насквозь и теперь посылает сообщение: яблоко от яблоньки…

Он показывает мне, кто я такая.

Кто вы?

Великий вопрос, на который нет ответа.

Вы прошли через множество горнил. Каждое событие вашей жизни — не важно, большое или мелкое — оставило свою отметину, и не все воспоминания приятны.

Даже здесь, в «Кувастине», мы признаем это.

А потому, если вы чувствуете, что это возможно, мы бы хотели услышать о тех жизненных ИСПЫТАНИЯХ, что сделали вас такими, какими вы стали. О ситуациях, которые проверили вас на прочность, оставили шрамы, но в итоге дали вам силу, мудрость и стойкость.

Расскажите нам о пламени, которое закалило вас.

Флетчер

Я помню момент, когда осознал, что я другой.

Это случилось ночью, в середине зимы, через пару недель после Рождества. Мне было двенадцать, я спал у себя в комнате в студенческом общежитии. Пять или шесть мальчишек вытянули меня из кровати, оттащили вниз и, раздев догола, вытолкнули во внутренний двор. Побитый, испуганный, я сидел на траве, прикрываясь руками, а на лестнице стояли, хохоча, мои обидчики. Затем они швырнули мне открытый порножурнал и приказали смотреть.

Я тогда еще ни разу не видел голых женщин. Она была первой. Пылкий взгляд, огромные силиконовые груди, широко расставленные ноги, между которыми было видно все. Я пришел в ужас.

«Горячая штучка, а, Флетчер? Сунул бы палец? Он не может, у него же увечная рука. Больной недоумок…»

Школьная жизнь у меня была не сахар. Я не очень ладил с одноклассниками, но думал, что потихоньку вливаюсь в коллектив. До той ночи я

понятия не имел, что меня записали в изгои.

Мальчишки заперли дверь и оставили меня на улице до утра. Я сильно простыл и долго болел. Если бы это случилось не в теплой Калифорнии, мог бы и вовсе умереть.

Однако я ни одной живой душе не обмолвился, что произошло на самом деле: я был уверен, что, если скажу хоть слово, мальчишки повторят свою проделку. Учителям я упрямо твердил, что это, скорее всего, был случай лунатизма и я вышел на улицу во сне. Мне поверили. Или, по крайней мере, притворились, что верят.

«Ты же не голубой, Флетчер?»

Я тогда не понял, что это значит. Зато понял две вещи. Во-первых, мне не понравилось то, что я увидел в журнале, даже вызвало отвращение. Во-вторых, что бы там ни значило слово «голубой», если я и в самом деле таков, об этом не должен знать никто.

— Мистер Рен?

Передо мной стоит Инка с большим бокалом бренди. Сегодня вечером меня отлично накормили. Подкопченное на огне филе северного оленя и бутылка «Шато Латур» помогли мне справиться с нервным напряжением, однако я все еще не могу расслабиться до конца. Утренний инцидент с

работницей кухни подтвердил все опасения Пола насчет моего пребывания здесь. От Хайлендера лучше держаться подальше.

— Добро пожаловать в Северную обсерваторию, — говорит Инка, подавая мне бокал. — Позвольте проводить вас в вашу капсулу.

Обсерватория «Кувастина» находится в отдельном здании, чуть выше остальных построек гостиницы. Через лес к ней ведет узкая тропа. Фактически это несколько маленьких индивидуальных обсерваторий — уютных, прекрасно обставленных помещений, расположенных вокруг бара со стеклянной крышей. Когда мы проходим мимо капсул, я поглядываю на гостей внутри. Восторженная молодая пара, компания стильно одетой молодежи, британские молодожены. Все с восхищением глядят сквозь стеклянный купол на просторы ночного неба.

— Для вас мы зарезервировали капсулу «Галилей», — произносит Инка, останавливаясь. — Говорят, именно Галилей назвал это явление северным сиянием, поэтому мы решили дать кабинке его имя. Присаживайтесь.

Пригнув голову, прохожу под аркой, опускаюсь на кожаную банкетку и ставлю бокал на столик.

— Вы говорили, господин Хайлендер присоеди-

нится к нам.

— Он будет с минуты на минуту. Обязательно заглянет, чтобы пожать вам руку.

— Напомните ему, если что.

Сам не ожидал, что мой ответ прозвучит так строго. Инка медлит на пороге, моргая, как провинившийся ребенок. Делаю глоточек бренди. В отличие от других гостей я приехал сюда не для того, чтобы просто любоваться небом в обсерватории. Моя цель — понять, что за человек построил ее.

— Конечно, — широко улыбается Инка и кивает на небо. — Дуга сияния движется на юг, и ее станет видно примерно через десять минут. Надеюсь, вам понравится коньяк.

Она удаляется, подходит к коллеге возле бара и шепчет что-то ему на ухо. Наверняка предупреждает, что я сегодня не в духе, и просит позаботиться, чтобы я получил все, что захочу. В сфере гостеприимства маленький страх порой творит настоящие чудеса.

Запрокинув голову, смотрю сквозь прозрачный купол. Надо мной великолепным полотнищем раскинулось иссиня-черное небо. Звезды сверкают в нем, как россыпи бриллиантов. Чисто технически это то же самое небо, под которым

я живу в Калифорнии, но выглядит оно как на другой планете. Здесь нет небоскребов, светового загрязнения и сетки конверсионных следов от самолетов. Ничего общего с Кремниевой долиной.

— Привет, амиго!

Выглядываю из кабинки. У бара, облокотившись на стойку, расположилась Джорди в облегающем рубиново-красном платье мини. Ее длинные волосы собраны в высокую прическу. Она слегка пошатывается на высоченных каблуках и наклоняется к официанту чуточку ближе, чем следовало бы.

— Добрый вечер, мисс Сантьяго, — мурлычет он, кланяясь. — Как ваши дела?

Она щурится, словно смотрит в телескоп:

— Бывало и лучше.

Покачивая бренди в бокале, наблюдаю, как Джорди одергивает платье. Вряд ли существуют более несхожие люди, чем мы с ней, однако я должен признать: в ней есть что-то интригующее. Энергия, вспыльчивость. Откровенность с незнакомыми людьми.

— Мне коктейль, — говорит она.

Границы слов получаются размытыми, плывут, как жидкое тесто.

— По…

— Мы знаем, что вы пьете, — перебивает официант, улыбаясь чуть ли не похотливо.

Все его силы уходят на то, чтобы не смотреть в вырез ее платья.

— Мы сами подадим вам коктейль. Сегодня вечером вы попали в Валгаллу.

Он указывает на кабинку по соседству с моей, и я побыстрее прячусь.

— Пятая капсула слева. Видите?

Я слышу, как Джорди приближается, цокая каблуками по деревянному полу. Она идет одна. Очевидно, с некоторыми гостями персонал ведет себя иначе и ей почти никогда не уделяют должного внимания. Более дешевая еда, двусмысленные комментарии, никакого сопровождения. Люди, работающие здесь, конечно, знают, что она не такая состоятельная, как я, но подозреваю, что причина кроется в другом. Я слышал, с каким снисходительным сарказмом Хенрик говорил с ней за ужином в день нашего приезда. Сотрудники взяли пример с него.

— Боже, эти туфли меня доконают…

Боковым зрением ловлю красную вспышку, и вот к моей банкетке уже топает Джорди, поправляя на ходу бретельку бюстгальтера. Смотрит по сторонам. Вид у нее растерянный и сонный.

— Думаю, вы ошиблись дверью.

Она наклоняет голову. Либо пьяна, либо под действием наркотика, либо то и другое вместе.

— Это «Галилей», — добавляю я.

Джорди смотрит так, будто слышит имя впервые.

— Вообще-то, — отвечает она, целясь в мою сторону неуверенным пальцем, — вам не помешает компания.

Насмешливо фыркаю, но она не намерена отступать. Возможно, она вломилась сюда вовсе не по ошибке.

Я опять выглядываю из капсулы. Хайлендер уже пришел и развлекает беседой молодую семью — шутит с детьми, смеется. Похоже, он обходит кабинки по очереди и до нас доберется не скоро.

— А где ваши друзья? — спрашиваю у Джорди, которая туманным взором созерцает небо; сегодня ее первый выход без свиты.

Она презрительно фыркает:

— Сказали, что они мне больше не друзья.

— Вот как?

Джорди медленно опускает голову и переводит взгляд на стену рядом со мной. Смотрит неотрывно, с ужасом, как люди, увидавшие крушение самолета.

— Кажется, на этот раз я все испортила. Окончательно и бесповоротно запорола…

— Простите, что прерываю вас.

Под аркой стоит, пригнувшись, официант с бокалом какого-то яркого коктейля на каменном подносе. Смотрит то на меня, то на Джорди.

— У вас есть личная обсерватория, мисс Сантьяго. Если вам…

— Я пью со своим новым другом, — перебивает его Джорди, внезапно повеселев, и кладет руку мне на колено. — С Флетчером. Флетчером Реном. Мультимиллионером. — И подмигивает мне.

— Очень хорошо, — отвечает официант и подает ей коктейль. — Один мартини «Порнозвезда».

Джорди подносит к губам бокал-купе с оранжевой жидкостью и делает долгий глоток с таким видом, будто пьет лекарство. Замечает, что я за ней наблюдаю, и облизывает губы.

— Я не порнозвезда.

Оценивающе смотрю на нее:

— Как скажете.

— Нет, в смысле все ведь считают, что если я раздеваюсь онлайн, то я стриптизерша, но…

— Я такого не говорил.

Она хмурится. От коктейля на верхней губе остались усы из пены, и я касаюсь пальцем сво-

его лица.

— У вас немного…

Джорди вытирает пену тыльной стороной ладони.

— Не надо меня осуждать, старик, — ворчит она и разблокирует телефон, чтобы взглянуть на свое отражение.

— Старик?

Она вертит головой, рассматривая себя на картинке с фронтальной камеры. Наконец, удовлетворенная своим внешним видом, кладет телефон на столик.

— Да, старик.

Джорди вылавливает из бокала маракуйю, которой украсили коктейль, и кидает ее себе в рот.

— Вам сколько… тридцать семь?

— Сорок три.

— Сорок сколько?

Она секунду жует, а потом недоверчиво присвистывает.

— Черт возьми, сынок! Когда морщины раздавали, чернокожим не хватило.

Бросаю на нее скептический взгляд. Мне, конечно, говорили, что я молодо выгляжу, но никто еще не выражал эту мысль вот так.

— При всем при этом, — продолжает она, про-

глотив маракуйю, — уверена, что уход за лицом у тебя просто бомбический. Уж ты-то знаешь, как важно хорошее увлажнение.

Звучит как намек, и я отвечаю хмурым взглядом.

Она слегка подается назад:

— А что? Я хотела сказать…

— Я знаю, что вы хотели.

Джорди пытается опереться на край банкетки, но получается у нее только чудом. Брызги мартини летят через край бокала.

— Ты же понимаешь… нет ничего такого в том, что ты не как все.

Я опускаю глаза:

— Конечно.

Джорди хлопает меня по плечу:

— Врешь. Я вижу. — Цепляется за пиджак и тянет на себя. — Давай выкладывай, в чем дело. Папаша был гомофобом? Какие-то ушлепки травили в школе?

Я покашливаю, смущенный такой проницательностью.

Она отпивает еще коктейля.

— Что я тебе говорила, Флетчер Рен? Я тебя знаю. Насквозь вижу твое замкнутое, нелюдимое сердечко. Ну и кто теперь психолог?

Я на мгновение встречаюсь с ней взглядом. Разговор мне не по душе, но, должен признать, чем-то она меня зацепила, как это ни странно.

— Да, у вас неплохо получилось.

— Кстати, — добавляет она, облокотившись на мое колено. — У тебя хоть была семья, а вот родиться в том месте, где я росла, не на прогулку сходить, уж поверь.

Ее взгляд на секунду становится задумчивым.

— Это тебе не Бель-Эйр.

Джорди пьяна, но дело знает: продолжает доказывать, что хорошо меня изучила. Выяснить, где я родился, нетрудно, однако это значит, что она не поленилась найти информацию.

— Вы побывали на моей странице в Википедии.

— Угадал, — снова оживляется она. — Почитала, что ты за перец. А ты обо мне что-нибудь нашел?

Качаю головой.

— Так займись, поищи. У меня пять миллионов подписчиков. Я в топе инфлюенсеров Рио.

Складываю руки на груди. Джорди напоминает мне одну мою клиентку, невероятно умную молодую женщину, которая изучала психологию и думала, что сможет победить своих демонов,

если вытащит на свет моих.

Пора мне взять ситуацию в свои руки.

— Инфлюенсер — это ведь лидер мнений. Скажите, Джорди, а в каком направлении вы бы хотели эти мнения увести? Что именно должны делать люди?

— Не знаю. Покупать мою фигню.

Глубокомысленно киваю, и это, кажется, ее злит.

— Я ведь предупреждала. Не надо обо мне судить по этому занятию.

— Нет ничего такого в том, чтобы продавать снимки своего обнаженного тела. — Я поднимаю раскрытые ладони. — Просто у меня есть чувство, что вы способны на большее.

Она слушает, сжав губы.

— Даже не знаю, о чем ты говоришь.

— Все эти позы, короткие юбки, селфи. Мне кажется, это не настоящая вы.

Она пристально смотрит мне в глаза, на лице отражается буря эмоций: удивление, недоверие, затем почти согласие.

Но она снова начинает огрызаться:

— Я разве спрашивала, что тебе там кажется?

Пожимаю плечами.

— То-то же. Вот и отстань от меня со своим

пси… — У нее не сразу получается выговорить слово. — Психоанализом.

— Терапия помогла бы вам, Джорди.

Она закидывает одну красивую загорелую ногу на другую.

— Мать твою, я богата и знаменита. Зачем мне терапия?

Невесело усмехаюсь. Зачастую как раз богатым и знаменитым терапия и нужна больше всех, но, я думаю, Джорди об этом знает. По-моему, она раз в сто умнее, чем хочет казаться.

Она допивает мартини и ставит бокал на стол; со щелчком открывает свой клатч; достает пузырек с желтоватой жидкостью и тот самый фиолетовый вейп. Я смотрю, как она раскладывает все это хозяйство на банкетке.

— Не стоит.

— Не стоит что? — спрашивает Джорди, не поднимая глаз.

— Портить свои легкие.

Она заливает в картридж несколько капель жидкости и бросает на меня презрительный взгляд.

— Ты кто? Моя мамочка?

Затем опять принимается за дело, матерится, потому что не может вставить картридж. Я

невольно улыбаюсь.

— Друзья… направьте взоры в небеса! — призывает из главной комнаты спокойный и повелительный голос Хайлендера.

Джорди бросает свои попытки и поднимает голову.

— Кажется, мы сегодня не одни в этой заснеженной глуши, — продолжает Хенрик.

Я уже видел северное сияние несколько лет назад — на севере Норвегии, после конференции по технологиям мобильной связи, что проходила в Осло. Впечатления от него никогда не теряют новизны, и ты всякий раз будешь восхищаться этими живыми зелеными и розовыми полосами, плывущими, как струи цветных чернил, в небе цвета индиго.

— Господи Исусе, — потрясенно шепчет Джорди.

Она встает и прижимает ладони к стеклу, упиваясь зрелищем.

— В жизни не видела ничего волшебнее!

— О сиянии сложено немало мифов и легенд, — продолжает Хенрик, стоя возле бара. — Одни древние племена верили, что это души людей, умерших насильственной смертью, другие — что оно предвещает мор или войну. — Он показывает

большим пальцем себе через плечо. — Коренные жители Лапландии утверждают, что нельзя говорить о нем или смотреть на него, поскольку тогда сияние тебя заметит, утащит в небо… и отрежет голову!

Дети визжат от восторга, и Хенрик с хищным блеском в глазах подкрадывается поближе к их кабинке. Истинный хозяин цирковой арены!

— Так что будьте осторожны в лесу, друзья! — театрально объявляет он. — Мало ли кто может смотреть на вас оттуда.

— Боже, нет… Нет. Нет!

Джорди вздрагивает и смотрит куда-то вниз, на землю. Бьет себя по лбу ладонью — сначала слегка, потом сильнее.

— Отстань…

К моему ужасу, она начинает молотить себя кулаками по лицу. Пряди черных волос падают на покрасневшие щеки.

Я вскакиваю, хватаю ее запястья:

— Что вы делаете? Стойте!

— Оно вернулось! Мать твою!

Джорди пытается вырвать руку, но я держу крепко.

— Это неправда. Это… не… правда, — твердит она, зажмурив глаза и качаясь вперед-назад.

Над нашими головами вдруг слышится клацанье снежной крупы о стеклянную крышу, а затем налетает яростный порыв ветра. Небо помутнело, северное сияние скрылось за угрюмыми тучами.

— Что неправда? — спрашиваю я, ослабив хватку.

Джорди открывает глаза.

— Нет… ничего. Просто тяжелый день был. Опять выпила много таблеток. Это глюки. Их не остановишь.

— У меня были пациенты с галлюцинациями. Я знаю, как вам помочь. — Наклоняюсь, чтобы заглянуть ей в глаза. — Что вы видите?

Джорди утирает слезы.

— Ты скажешь, что я сошла с ума.

— А вы попробуйте.

Она делает несколько глубоких вдохов. Шея напряжена, и сухожилия выделяются на ней, как гребни на поверхности утеса.

— Я все время вижу возле гостиницы какое-то… существо. У него рваный мех, ломаные конечности. Оно все покрыто грязью, мхом и кусочками коры.

Она боязливо косится на стеклянный купол, и я, проследив за ее взглядом, тоже смотрю в ночь — на каменные бассейны и лес, что виднеется

за ними, будто ряд ощетинившихся копий. Там темно, почти ничего не видно. Легко принять за зверя любую необычную тень.

— Я сначала подумала, что это северный олень, из-за рогов, но… оно не похоже на оленя. Двигается рывками, а морда у него просто… череп. — Она в ужасе смотрит на меня. — Глаза. Они так широко посажены и светятся…

— Красным.

Джорди удивленно открывает рот и бледнеет.

— А ты откуда знаешь?

К этой минуте мое сердце уже несется галопом.

— Я тоже его видел.

Джорди

Я отступаю, зажимая уши, но места мало и податься некуда. Сердце стучит уже где-то в глотке. Неправда! Это все галлюцинация, сон!

— Стойте здесь, — говорит мне Флетчер, выставив вперед руки. Бросает взгляд на мой пустой бокал. — И не пейте больше.

Качаю головой. Она кажется слишком тяжелой на слабенькой шее.

— Одна я тут ни за что не останусь. Я пойду с тобой!

Он терпеливо вздыхает:

— Ну хорошо, хорошо, но… — Флетчер смотрит по сторонам и понижает голос: — Нам нужно задать пару вопросов Хайлендеру, поэтому говорить буду я. С такими, как он, я имею дело каждый день.

Выходя из капсулы, я оборачиваюсь. Может, существо по-прежнему наблюдает за нами? Откуда оно взялось? Я готовлюсь снова увидеть эти горящие глаза, однако в ночи проступают лишь очертания деревьев и валунов, и поземка кружится, словно злое лассо, стремясь поймать

землю в петлю.

— …На самом деле традиция уходит корнями в глубокое прошлое. По-моему, самым древним лыжам, найденным на территории Финляндии, больше пяти тысяч лет.

Хенрик, пригнув голову, стоит в дверях обсерватории по соседству с нашей и болтает с гостями.

Флетчер решительно подходит к нему:

— Господин Хайлендер!

— А, это вы, мистер Рен, — отвечает тот, обернувшись. — Чем могу?

— Нам нужно поговорить.

В этот момент Хенрик замечает меня. После того разговора за ужином мы с ним еще не встречались лицом к лицу. Я тогда старалась держать себя в руках, но все же он меня выбесил своими издевками. Я прекрасно видела, чего он добивается: дает мне понять, что я здесь чужая, что мы из разных миров. Недаром же он расспрашивал в том дотошном дневнике о пламени, которое меня закалило. Я тогда не стала вдаваться в подробности — у местного персонала и так уже хватало пищи для сплетен, — однако написала о Вила-Сомбра, этой изрешеченной пулями адской яме. О смраде и нищете, о наркодилерах на каждом углу. О мужчинах, что следили за мной,

скрываясь в тени.

Хенрик Хайлендер ни малейшего понятия не имеет о настоящих страданиях. Он богатый белый мужчина, у него сотни работников и привилегий столько, что лезут из ушей. Он считает себя выше закона. Я все это знаю, потому что сегодня покопалась в интернете и выяснила: в новостях он фигурирует по самым разным причинам, но чаще всего упоминается в связи с испытаниями косметических продуктов на животных. Помню эти кричащие заголовки. «ШВЕДСКИЙ МАГНАТ ОТРИЦАЕТ СВОЮ ПРИЧАСТНОСТЬ К ИЗДЕВАТЕЛЬСТВАМ НАД ЖИВОТНЫМИ». «УЖАСЫ ЛАБОРАТОРИИ „À VOUS“: НЕ ДЛЯ СЛАБОНЕРВНЫХ…»

Заявления Хенрика о собственной невиновности звучат неубедительно. Возможно, он и в самом деле жестоко обходился с животными, ставил на них опыты. А если то существо в лесу — жертва его экспериментов? Оно выглядит так, будто над ним кто-то поработал: переломал ему кости и придал конечностям иную форму.

Я не усну сегодня, зная, что оно бродит где-то поблизости.

— Да-да, секунду. — Хенрик снова поворачивается к гостям, сидящим в капсуле. — Бет, Джеймс,

прошу меня простить. Поговорим в другой раз. Мне бы очень хотелось услышать о…

Флетчер громко кашляет, и Хенрик склоняет голову, признавая поражение. Он подзывает официанта, чтобы тот подлил британцам шипучки, а затем дружески кладет руку на плечо Рена:

— Хочу угостить вас бренди.

Тот отстраняется.

— Но сначала послушайте. Я… то есть мы с Джорди только что видели снаружи какое-то странное существо. Думаю, стоит послать туда кого-нибудь.

Хенрик секунду обдумывает эти слова. Вид у него такой, будто он услышал что-то забавное.

— Сомневаюсь, что в такую ночь кто-то будет бродить вокруг гостиницы. Вы видели, какая там погода? Надвигается снежная буря.

С тех пор как я сюда приехала, со мной творится сплошная дичь: кто-то нацарапал послание на зеркале, вывесил на всеобщее обозрение мое личное письмо, рассыпал ногти по кровати. А теперь еще в лесу появился зверь. Может ли быть, чтобы Хенрик Хайлендер ни сном ни духом не знал, что в гостинице творятся такие дела?

— Давайте присядем и выпьем, — продолжает он, поглядывая то на меня, то на Флетчера. —

Сегодня в моем шкафчике припасено кое-что особенное.

Ловко, как фокусник, отвлекающий зрителей, Хайлендер уводит нас к бару, где мы садимся на высокие табуреты. Бармен кладет перед каждым черную салфетку, а на нее ставит бокал на высокой ножке. Затем открывает запертый на ключ шкафчик и достает бутылку, формой напоминающую осколок льда.

— А теперь, — говорит Хенрик, усаживаясь между нами, — «Камю Кюве 4.160»! В мире и восьмисот бутылок не наберется. Такое мы подаем только избранным гостям.

Бармен наполняет наши бокалы янтарной жидкостью.

— Вы пили его в «Элизиуме» в декабре две тысячи девятнадцатого, после того как акции «Смол-ток» начали продаваться на бирже, — говорит Хайлендер, обращаясь к Флетчеру.

Я молчу. Ни за что на свете я бы не удостоилась такого приема, если бы пришла сюда одна.

— Да, верно, — соглашается Рен.

Они легонько чокаются бокалами.

— Понравилось вам северное сияние? — как ни в чем не бывало спрашивает Хайлендер, медленно вращая коньяк в бокале. — Хорошо, что мы

все-таки успели на него взглянуть.

— Да…

Флетчера, кажется, сбила с толку эта лисья изворотливость; надо мне брать инициативу в свои руки.

— …оно великолепно. Я видел его несколько раз, но… впечатления не теряют яркости.

— Говорят, надвигается такая буря, какой уже много лет здесь не было, — размышляет Хенрик, глядя сквозь купол. — Иногда дороги так заносит, что отсюда по нескольку дней не выехать.

Ветер бьет в стекло, с шуршанием швыряя на него тучи снега.

Я начинаю злиться. Сколько можно тянуть? Флетчера совсем усыпила трепотня этого великосветского придурка.

— Вы серьезно? — Хлопаю ладонью по барной стойке, чувствуя, что начинаю трезветь. — Решили, что прокатит?

Хайлендер поворачивается ко мне с улыбкой на губах:

— Мисс Сантьяго, как вам «Камю»? Это, конечно, не коктейль «Порнозвезда», но рансио[19]

[19] Сноски: 19

Рансио — специфический аромат и вкус, который развивается в крепких напитках (таких как коньяк, арманьяк, херес) в результате длительной выдержки.

исключительное.

Рансио. Выдумают же!

Залпом выпиваю коньяк.

— В гостинице явно что-то происходит! — говорю, морщась.

Это его рансио — исключительная гадость.

— Верно, — соглашается Хенрик с победным видом. — Революция в сфере гостеприимства.

— Нет! — ставлю бокал на стойку. — Происходит что-то неправильное.

Он на долю секунды теряется, будто его застали врасплох.

— Ах да! Сбои в программе. Тут не о чем беспокоиться: обычные проблемы с обла…

— Проблемы с облаком данных, да. Мы уже слышали.

Наконец-то Флетчер тоже вышел на ринг. Он собирается с духом и продолжает:

— Не хочу повторяться, Хенрик, но то, что мы видели в лесу, выглядело… нехорошо. Неестественно.

Хенрик медленно поглаживает свою щетину, словно обдумывая идеальный ответ.

— Если вы и правда видели животное, что, как я уже говорил, в такую ночь маловероятно, повода для паники все равно нет. Мы окружены дикой

природой. Животные повсюду.

— Вы меня не слушали, — цежу я сквозь зубы. — Это было не просто животное. Оно… изуродовано, все искалечено. С ободранной шерстью, глаза светятся красным. На морде сквозь кожу видно череп. Наверняка другие гости тоже его заметили. Оно стояло вон там, возле деревьев, на виду.

— Ах вот оно что! Понимаю.

Хенрик соединяет пальцы домиком, а мы в недоумении смотрим на него.

— Вас, друзья мои, навестил Хийден Хирви. Демонический лось.

Взгляд Флетчера мрачнеет.

— Кто, простите?

— Проклятое создание, сотворенное гоблинами из всего, что есть в лесу. Как говорят руны, его рога — это голые ивовые ветви, а жилы — увядшая трава.

Он поглядывает то на меня, то на Флетчера, наслаждаясь драматическим эффектом.

— Финская легенда гласит, что Хийден Хирви был послан гоблинами, чтобы сеять хаос и заманивать незадачливых охотников во тьму подземного мира.

Пристально смотрю на него:

— Вы серьезно?

— Я всегда серьезен, мисс Сантьяго. Это моя визитная карточка. — Он улыбается одними глазами. — Но нет. Скорее всего, вы видели оленя, потрепанного росомахой. К сожалению, такое случается.

— А как вы объясните красные глаза?

Он несколько раз моргает, будто перезагружается.

— Тапетум люцидум.

— Что?

— У всех ночных животных за сетчаткой глаза есть слой ткани, отражающей свет. — Он постукивает пальцем по виску. — Крошечное зеркало, которое улучшает их зрение при слабом освещении. В темноте этот слой может светиться разными цветами, в зависимости от вида животного. У лосей цвет красный, если мне не изменяет память.

— Вы говорили об олене, — напоминает Флетчер.

— Это мог быть и олень, и лось. Или медведь. Они тоже водятся в Лапландии. Вы могли видеть медведя, больного лишаем, — в таких случаях мех редеет и выглядит… неестественно, — добавляет Хайлендер, повторяя слова Флетчера. — Зрелище очень неприятное.

Я опускаю ногу на пол, готовясь встать с высокого стула.

— Хватит.

— Друзья, прошу вас. Это уединенное место в сотнях миль от цивилизации. — Хенрик понижает голос, приглашая нас наклониться поближе. — Лапландцы не такие, как мы. Они не привыкли к большим городам, современному искусству и вечерам в театре оперы и балета, они не играют на бирже. Они верят во всякие странные вещи о лесе и животных, которые там живут. Однако это фольклор, только и всего. Не принимайте всерьез.

Сжимаю кулаки, кипя от злости:

— Чушь собачья!..

Хенрик в шоке пучит глаза.

— …Вы нас троллите?

Секунд пять или даже десять он молча смотрит на меня, а затем поворачивается к Флетчеру и говорит, подняв бокал:

— Пить женщины не умеют. Вам не кажется?

— Издеваетесь? — говорю ему в спину.

— Нет, мисс Сантьяго, — отвечает он, не оборачиваясь.

— Тогда повторите. Мне кажется, я вас не поняла.

Он разворачивается ко мне лицом.

— Я, вообще-то, обращался к мистеру Рену, а сказал я ему, что женщины не умеют пить.

Свободная рука Хайлендера сжимается в кулак, будто он готовится врезать мне.

Я нервно смеюсь, не веря своим глазам:

— Это просто бред какой-то.

Беру бутылку и наливаю свой бокал до краев.

— Что вы скрываете, Хайлендер?

Он спокойно забирает бутылку, ставит ее на барную стойку, а затем вонзает в меня тяжелый, ледяной взгляд.

— Мы все скрываем что-то, Джорди. Просто у некоторых это получается лучше, чем у других.

— Бет, стой! Вернись!.. — восклицает мужской голос.

В нашу сторону спешат британцы с бокалами шампанского в руках. Первой идет девушка, следом тащится ее муж — тот самый парень, с которым я познакомилась за ужином, а сегодня утром встретилась в бассейне. Волосы девушки растрепались, глаза покраснели. С ней что-то не так, но я не могу понять, что именно.

Она гневно указывает пальцем на Флетчера:

— Вы! Я знаю, кто вы такой! И знаю, что вы тут делаете!

Бет

Джеймс пытается ухватить меня за локоть, но я вырываюсь, пролив шампанское.

— Принцесса, хватит! Оставь человека в покое.

— Чем я могу вам помочь? — Флетчер Рен смотрит на меня со смесью удивления и тревоги.

Он всегда такой сдержанный, но сегодня, видимо, что-то произошло, и он явно нервничает.

— Вы тот парень из «Смол-ток»! — Язык у меня заплетается. — Вот откуда я вас знаю! Видела ваше выступление…

Я напилась до того, что уже теряю контроль над словами. Будто меня вернули в ту машину с автопилотом: я внутри, но не за рулем.

— Да, все верно.

Флетчер вопросительно смотрит на Хенрика. Тот невозмутим, но я-то знаю, что он тоже участвует в этом заговоре.

— Я в курсе ваших проделок! — говорю я, подступая к Флетчеру вплотную, и неопределенно машу рукой в сторону главного здания. — С этими… ну, с записями. Не знаю, зачем это вам, но я вас выведу на чистую воду!

Он отводит голову назад, как испуганная птица:

— Даже не представляю, о чем вы.

— Бет, прекрати! — говорит Джей и наклоняется к Флетчеру. — Простите, дружище. Она перебрала шампанского и не понимает, что говорит.

— Не надо меня опекать!

У меня загораются щеки. Флетчер ерзает на табурете и глядит на меня с опаской.

— Я могу подать в суд, мистер Рен. Я, черт возьми, засудить… вас… могу.

Энергия меня покидает, ярость превращается в печаль. Все навалилось разом: ужасы, которые здесь творятся, тайны, выплывшие наружу, страх, что мой брак развалится.

От этого хочется что-нибудь с собой сделать. Я уже много месяцев держусь, последний раз был еще до свадьбы, но странное чувство — желание, что тянет под ложечкой, — возвращается снова. Это зуд, настойчивая потребность. Бритва, что входит острым лезвием в кожу, даруя тебе сладкую свободу.

«Расскажите нам о пламени, которое закалило вас», — попросил в дневнике Хайлендер. Я ответила на это какой-то ванильной чушью насчет одиночества в детстве и о трудностях работы

учителя. Все это правда, но не самая сокровенная. Я слишком боялась признаться даже самой себе, не то что им. А если бы я это записала, оно стало бы настоящим.

— Эй, да это же парень в оранжевых шортах!..

Услышав сладкий, тягучий, как сироп, латинский акцент, я с гневным пыхтением разворачиваюсь к Джорди, которая примостилась на стуле в подозрительной близости от Хенрика. Неужели она тоже участвует в спектакле? А вдруг они все тут сговорились против меня?

— Джейми, верно? — продолжает она, глядя на моего мужа, и закидывает одну роскошную ногу на другую.

Я невольно пробегаю взглядом по ее безупречным длинным икрам и мягкой линии плеч, вспоминая последнее видео у нее в блоге. Джорди опубликовала его сегодня из своего нелепого люкса, который, естественно, больше и шикарнее нашего. Она там была в одном полотенце. Я смотрела это видео снова и снова и никак не могла остановиться, с каждым разом закипая все больше. Она раскручивает свой блог, сводит фанатов с ума, чтобы они писали мерзкие, похотливые комментарии в надежде обратить на себя ее внимание.

Рано или поздно она выберет победителя.

— Ну как, получилось в итоге проплыть баттерфляем? — спрашивает она Джеймса, чьи глаза стали большими, как блюдца.

Он что-то бормочет, пытаясь ответить, а я в это время задаюсь вопросом: оставил ли он комментарий под ее новым рилсом? Присоединился ли к страждущим внимания? Сделал ли ставку в попытке заполучить ее тело как участник аукциона?

— Н-ну, в принципе… нет. Нет еще…

Уши Джеймса становятся темно-красными, как свекла.

— То есть в зале, на скамье, я могу выжать шестьдесят пять кэгэ, но для баттерфляя трицепсы надо проработать получше.

Я бы испепелила его взглядом, если бы могла! Что за чушь он несет?

— Шестьдесят пять? — Джорди выпячивает нижнюю губу. — Ничего себе!

Получив эту жалкую крошку похвалы, Джеймс так и расцветает. Больше я терпеть не могу. Мне что, стоять и молча слушать?

Разворачиваюсь к Джорди:

— Так я и знала, что ты лезла к нему в бассейне.

Она смотрит на меня, словно я какая-то случайная тетка.

— А ты кто такая?

— Кто я? — тычу пальцем себе в грудь. — Всего лишь женщина, чьего мужа ты пытаешься трахнуть!

От возмущения Джорди разевает рот. Обстановка накаляется.

– *Filha da puta*, — цедит она сквозь зубы, слезая со стула.

Я не говорю по-португальски, но догадываюсь, что это значит.

— А ну повтори! — требует Джорди, вытягиваясь в полный рост.

На каблуках она значительно выше меня.

Моя грудь содрогается под гулкими ударами сердца, как барабан.

— Я тебя вижу, — отвечаю хриплым голосом. — Вижу насквозь!

Это странно на нее действует. Секунду она водит глазами туда-сюда, будто подсчитывая что-то в уме, а затем снова фокусирует взгляд на мне.

— Так это была ты, сука чокнутая? Ты мне нацарапала послание на зеркале?

— Я? Чокнутая? — Пытаюсь рассмеяться, но получается сухо и неестественно; Джорди смот-

рит с каменным лицом. — Дай-ка я тебе объясню. Разложу все… по полочкам.

Джеймс пытается вмешаться, но я останавливаю его, подняв руку.

— Джей — мой муж, поняла? Он мой муж. И я не позволю, чтобы он оказался в интернете, в каком-то мерзком вирусном видео, вместе с… распиаренной проституткой!

— Что?! — вскидывается Джорди. — Как ты меня назвала?

— Как заслужила!

Она бросается на меня, задевает локтем бокал, и он падает со стойки на пол, разлетаясь на мелкие осколки. Джорди врезается в меня, мы валимся на пол, вцепившись друг в друга. Она рвет мне волосы, ее колено упирается мне в пах, а я молочу руками, нанося удары куда попало. Мы обе с ног до головы забрызганы выпивкой и можем в любой момент порезаться осколками бокала, но мне все равно. Пусть она знает, что у нее не получится вот так запросто войти в нашу жизнь и забрать, что ей захотелось. Плевать мне, насколько она богата и знаменита. Я не сдамся без боя!

К нам сбегается персонал; Хайлендер что-то кричит; гости в ужасе охают и ахают. Мы царапаемся, визжим, чьи-то руки отчаянно пытаются

растащить нас в стороны, но мы продолжаем: хлещем, рвем, колотим. Мой мозг наполняется монотонным шумом. Непонятно, это непогода снаружи или просто звук у меня в голове, но он похож на шуршание помех в ненастроенном телевизоре. Чувство такое, что моя голова вот-вот взорвется и в стороны брызнут осколки черепа и ошметки мозгов.

И тут с ревом налетает буря. Ее хриплое завывание напоминает скрежет, с которым столкнулись бы два парусных корабля. Все замирают; на зал опускается тревожная тишина.

Я скатываюсь с Джорди, а в стеклянный свод над нами бьет новый залп снега. Ветер хлещет белыми хлопьями по стеклу, и я с ужасом начинаю сознавать: покинуть гостиницу вскоре станет невозможно. Мы в ловушке.

Сделайте перерыв.

Расслабьтесь.

Посмотрите вокруг.

Здесь, в «Кувастине», никто никуда не спешит.

Жизнь длинна и полна иллюзий.

Чтобы понять себя, нужно время.

Дайте себе отдохнуть.

Прогуляйтесь, выпейте чаю. Напишите старому другу.

Когда вы вернетесь, вас будет ждать наше сверкающее зеркало…

Государственный обвинитель против Хенрика Хайлендера, июль 2026

Приложение F: отрывок из дневника Йоханны Хайлендер, глава № 1

(Перевод с финского)

Мой муж — не тот, кем кажется.

Это главное, что нужно о нем знать.

В интервью или с гостями он разглагольствует о семье. Говорит, что родные — это все для него, что женитьба на мне стала самым важным решением в его жизни и что он так гордится нашей дочкой, ведь она выбрала работу в гостинице, а могла бы жить в любой стране мира. Однако он не рассказывает, что делал со мной. Не говорит о страхе, или ярости, или о том, что произошло в начале наших отношений, через пару месяцев после знакомства. А ведь это был худший день в моей жизни.

Об этом он молчит.

Иначе его драгоценной репутации придет конец. Люди поймут, почему мне страшно, почему я чувствую себя зверем в клетке, почему мне кажется, будто я разваливаюсь на части и никто уже не сможет меня собрать.

Что бы он вам ни говорил, как бы ни сверкал белозубой улыбкой, как бы ни сплетал свои умные

слова, помните: Хенрик Хайлендер вовсе не добропорядочный семьянин.

Нет ничего важнее СЕМЬИ.

Наши семьи — то, откуда мы происходим, из чего мы сделаны и чем станем. Они отражают нашу суть.

Глядя в лица любимых людей, мы во многих смыслах смотрим на себя самих. Семья — это зеркало нашей души.

Расскажите о семье, которая стала вашим истоком.

Бет

До первого октября две тысячи четырнадцатого года я считала святой даже землю, по которой ходил отец.

Томми Вейкфилд, душа любой компании, в детстве был для меня гигантской фигурой, несмотря на то что виделись мы очень редко. Его знали все, и все любили. Он отлично делал коктейли; умел играть на пианино ту самую песню (битловскую «Эй, Джуд»); у него были волосы до плеч, винтажный мотоцикл, небрежный стиль бродяги и привлекательная внешность. В мои школьные годы отец занимался выездной торговлей, и в будни его почти никогда не бывало дома, но в пятницу вечером, когда уже темнело и в доме пахло пиццей, он врывался в нашу жизнь с подарками, газировкой и поцелуями, и это было так, будто черно-белый снимок вдруг превращался в шикарную цветную фотографию. Отец продавал стиральные машины и запчасти, но для меня, когда он распахивал дверь и появлялся на пороге в своей кожаной косухе, это выглядело как возвращение рок-звезды из турне.

«Я должна тебе кое-что рассказать».

В тот холодный октябрьский день я уезжала учиться в университет. Мы с мамой сидели друг напротив друга за столом, на котором дымился чайник. Я думала, мне начнут рассказывать про безопасный секс и как нельзя возвращаться одной с вечеринок. Но мама собиралась говорить о другом.

«Ты должна знать правду об отце».

Все оказалось банальнее некуда. Торговец-плейбой, у которого в каждом порту по женщине. Веселый папа, приезжающий по выходным, чьей единственной обязанностью было баловать нас сверх всякой меры, не только крутил многолетние романы, но даже завел вторую семью где-то недалеко от Манчестера. Как сказала мама, в их медовый месяц он был верен ей целых пять минут, а потом открыл сезон охоты.

Я восприняла эту новость в штыки. Отказывалась верить, потому что папа всегда был для меня идеалом. Он любил меня больше всех — оба моих брата это признавали, — и мы с ним были похожи как две капли воды. Я только и мечтала, что встретить такого же мужчину, как Томми Вейкфилд, выйти за него замуж, завести семью и жить счастливо до конца своих дней, аминь.

В тот день, когда в коридоре ждали мои чемоданы, а впереди маячили захватывающие перспективы взрослой жизни, я окончательно выросла.

— На долю женщины выпадает столько страданий, — сказала мне тогда мама, горько вздыхая.

Помню, как она сжимала кружку чая — до того крепко, что кожа на костяшках натянулась.

— Месячные, роды, измены — мы все сносим молча. Ради мужчин. Терпим боль, чтобы им не пришлось узнать, что это такое.

Я слушала ее и не знала, что сказать. Не находила слов.

Мама вытерла мои слезы — сама она ни слезинки не проронила — и посмотрела мне прямо в глаза.

— Никогда не верь мужчине. Поняла? Мужчины — глупые эгоисты и, не задумываясь, разобьют тебе сердце. На мелкие осколки. Я не жалею, что вышла за твоего отца. Я тогда его любила, да и до сих пор люблю, а вы, дети, вся моя жизнь… Но ты должна знать, что парни могут и обидеть, и бросить, и относиться к тебе по-свински. Будь начеку.

Эти четыре слова преследуют меня с тех пор, словно призрак. Никогда не верь мужчине. Я то-

гда еще не знала, что маминому совету суждено было определить ход всех отношений, которые появятся у меня во взрослой жизни.

— Так что же? Ты мне ничего не скажешь насчет прошлого вечера? Серьезно?

Джеймс расхаживает по номеру, прижимая пальцы к вискам. Я сижу на углу кровати и кутаюсь в халат.

— Ты делаешь из мухи слона, — отвечаю я хриплым, усталым голосом. — Просто… Короче, я была пьяна. Не понимала, что несу.

— Мне кажется, понимала. — Он разворачивается ко мне. — Ты говорила вполне определенные вещи, принцесса.

Поправляю волосы и упираюсь взглядом в пол. После вчерашнего голова раскалывается: в номере я пила шампанское, в баре — коктейли, за ужином — вино. Совершенно не контролировала себя.

— Ты говорила американцу, что подашь на него в суд. А еще о каких-то… записях. — Джеймс помахивает телефоном. — Я тут почитал об этом парне, пока ты спала. У него есть сайт онлайн-терапии «Смол-ток». И ты этот сайт упоминала.

Джей умолкает, чтобы перевести дух. Я по-прежнему не хочу на него смотреть, и он садится

передо мной на корточки, кладет руку мне на колено, отодвинув полу халата.

— Принцесса, ты проходишь онлайн-терапию?

Его пальцы скользят по моему бедру, и я, опустив глаза, вижу кончики шрамов. Тех самых, что остались от ран, которые я нанесла себе сама. Бледные и тонкие, словно паутинки, они тянутся с тыльной части ног. Джеймс их до сих пор не заметил и вряд ли заметит когда-нибудь.

«Мы… терпим боль, чтобы им не пришлось узнать, что это такое».

— Бет?

— Что? — притворяюсь я, будто не понимаю, о чем идет речь.

Джей терпеливо вздыхает:

— Ты проходишь терапию? Потому что… Послушай. Если так и есть, то ничего страшного. Это очень даже хорошо.

Я поднимаю глаза. Кажется, он спрашивает искренне. Возможно, он и правда не слышал, что я говорила в той записи вчера ночью. Может, пронесло?

— Да, прохожу, — говорю я, смущенно ерзая. — Ты же знаешь… Это из-за папы.

— Да, но…

— Прости, что не сказала тебе.

Джеймс качает головой:

— Почему ты так поступаешь, Бет?

— Как?

— У тебя есть такая, даже не знаю… темная сторона, которую ты от меня прячешь. Мы теперь муж и жена, но между нами по-прежнему закрытая дверь. И ты меня не впускаешь.

Ах вот оно как? Я раздраженно смотрю на Джеймса. Он каким-то образом сумел занять позицию обвинителя, хотя это он плавает в бассейнах с порнозвездами, а не я!

Выпутываюсь из его рук и встаю.

— Это у меня темная сторона? А как насчет тебя с твоими… твоими полуголыми модельками в инсте? Как насчет Джорди Сантьяго?

Джеймс тоже поднимается на ноги, нервно сглатывает, и от этого у него на шее дергается кадык.

Я скрещиваю руки:

— Да-да, я все о них знаю. О твоих женщинах и про комменты. Мне, конечно, не стоило драться вчера, но… твоя сексуальная фантазия живет с нами в одной гостинице, и я схожу с ума…

— Ну хорошо. Да. Я все признаю. — Он в отчаянии запускает пальцы в волосы. — Это дурная привычка, и надо мне завязывать. Я брошу. Но

вот как перед Богом скажу: когда я понял, что Джорди здесь, я не знал, что делать. Только представь, каково мне было, когда они сели рядом со мной за ужином! Я думал, у меня кровоизлияние будет. — Он корчит страдальческую мину. — А потом она пришла в бассейн, когда я там тренировался плавать баттерфляем… и стала со мной болтать о моих оранжевых шортах с рекламой «Фанты». Я испугался и убежал.

Мой муж снова ребячится: все это он говорит с лицом школьника, на которого в парке напали мальчишки постарше. Я представляю, как его смутило одно лишь присутствие красивой девушки, и мне становится смешно.

— Ты хоть знаешь, каково это — встретить звезду, от которой тащишься? — продолжает он с испуганным лицом.

Больше я сдерживаться уже не могу и фыркаю со смеху.

— Вот стоишь ты у прилавка в булочной, и тут — не знаю — бац, Райан Гослинг такой появляется и хочет купить тебе багет. Я просто обалдел!

Меня окончательно разбирает смех. Джеймс хоть и огорчен, но тоже не может сдержать улыбку.

— Ничего смешного!

— Очень смешно, Джей, поверь.

— Нет, дружище. Это кошмар. Я только взглянул на нее, и мои бубенцы втянуло внутрь. Они до сих пор там!

Я уже хохочу во весь голос, и Джеймс наконец присоединяется ко мне — смеется, качая головой, над своими злоключениями. Странное дело! Мне стало легче, когда я услышала, как он говорит о Джорди.

— Нет смысла отпираться, — вздыхает Джей. — Да, она была в моих фантазиях, но ничего больше. Я ее не хочу на самом деле, в реальности. — Он поднимает одно плечо. — Согласись, вблизи она выглядит фальшиво.

Я тяну его за руку, чтобы сел на кровать. А потом мы лежим, утопая в роскошном матрасе, и смотрим в огромные заснеженные окна. Мы не того полета люди для такой гостиницы, но это не значит, что мы не можем приятно провести здесь оставшееся время. Это если вообще получится отсюда уехать — буря и не собирается утихать.

— Но ты ведь понимаешь, что если Райан Гослинг заедет в «Кувастин», то мне придется с ним сбежать, — говорю я, сплетая пальцы Джеймса со своими.

Он пожимает плечами:

— Так мне и надо.

Мы поворачиваемся друг к другу, и наши лица вдруг оказываются совсем рядом.

Он проводит пальцем по моей щеке.

— Ты для меня единственная, принцесса. На веки вечные.

Волна счастья захлестывает меня, и я глубоко, с облегчением вздыхаю. Мне вдруг хочется, чтобы Джей был еще ближе.

— Иди ко мне, — шепчу я, протягивая к нему руку.

Государственный обвинитель против Хенрика Хайлендера, июль 2026

Приложение Н: отрывок из дневника Йоханны Хайлендер, глава № 2

(Перевод с финского)

Когда-то мы друг друга любили.

Если хорошенько сосредоточиться, я все еще могу вспомнить, как это было, какими волшебными казались те первые месяцы, какое чувство он мне дарил — будто наполнял звездным светом. Мы бегали по Стокгольму, скупали всякую всячину в магазинах, катались на велосипедах по паркам, и мне казалось, что счастье будет длиться вечно. Будто нас кто-то заговорил и магию ничем не разрушить. Потому что Хенрик — тот, изначальный Хенрик — был самым чудесным мужчиной на свете.

Однако счастье было недолгим.

Когда он впервые меня изнасиловал, я винила во всем себя. Думала, что поступила как-то неправильно. Я была так молода и наивна! Решила, что так он наказывает меня, потому что я не оправдала его надежд, была недостаточно хорошей женой. И я старалась быть лучше, любить его сильнее, но это повторялось снова и снова. Стало только хуже. И никакие слова, никакие поступки

не могли этого исправить.

Какое-то время я вела подсчет нападений, чтобы у меня было что предъявить полиции, когда я наконец найду в себе силы уйти. Однако, сбившись со счета, я осознала правду. В полицию я не пойду. Слишком боюсь того, что он тогда сделает мне в отместку.

А еще, мне кажется, я такая не одна. Я замечала, что некоторые сотрудницы гостиницы бледнеют от ужаса, едва завидев Хенрика. Не только сотрудницы, но и кое-кто из гостей — модели, поп-звезды, светские тусовщицы. Мне страшно думать, что он добрался и до них, а я не сделала ничего, чтобы этому помешать.

Странно, однако: глядя на этих молодых женщин здесь, в «Кувастине», я смутно припоминаю, каково это — постоянно думать о своей внешности, остро чувствовать чужие оценивающие взгляды. Я вижу, как они стоят на террасах, делая бесконечные селфи под всеми возможными углами, а потом склоняются над смартфонами и накладывают фильтры, чтобы их фото выглядели идеально. Тем временем близится нечто такое, чего они не ждут. Через десять или пятнадцать лет они превратятся в невидимок. Мир отвернется, привлеченный новой, молодой

штучкой, и внезапно станет не важно, под каким углом сделаны фото. На них не обратят внимания.

Никто не видит пожилых женщин. Люди смотрят сквозь нас, и потому мы движемся по жизни никем не замеченные, словно тени.

Мы призраки, о нас все позабыли.

И в этом наша сила.

Флетчер

В этой гостинице на третьем этаже есть дверь, в которую постояльцам входить нельзя. В ней — маленькое оконце, над ним табличка: «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА». Дверь нельзя открыть снаружи без ключа. Я наткнулся на нее, когда шел обратно в номер после торжественного ужина и вид освещенного лампами коридора за стеклом привлек мое внимание.

Немного сонный после пары бокалов «Эрмитажа», я задержался у окошка и выяснил, что коридор ведет еще к одной, уже стеклянной, двери, за которой виднеется помещение с низким потолком и несколькими компьютерами. Что-то вроде центра управления.

С тех пор я всегда ходил мимо, ожидая случая, когда смогу проскользнуть внутрь.

— Здравствуйте, мистер Рен, — говорит мужчина в жилете, выходя из того самого коридора.

Узнаю официанта, который каждое утро наливает мне кофе. По-моему, его зовут Яакко. Он кивает мне, я киваю в ответ, а дверь за ним начинает закрываться. Она вот-вот захлопнется, и

я уже боюсь, что не успею, но Яакко исчезает за углом как раз вовремя.

Бросаюсь вперед, подставляю ногу, и дверь глухо стукается о мой начищенный до блеска ботинок.

Я внутри!

Дверь с тихим щелчком закрывается за мной. Стою в начале коридора и настороженно жду, не покажется ли кто-то из сотрудников или даже сам Хенрик. Вчера в обсерватории он вел себя очень странно — скрытничал насчет зверя и просто омерзительно разговаривал с Джорди. Это сподвигло меня пристально изучить его персону, покопавшись в интернете. Тем более что из-за непогоды делать было нечего.

Начал я со слова *rusko*. Это его произнесла Йоханна, когда показывала мне картину с таинственным эльфом. Слово ее огорчило — скорее всего, именно потому она и стала просить меня о помощи, — и я был уверен, что оно связано для нее с каким-то значительным событием. Сначала я предположил, что *rusko* просто существо из местного фольклора, но оказалось, что такого персонажа не существует. Зато поисковик сообщил, что Руско — это крошечный муниципалитет на юго-западе Финляндии. Так у меня появилась

хоть какая-то зацепка, однако я по-прежнему топтался на месте.

Тогда я пошел по другой дорожке и стал искать информацию о самой гостинице и местечке Сюнккасало. Битый час шерстил скучные сайты с информацией о времени восхода солнца и перечислением всех до единого видов мха, произрастающих в регионе, и в итоге наткнулся на какой-то блог с фотографиями деревеньки, где родилась Йоханна, сделанными четыре года назад. Поселение состояло из традиционных деревянных жилищ, где жило не одно поколение предков миссис Хайлендер. Однако что-то тут было не так. Сейчас в деревне всего три хижины: та, где Йоханна варит кофе и показывает свои картины, и еще две, в которых никто не живет. Однако на фото их раз в десять больше.

Иными словами, старая деревня была мегаполисом по сравнению с тем, что от нее осталось сейчас. Куда же делись эти постройки и кто их разрушил?

Я еще не знаю, что означают все эти вещи, но чувствую, что они помогут мне напасть на след. И поскольку я приехал сюда, чтобы разгадать тайну, которая началась с коричневого конверта, найденного мной на чердаке отцовского дома

в тоскливые часы после похорон, я планирую продолжать, пока не нападу на след.

– …Tja, nej. Det var inte alls vad jag förväntade mig.

— Okej. Låt mig se vad jag kan göra…[20]

Из «центра управления» слышатся приглушенные голоса. Прищурившись, различаю в полумраке две фигуры: женщина сидит, сутулясь, перед компьютером, и мужчина стоит рядом с ней. Он поворачивает голову, и я узнаю его: это Хенрик! Он положил руку на спинку кресла компаньонки и что-то говорит ей суровым голосом, а женщина отстранилась и жмется к подлокотнику, слушая, как он ее распекает.

Осмелившись подойти чуть ближе, я смотрю на мониторы, что виднеются между ними, и в ужасе открываю рот.

Все три экрана заполнены личной информацией, связанной с гостями: там и входящие письма, и мессенджеры, и страницы соцсетей с рекламной аналитикой. Я успеваю заметить фотографию британца, мужа Бет, и несколько фотографий Джорди. На одном экране есть даже логотип «Смол-ток».

Хочется рассмотреть это все получше, я по-

---

[20] Сноски: 20

— …Ну уж нет. Это совсем не то, чего я ждал.

— Хорошо. Посмотрим, что тут можно сделать… *(фин.)*

даюсь вперед, но тут женщина разворачивает кресло — и замирает, увидев меня.

— Мистер… Рен? — произносит Инка, стараясь не показать, насколько потрясена.

За спиной у нее, как скала, возвышается Хайлендер. Его мрачная усмешка не предвещает ничего хорошего.

— Что… — Инка нервно разглаживает ладонями брюки. — Что вы тут делаете?

Смотрю по сторонам, притворяясь растерянным:

— А… разве этот путь ведет не к лифту?

От стыда я готов сквозь землю провалиться, до того неубедительно это звучит. С чего бы вдруг мне искать в запертом коридоре лифт, которым я пользовался уже сотню раз?

— Н-нет, — отвечает Инка, поглядев на отца. — Вам нужно вернуться туда, откуда вы пришли. Лифт у лестницы.

— Да, конечно, — отвечаю я, беззвучно смеясь и качая головой. — Похоже, меня совсем закружила эта вьюга.

Я стараюсь не смотреть на Хенрика, но он притягивает к себе внимание как магнит.

— Инка, дорогая, — говорит он, не сводя с меня глаз, — почему бы тебе не проводить нашего гостя

в галерею? — Хайлендер надевает на лицо пустую улыбку. — Вы еще не бывали там, Флетчер?

Потираю затылок:

— Нет. Не был.

— Отлично. Тогда лучше времени не придумаешь. Там выставлены потрясающие работы, а ведь я знаю, что у вас отличное художественное чутье и Деккера от Ди Анджело вы отличить сумеете.

Я молча киваю, поглядывая на Инку. Что бы там ни затевал Хенрик, она с ним заодно. Только зачем это все? Чего они добьются, вмешиваясь в личную жизнь гостей, кроме того, что поставят под удар свой бизнес?

В узком коридоре Инка змеей проскальзывает мимо меня и открывает дверь.

— Пойдемте?

Уже в конце коридора я оборачиваюсь, планируя что-нибудь сказать Хенрику, однако не нахожу слов. Он смотрит не моргая. Глаза цвета кремня поблескивают, отражая свет лампы. Дверь закрывается и разделяет нас.

Бет

— Долой штаны, морячок! — говорю я, развязывая пояс халата.

Джей расстегивает пуговицу и встает.

— Ну надо же! Дважды за три дня! — удивляется он, отбросив джинсы в сторону, и снова падает на кровать.

Покрывает поцелуями мою шею, поднимаясь к губам.

— Чем я такое заслужил?

— Программа медового месяца, — отвечаю с улыбкой. — Не думай, что…

Телевизор на стене вдруг включается, и я умолкаю. В сером сумраке непогоды экран призрачно светится, демонстрируя нам пост из социальной сети.

Это фотография Джорди — селфи с надутыми губами, сделанное тут, в гостинице. На ней только полотенце, будто она собирается войти в душ.

— Принцесса, что с тобой?

Джеймс отстраняется, озадаченно морщит лоб.

Ничего не понимаю. Что делает Джорди на экране нашего телевизора? И тут я вижу под

селфи комментарий.

realjamesraffertyuk:
Выглядишь огонь джорд! Я лучше всех ты знаешь. Привет из кувастина;)

Сердце вздрагивает и начинает брыкаться, как маленький перепуганный зверек в клетке из ребер. Должно быть, на моем лице написан ужас, и Джеймс перекатывается на другой бок, чтобы взглянуть, на что я смотрю. В это время изображение на экране сменяется другой фотографией Джорди. Теперь она сидит на краю джакузи в крошечном конфетно-розовом купальнике и, озорно высунув кончик языка, показывает двумя пальцами знак мира. Комментарий под этим фото снова принадлежит Джеймсу.

realjamesraffertyuk:
представь, мы с тобой вдвоем в джакузи. Не пожалеешь! Я знаю, как сделать тебе приятно.

Задыхаясь, я с трудом отвожу глаза от экрана и впиваюсь пальцами в свои бедра.

— Что… но как… это что такое? — лепечет Джеймс, поднимаясь. — Телик сломался.

Он подходит к стене, держась за голову. А картинка на экране снова меняется. На этом фото Джорди уже погрузилась в ванну. Глянцевые, черные пряди ее волос растеклись по воде, как пролитая нефть; завязочки бикини исчезли — она явно разделась догола, и сквозь пену и пузырьки чуть виднеются темные ореолы ее сосков.

Я не могу себя заставить прочитать, что написано внизу. Однако точно знаю, что комментарий оставил Джеймс.

— Я звоню администратору! — с важным видом объявляет он, точно карикатурный аристократ, оскорбленный плохим сервисом. — Возмутительно!

— Эти фото из «Кувастина», — кое-как выговариваю я хриплым, словно не своим голосом. — Ты мне говорил, что… ты… вот только что сказал, что ты ее на самом деле не хочешь, но эти фотографии — отсюда! Они новые.

— Новые? — Он корчит мину, преувеличенно щурясь. — Нет. Она постоянно торчит в отелях, так что фотки старые. Да, точно. Я даже не уверен…

— Хватит врать. — Меня уже трясет. Я зажмуриваю глаза. — Пожалуйста… хватит.

— Да я не вру, честно!

Слышу, как он приближается, — ноги в носках мягко ступают по ковру.

— Принцесса, ну что ты? Мы ведь все уже решили, и волноваться тебе не о чем. Мне она и не…

Он умолкает на полуслове. Открыв глаза, я вижу, что картинка снова переменилась.

— Ну, это уже слишком! — в ярости гремит Джеймс, натягивая штаны. — Это уже, мать твою, нарушение моих… прав человека!

Теперь на экране личные сообщения — по-моему, в аккаунте инстаграма, — и мы видим неловкую историю односторонней переписки. Вверху стоит имя пользователя — @realjamesraffertyuk, а под ним до самого низа страницы тянутся послания, которые он отправил Джорди прошлой ночью, уже под утро. Все они остались без ответа.

> Уже проснулась, красавица?
> Я тебя хочу, а ты?
> #фанатномеродин

В номере повисла тошнотворная тишина. Отпираться дальше он не может, потому что доказательства у нас перед носом.

«Сходил в тренажерку, — говорит одно из сообщений с фотографией, на которой Джей стоит

с голым торсом, засунув большой палец за пояс спортивных шортов. — Зацени эти банки. Тверже камня!»

Я с отвращением смотрю на время отправки: он писал ей чуть ли не каждые пять минут, точно какой-то одержимый сопляк. И кто знает, как далеко тянутся эти сообщения, сколько их он уже отправил за два дня? Возможно, это лишь верхушка айсберга.

> Мы с тобой в одной гостинице, малышка. Ты же понимаешь, что это значит!!!
>
> Ты была такой секси вчера в красном платье.
>
> Я тебя хочу, а ты меня? Только скажи, в каком ты номере, и я сразу прилечу;)

— Убирайся, — говорю я, сама удивляясь, как сурово и жестко это прозвучало.

Внутри клокочет гнев.

— Погоди, принцесса… Остынь. Я все объясню.

— Что объяснишь? — срываюсь я, резко поворачиваясь к нему. — Разве можно объяснить это?

Внезапный шквал ветра бьет в окно — звук такой, будто в стекло швырнули гравий, — и мы оба вздрагиваем. Кажется, внешний мир по-настоящему пришел в ярость; небо превратилось в

водоворот обезумевшего снега и черных туч.

— Да, я оступился, — упрямо говорит Джеймс, приближаясь ко мне. — Накосячил. Но можно ведь все обсудить.

— Обсудить? — Со слезами на глазах отбегаю подальше. — Да я видеть тебя сейчас не могу!

Он что-то с досадой бормочет, а я сдаюсь и начинаю рыдать, слезы катятся по щекам. Джеймс, не глядя, хватает первую попавшуюся одежду — вчерашнюю футболку, старое худи — и сует ноги в кроссовки. Берет телефон и решительно направляется к двери.

— Пойду выпью пива, — говорит он, распахнув дверь. — Но когда ты успокоишься, мы все исправим, поняла? — Запускает пятерню в свои взъерошенные волосы. — Это еще не конец.

Джеймс уходит, дверь за ним закрывается мягко, будто вздыхает. Я вдруг чувствую слабость в коленях и тошноту. Плюхаюсь на кровать, сминая простыни.

Это еще не конец?

Рыдания сотрясают меня изнутри, и я, прикрыв рот, смотрю сквозь оконное стекло прямо в сердце яростной бури.

Если этот беспутный, лживый авантюрист и есть настоящий Джеймс, то наш брак был обре-

чен с самого начала.

Флетчер

В зале мертвая тишина. Такая, которую буквально слышишь.

Мы стоим между двумя высокими белыми постаментами и смотрим на черные керамические вазы странной формы. Они чем-то похожи на животных, сделанных клоуном из шарика, — каждая представляет собой какие-то скрученные трубки и пузыри. Повернувшись к ближайшей вазе, я всматриваюсь в ее складки и выпуклости. Это подлинные скульптуры Биллингем из ее знаменитой серии «Выпотроши меня». Престижные работы, они стоят много тысяч долларов — ценное приобретение для крошечной частной галереи, затерянной в глуши финской тундры.

Рассматривая вазу, замечаю на ее глянцевой поверхности отражение Инки, возникшей рядом. Ее черты искажены выпуклыми изгибами, лоб гротескно раздут.

Кто же она, дочь Хенрика Хайлендера? Какую роль во всем этом играет?

Когда я застал их там, наверху, она сидела, держа пальцы на клавиатуре. Полагаю, консьерж

обязан следить за работой всей гостиницы, но то, что было на экранах, не имеет к этому отношения. Все, что я видел в этой потайной комнате, не предназначалось для моих глаз. Я в этом совершенно уверен.

— Биллингем просто нет равных, — замечает Инка, обходя вокруг постамента. — Как думаете? Ее работы завораживают.

— Д-да… да, — неискренне соглашаюсь я; в горле пересохло, и голос мой звучит искусственно.

Я никак не успокоюсь после того, как меня поймали на шпионаже. Да и тот факт, что я оказался в этом зале один на один с Инкой, как-то не добавляет спокойствия. Она не может не понимать, что я их подозреваю. Наверняка она привела меня сюда, чтобы отвлечь, сбить со следа.

— У моего отца хорошее чутье на шедевры, — продолжает она, не спеша переходя к ближайшей стене, увешанной рамами всех размеров.

Говорит она с какой-то странной механической интонацией, и мне уже не в первый раз кажется, что она читает заученный текст.

— Он сумел объединить знаменитостей — таких, как Биллингем, — с малоизвестными и даже совсем неизвестными авторами, не снизив при этом качества коллекции. У нас есть работы,

которые не увидишь в популярных галереях.

Инка проходит мимо маленькой черно-белой фотографии, висящей отдельно от картин. В этом снимке есть что-то знакомое. Подойдя ближе, понимаю, что на нем запечатлена молодая, элегантно одетая пара, на фоне городских крыш. Меня пробирает нервная дрожь.

Это фото моих родителей. Сделали его на крыше здания, где располагалась контора отца, в конце девяностых, во время корпоратива. Совет директоров тогда только что завершил сделку, которой суждено было упрочить отцовское благосостояние, поэтому он стоит, обнимая маму, попыхивает толстой кубинской сигарой и кажется просто невероятно высоким — выше небоскребов вдали. Я не видел эту фотографию много лет. Она висела у отца в кабинете, над камином.

Должно быть, это копия. Не могли же они украсть оригинал. А если все же украли, то как и зачем? Для чего так стараться? Чтобы просто меня растревожить? Стараюсь дышать ровнее и не подавать вида, что взволнован. Исподтишка бросаю взгляд на Инку. С правильного ракурса она очень похожа на отца: та же форма подбородка, линия плеч. Что там говорил Хенрик о семье?

«Наши семьи — то, откуда мы происходим, из чего мы сделаны и чем станем. Они отражают нашу суть. Семья — это зеркало нашей души».

— С вами все хорошо, мистер Рен?

Голос Инки возвращает меня к реальности, и я обнаруживаю, что все еще стою перед фотографией моих родителей, а сердце бьется так сильно, что в ушах шумит кровь. В нашем старом доме в Бель-Эйр за последние двадцать лет я был всего однажды — в день похорон отца. В тот самый день, когда нашел на чердаке в пыльной коробке коричневый конверт.

Я никогда не интересовался ими по-настоящему, вот в чем беда. Это нас в итоге и разделило.

— Вы что-то притихли. — Инка глядит на меня с любопытством, улыбаясь уголками губ. — Все хорошо?

Смотрю ей в глаза, пытаясь понять, знает она о том, что здесь фото моих родителей, или нет? А может, она его и повесила? Трудно сказать наверняка, но кое в чем я уверен: мне нужны ответы. Я летел через полмира, чтобы проникнуть в тайну, и эта женщина, надеюсь, даст мне ключ к разгадке.

— Можно задать вам один вопрос?

Крошечную долю секунды Инка медлит.

— Да, конечно.

— Что означает слово *rusko*?

По ее лицу пробегает тень. Я жду.

— Где вы услышали это имя? — наконец спрашивает Инка; интонация робота исчезла, и ее голос теперь звучит по-человечески.

Пазл сложился: так это имя!

— Его произнесла ваша мать. — Я машу рукой в сторону леса, что виднеется сквозь стеклянную стену галереи. — Вчера утром мы с ней пили кофе. У нее в хижине на одной из картин изображен какой-то эльф, блуждающий по лесу. Мне показалось, это существо символизирует что-то очень важное для нее, и, когда я спросил о нем, она ответила: «Руско».

Инка опускает глаза:

— Он был моим братом.

Я нервно сглатываю. Это «был» упало в тишину между нами, словно капля крови — в воду.

— Он родился мертвым, — добавляет она, поправляя волосы. — Это случилось за много лет до того, как на свет появилась я, но… я знаю, что для родителей это стало ударом. Они тогда были очень молоды. Сами еще как дети. — Инка хмурит брови. — Честно сказать, мама так и не оправилась от удара до конца. Думаю, для нее на этой

картине он живет… если так можно выразиться. По-фински его имя означает «свет зари».

Мне вспоминается печальное, выразительное лицо Йоханны, освещенное пламенем очага, морщинки в уголках глаз. Возможно, глубоко затаенная боль от утраты ребенка и есть причина ее состояния? Ведь расстроило ее именно то, что я указал на картину.

Глубоко вздыхаю, потирая переносицу. Пусть даже Инка нечиста на руку, я все равно чувствую, что перешел черту.

— Простите… не стоило мне затрагивать эту тему.

— Не извиняйтесь, мистер Рен, — качает она головой. — Обсуждать картины вполне естественно. — Ее лицо светлеет. — Вообще-то, одна мамина картина есть в этом зале. По-моему, это ее лучшая работа.

Инка делает жест в сторону дальнего конца галереи, где находится ниша в форме половины шестигранника. Там на стене висит огромный мрачный холст.

При виде этой картины кровь стынет у меня в жилах.

— Действует на нервы, да?

На картине под колючими ветвями сосны, в

тени лесной чащобы крадется жуткое оленеобразное существо. У него тонкие длинные конечности и один окровавленный рог; рот приоткрыт, искривленный язык свешивается наружу, словно бы оно, обезумев, кричит прямо в ночь. Морда похожа на череп, но самое неприятное впечатление производят глаза — красные точки, тлеющие, как огоньки сигарет.

— Мама называет его Хийден Хирви.

Я помню это имя — его упоминал Хенрик, когда мы были в обсерватории. Тогда он весьма причудливо объяснил то, что мы с Джорди видели в лесу: фольклор, и ничего больше.

— Хийден Хирви — известный персонаж мифов, — добавляет Инка.

С ее певучим скандинавским акцентом финские слова звучат красиво и поэтично.

— Это демон, он появляется в облике лося.

Я стою, прикованный к месту, и впитываю мощную темную энергию, исходящую от холста. Йоханна писала вертикальными стекающими мазками, создавая впечатление сцены, увиденной сквозь струи дождя на стекле. Если бы я не знал правды, поклялся бы, что масляные краски медленно оседают, словно картина пытается утащить себя обратно в ад.

— Когда «Кувастин» только открылся, мы проводили выставку, посвященную местному фольклору, — говорит Инка, подходя ко мне, — и эта картина была в центре всеобщего внимания. Кроме того, мы выставляли произведения народного творчества — резные фигурки, скульптуры, сувениры, связанные с лапландскими легендами. Однако мамина работа так впечатлила гостей, что мы решили сделать ее частью постоянной экспозиции.

Инка придвигается ближе.

— Некоторые говорят, что видели это существо в нашем лесу.

Чувствую, что она ловит мой взгляд, но упрямо не поворачиваю головы. Не хочу, потому что не доверяю ни ей, ни кому-либо еще в этой гостинице.

— За ужином отец любит пощекотать гостям нервы рассказом о Хийден Хирви, — продолжает Инка, снова поворачиваясь к холсту. — Потом они, конечно же, видят эту картину и получают готовый образ. Солнце заходит, и в игру вступает воображение. — Она тихонько смеется. — На самом деле в округе никого нет, кроме северных оленей. И случайно забредшего сюда медведя.

Я касаюсь пальцами горла — мне вдруг кажет-

ся, что я заперт в тесной и душной камере один на один с картиной. Ее раскаленный взгляд жжет меня.

— А вы что думаете, мистер Рен? Сильная работа, не так ли?

Голос Инки слышится нечетко, словно издалека. Она ждет ответа, но я не могу произнести ни слова. Не могу пошевелиться. Не могу отвести глаз от существа.

Государственный обвинитель против Хенрика Хайлендера, июль 2026

Приложение К: отрывок из дневника Йоханны Хайлендер, глава № 3

(Перевод с финского)

Иностранцы думают, что демон в образе лося просто суеверие. Существо из коры и костей с рубиновыми глазами, что горят в темноте, как адские огни? Это все фольклор! Такого не бывает. Но почему они так уверены? Они ведь не знают, что происходит в лесу.

Этого не знает никто.

Иногда мне кажется, что я вижу, как он бродит в темноте. Ждет, когда я выйду из хижины, чтобы утащить меня. А сделать это будет нетрудно — я легкая, как перышко, и слабенькая, как птичка.

Когда я была совсем еще маленькой, бабушка рассказывала мне о духах, что обитают в лесах Сюнккасало. О кейу — крошечных крылатых феях, танцующих, как бабочки на ветру, или о накки — духах воды, оборотнях, которые заманивают и губят детей. Теперь я рисую этих существ, чтобы почувствовать, будто она снова рядом. В Лапландии столько легенд, сколько в земле корней, и она знала их все.

И он, этот демон, настолько реален, насколько того хочет лес. Он такой же настоящий, как прожилки в зеленом листе или крупинки снега, устилающего землю.

Боюсь, однажды он заберет меня и я пропаду на веки вечные.

Джорди

Сообщение прочитала уже раз пять, но все равно сижу, тупо глядя в телефон. Сердце будто плитой придавили, по коже бегут мурашки. Кажется, что слова на экране пульсируют.

> сука берегись потому что я тебя найДУ
> и трАхну убью и поРежу на КУСКИ тупая
> шлюха

В горле привкус желчи. На моей странице все как обычно — зовут в постель и делают комплименты, — но, кроме этого, происходит что-то странное. К оскорблениям, даже самым злобным, я привыкла. Такова уж специфика работы. Однако до такого еще ни разу не доходило.

> подлая сука
> надеюсь ты потеряешь все
> падаль
> все бумерангом вернется
> ДОЛБАНАЯ ШЛЮХА

Запускаю пальцы в свои немытые, сальные

волосы. Телефон ночью сдох: я так напилась, что бросила его на полу посреди номера и сразу вырубилась. Теперь заряжаю, сидя около розетки, а он все жужжит от уведомлений, что льются бесконечным потоком ненависти. Сообщений у меня всегда полно, однако сейчас это просто нечто! Телефон буквально перегрелся.

Открываю браузер, начинаю набирать в поисковике свое имя и уже заранее чувствую, что сейчас увижу. Первая же статья на одном из тех сайтов, где собирают грязные слухи и скандалы со всего мира, подтверждает мои страхи.

ЭКСКЛЮЗИВ!
ПРЕДАТЕЛЬНИЦУ ДЖОРДИ САНТЬЯГО ВЫВЕЛИ НА ЧИСТУЮ ВОДУ!

Мое письмо в «Блюслейт» утекло в Сеть. Опубликованы и скриншоты с гневными комментариями фанатов, и даже цитата Розы и Матео: «Предательство — это так больно. Мы-то считали, что мы команда и Джорди с нами на одной стороне, но она думает только о себе. Она никогда не была нам подругой, а только притворялась!» Я закрываю глаза, страх превращается в панику. Возможно, тот, кто вчера показал письмо в нашем номере, с самого начала собирался дать ему

огласку, а может, это Роза и Матео решили так отомстить мне. В каком-то смысле это не важно, потому что оно уже попало на всеобщее обозрение, а интернет ничего не забывает.

Делаю медленный, прерывистый из-за внутренней дрожи вдох, стараясь успокоить себя, и открываю почту. Сплетни — еще полбеды, гораздо больше я боюсь того, что найду в почтовом ящике.

Сердце падает — я вижу письмо от Аны.

От: ana@blueslate.com.br
Тема: СРОЧНО
Кому: Jordy Santiago
Копия: davi@blueslate.com.br

Думаю, когда получишь это письмо, ты уже прочтешь новости на «Королеве драмы». Дело плохо, Джорди. Мы за тебя переживаем, но это для нас серьезный удар: от тебя отказались уже два спонсора, а ведь эти бренды – как лемминги. Один уйдет, и все побегут за ним.

Если честно, не уверена, что твой аккаунт выдержит такой скандал. Ты же знаешь, как переменчива онлайн-аудитория. Тем более что ты поступила с Матти

и Розой довольно низко. Может, самые преданные фанаты тебя и простят, но репутация – это все. Сейчас тебе пишут кучу гадостей даже не твои подписчики, а просто зеваки, почуявшие запах крови.

Новость разлетелась повсюду, а в соцсетях ненавидят подделки.

Ты должна что-нибудь предпринять.

Ана

У меня двадцать три пропущенных звонка, в основном от Аны и несколько от Дейви. Звонили вчера поздно вечером по времени Рио, а для меня здесь — уже ночью. Надо перезвонить, я знаю, но разве смогут они помочь? Все уже бесполезно.

К тому же мне сначала нужно поговорить кое с кем.

Пока я торопливо семеню по коридору, обхватив руками плечи, вспоминаю, что не приняла душ. Наверное, от меня разит перегаром и потом. Натыкаюсь на пожилую пару — из тех, кто хорошо смотрелся бы на дорогой яхте, — и муж бросает на меня знакомый красноречивый взгляд, как бы говоря: тебе здесь не место.

Листаю «Тик-Ток» Розы и Матео в поисках подсказок. Вопреки ожиданиям, постов из гостиницы

у них немного, однако на странице Матео есть вчерашнее видео, где они заселяются в новый номер, и на стене в коридоре я замечаю цифру одиннадцать.

— Матти, Роза! Пожалуйста, откройте. Это я. Давайте поговорим.

Я стою у двери люкса номер одиннадцать и тихо зову их, прижавшись губами к щелке. Уже звонила, но они не открыли. Может, спят или ушли завтракать? Хотя я готова поклясться, что после первого звонка слышала, как выключили фен. В дверях люксов есть видеокамеры, так что, если Роза и Матео не спят, они видят на большом экране, как я топчусь тут в спортивных штанах, засунув кулаки в рукава. Так и представляю, как они сидят на краю постели и Матти медленно качает головой, глядя на Розу: «Не открывай».

— Я просто хочу поговорить. Мне вас так не хватает! — Прислоняюсь лбом к холодной двери. — Простите. Мне так… стыдно за все. Я никогда…

— Джо, — вдруг слышится с другой стороны приглушенный голос Розы.

Я расправляю плечи, окрыленная внезапно вспыхнувшей надеждой.

— Роза, ты можешь…

— Прошу тебя, оставь нас в покое, — печально говорит она, и я зажмуриваюсь, чтобы остановить слезы. — Говорить не о чем.

— Есть! — Я прижимаю пальцы к двери. — Мне все равно, что вы там рассказали. Я просто хочу вас видеть.

— Нам очень жаль, что твое письмо попало в Сеть, но нам сказали, что его все равно опубликуют, независимо от того, будем мы говорить или нет. У них был какой-то анонимный осведомитель. История все равно выплыла бы наружу.

— Мне плевать, — говорю я, даже не зная, так ли это на самом деле. — Я хочу к вам. Хочу все исправить.

Мне долго не отвечают. Затем я слышу голос Матео:

— Ничего ты уже не исправишь.

Отстраняюсь от двери, прикрывая ладонью рот. Мне нужно спасти эту дружбу. Без них мне в этом мире не победить. Я не вынесу того, что здесь происходит, если буду одна. Я знаю, что просто рассыплюсь.

Я представляю, как они вместе стоят за дверью и смотрят на монитор — прямо в мое лицо, искаженное линзой камеры, — и ждут, когда я сдамся и уйду.

— Послушайте, — говорю я, опуская руки. — Я не хотела никому рассказывать, но… все, что я делала в прошедшие три года, было не ради денег. То есть не только ради них. Знаю, со стороны кажется, что я хотела разбогатеть, но… на самом деле сначала я хотела… построить…

Я умолкаю — стесняюсь продолжить, потому что даже в мыслях все это звучит по-идиотски.

— Я хочу открыть новую школу в Вила-Сомбра. Бездомным детям нужно какое-то место, где они смогут учиться. Им нужна надежда и…

— Хватит лгать, — сурово говорит Матео по ту сторону двери. В его голосе нет ни капли нежности. — Тошно уже от твоего вранья.

Я закрываю лицо руками. Дышать тяжело — будто воздуха не хватает. Сердце готово выскочить из груди.

— Это правда, Матти! Пожалуйста, поверь. Я увлеклась, увязла в этом дерьме. И не надо было мне вас убирать из контракта… но я была в отчаянии. Мне нужно было заработать много денег.

Матео фыркает. Не верит ни единому слову.

— Но мы ведь можем все исправить. Начать заново. Поработать вместе над проектом школы. Мне просто… Вы мне оба очень нужны.

Я выдохлась, и они это знают. Пустой желудок

выворачивается наизнанку.

— Ты бы себя послушала, Джорди! Ну что ты городишь? Работница секс-индустрии открывает школу. Не смеши!

Шарахаюсь прочь от двери, вжимаюсь в стену, прячусь в тень. Оказалось, милый тихоня Матео умеет больно кусаться — дай только повод.

— Ты правда думала, что люди примут тебя всерьез? Фотографии твоих сисек — по всему интернету. Ты же не мать Тереза. Ты стриптизерша, которая флиртует с девственниками онлайн.

Мне кажется, я теряю сознание. Ноги подкашиваются.

— Матти, не надо, — слышится голос Розы, но уже поздно.

— Пусть засунет свои предложения себе в зад, — бросает он напоследок и уходит в комнату.

Дрожащей рукой сгребаю в кулак мокрую от пота футболку, зажмуриваю глаза.

Роза не злится, ей грустно.

— Тебе пора, Джорди. Все кончено.

И я ухожу в штопор. Вламываюсь в свой номер, опустошаю мини-бар. Измельчаю горсть своих счастливых таблеточек и высыпаю в бокал риохи. Врубаю музыку и сижу на подлокотнике дивана, согнувшись над телефоном, — отвечаю

самым злобным комментаторам. Дразню их. Провоцирую, чтобы писали еще, рассказывали, что сделают со мной, когда найдут.

Ну же, старайтесь лучше! Покажите, на что способны!

И они стараются. Высмеивают внешность, оскорбляют мать и отца. Я толстая и мерзкая, меня нужно убить. Изнасиловать, пытать, отрезать голову и насадить на пику.

Они пишут, что знают, где я живу. Я должна смотреть в оба, когда хожу по улицам.

Вино кончилось. Надеваю пуховик, сапоги и, шатаясь, бреду вниз, поглядывая в огромные окна, — вьюга крутит пируэты над лесом. Выглядит так красиво, будто в стеклянном шаре. Мне хочется туда. Почувствовать на щеках морозный воздух, подставить себя ветру, чтобы сдул с меня всю дрянь.

В гостинице тихо, вокруг никого. Никто не видит, как я выхожу через черный ход и направляюсь прямо в метель.

Снаружи лютый холод, но мне нравится. Чувствую, как стынет на морозе кожа, — она очищается, и лед сковывает все зло, которое я натворила. Не знаю, куда иду. Пусть метель ведет меня, пусть ее вихри и порывы тащат меня в лес,

все дальше, все глубже в чащу. Снег хрустит под ногами. Я прохожу мимо старухиной хижины. Думаю, не постучать ли, но потом вспоминаю, что было в прошлый раз: те жуткие звуки, которые мы слышали, и чувство, что кто-то ползает по стенам.

Я шагаю дальше.

Через несколько минут выхожу на прогалину, оборачиваюсь.

В лесу есть кто-то еще? За путаницей ветвей виднеется нечто похожее на рога, но сквозь метель невозможно ничего разглядеть как следует. Это может быть одинокий олень, а может, демонический лось, о котором говорил Хенрик.

Явился, чтобы меня забрать.

Что ж. Пусть забирает, если хочет.

Мое лицо намокло от снега, а зубы стучат от холода, но я продолжаю идти вперед, раздвигая колючие ветки. Когда мне уже начинает казаться, что лесу нет конца, я выхожу из-под деревьев на берег огромного красивого озера. Его замерзший, дымчато-серый простор тянется к горизонту. Непрерывность ледяной глади нарушает лишь островок с одиноким деревом в центре.

Опускаюсь на колени, сметаю перчаткой снег, очищая толстый прозрачный лед.

«Там мир и покой», — думаю я, вглядываясь в черноту, откуда вверх, играя, стайкой поднимаются пузырьки.

Наклоняюсь ниже, и в глубине возникает лицо. Человеческое лицо. Оно плывет вверх, а под ним колышется невесомое тело. Лицо приближается, выплывает на свет, и я наконец могу различить его черты.

У меня изо рта вырывается крик. Мама!

Она прижимает ладони к поверхности льда, и кончики пальцев темнеют, соприкасаясь с прозрачной коркой. Губы шевелятся, беззвучно умоляя о помощи. На шее зияет широкий разрез, по краям его розовеет холодная плоть.

Мама толкает сильнее, голова запрокидывается, и рана становится еще шире, кровь утекает в воду. Я начинаю паниковать: голова сейчас оторвется от тела, уплывет! Где ее потом найдешь? Подвывая от плача, в отчаянии сжимаю кулак и бью по льду — только бы до нее добраться! Если бы я разбила этот панцирь, она бы вернулась. У меня снова была бы мама!

Она бы качала меня и гладила мои волосы, ласково шептала на ухо: «Я тебя вижу, малышка».

Изо всех сил колочу по льду: мамина голова вот-вот оторвется! И тут, словно у детской иг-

рушки, она со щелчком встает на место. Я все продолжаю бить, уже двумя кулаками, и наконец во льду появляется тоненькая трещина. Я спасу тебя, мамочка! Ты не бойся. Мы будем вместе, и никто нас больше не обидит, никто не разлучит.

Я просто хочу к тебе прикоснуться. Провести рукой по нежной щеке. Как мне было плохо без тебя! Как тяжело!

Лед с треском разлетается на куски. Я падаю вниз, в обжигающе холодную воду, и мир погружается во тьму.

Обоняние, по утверждению некоторых ученых, является важнейшим из наших чувств.

Многие в научном мире считают, что у наших многоклеточных предков обоняние развилось первым из пяти чувств. Возможно, в этом и есть причина того, что ЗАПАХ вызывает столь яркие воспоминания.

Такое случалось с каждым из нас. Ты идешь по улице, мимо проходит кто-то, у кого парфюм как у твоего старого друга или любимого человека, и этот аромат, словно машина времени, в мгновение ока переносит тебя в другое время и место.

Наши воспоминания — не только образы, звуки и ощущения, но еще и запахи, ароматы, что текут, словно реки, в глубине наших душ.

Расскажите о запахах, которые помогают вам путешествовать во времени.

Государственный обвинитель против Хенрика Хайлендера, июль 2026

Приложение Р: отрывок из дневника Йоханны Хайлендер, глава № 4

(Перевод с финского)

Костры. Для меня нет ничего уютнее, чем их земляной, древесный аромат — сухой и резкий. Он возвращает меня в детство, к тем дням, когда я сидела у бабушки на коленях в этой самой хижине. Когда знала о мире достаточно, чтобы мне стало любопытно, но не так много, чтобы его бояться.

К дням, когда в моей жизни еще не было Хенрика. Когда я не чувствовала, как он наваливается на меня в темноте или сдавливает железными руками мои бедра, стоя у меня за спиной.

К дням, что были еще до того, как в мою жизнь пришел постоянный страх, а за ним — полное бесчувствие.

Уверена, вы хотите спросить, почему я не ушла. Почему столько лет терпела и не сбежала?

Сколько-то лет назад я собрала чемоданы и купила билет на ночной паром в Хельсинки. Затем поздно вечером, пока Хенрик работал у себя в кабинете, вынула из кроватки маленькую Инку и тихо спустилась вниз, прижимая к себе ее теплое

сонное тельце. Однако Хенрик с самого начала все знал, ведь за мной следили его люди. В тот вечер он поджидал меня в коридоре, дрожа от ярости. После этого все стало еще хуже. Я начала бояться, что он убьет меня, и больше сбежать не пыталась.

В хижине всегда сумрачно, даже в полдень. Сумрачно и одиноко. Но мне это по душе. Лес — очень темное место, и я скрылась в нем вся, без остатка, вместе с моим маленьким домиком. Я — крошечное насекомое, что ползает во вселенной, которая слишком велика для его понимания.

Сколько времени я здесь провела? Не помню. Дни, недели? Месяцы?

Я сплю, разлагаюсь. Я разбита. Кто я такая — человек, смотрящий в зеркало, или отражение, что глядит сквозь стекло? Уже не знаю. Но я чувствую запах дыма, вижу, как танцует пламя, и оно дарит мне утешение. Напоминает, что огонь всемогущ и в нем бушует ярость несправедливо обиженных.

Огонь может принести внезапную и быструю погибель.

Джорди

Где я? Лежу на спине. Меня завернули во фли-
совое одеяло, и я в нем как в коконе. Под головой
— большая мягкая подушка. Вверху горят све-
тильники-споты, наполняя комнату мягким
персиковым светом. Играет веселенькая музыка.
Голова просто раскалывается.

Хочу приподняться, но локоть соскальзывает, и
я плюхаюсь обратно. Я не на кровати, это больше
похоже на массажный стол. Вся дрожа, пере-
катываюсь на бок. Ну вот, угадала: в углу вижу
столик, уставленный ароматическими маслами
и бессмысленными вазочками с галькой внутри.

Что я делаю в массажном салоне?

— А, вы уже проснулись.

В комнату входит женщина с безупречным
макияжем и улыбается мне.

— Меня зовут Сильви. Как вы себя чувствуете?

Озираюсь, ничего не понимая. Как я сюда попа-
ла? Сама или кто-то меня принес? На мне чужая
одежда: чистые и сухие спортивные брюки с лого-
типом гостиницы. Значит, кто-то меня переодел.

— Я не… А что случилось?

На Сильви босоножки и графитово-серый халат. Золотистые волосы скручены в тугой узел.

— Инка нашла вас в озере за хижиной миссис Хайлендер. Вы провалились в полынью.

Она выдвигает ящичек и достает коробку спичек.

— Инка спасла вас, мисс Сантьяго. В такой ледяной воде человек погибает за считаные секунды.

Поправляю воротник незнакомого худи. В голове дрожат обрывки воспоминаний. Застывшее озеро, мамино лицо подо льдом.

Не могу поверить, что я пошла туда одна в самый разгар снежной бури. Это же верное самоубийство.

— Но не волнуйтесь, — продолжает Сильви, зажигая спичку. — Вы очень сильная, и медсестра не обнаружила у вас никаких травм.

Я в замешательстве наблюдаю, как она зажигает большую цилиндрическую свечу, затем трясет длинной спичкой, чтобы погасить пламя.

— Сейчас вам нужно тепло и горячее питье. — Сильви прячет коробку обратно в ящик. — Могу я предложить вам травяной чай? У нас есть голубой лотос, зеленый геммайтя[21], бутоны роз,

---

[21] Сноски: 21

Геммайтя — японский зеленый чай с обжаренным коричневым рисом.

мадагаскарский чай с ванилью и специями…

Выбираю не глядя, только бы она замолчала. Мне надо подумать, сложить все кусочки пазла.

Мой телефон лежит на полочке рядом с массажным столом и мигает, показывая, что пришли новые сообщения. Когда я упала в воду, он, скорее всего, был у меня в кармане. Удивительно, как это он не намок и все еще работает. Однако, глядя на него, я думаю о другом: вспоминаю видео, которое месяц назад было популярно в «Тик-Токе». Там рассказывали о специальных приложениях-трекерах. О том, как точно они стали определять координаты; как мутные типы из даркнета могут за деньги взломать чужой GPS, и ты получаешь возможность следить за каждым шагом этого человека.

Какого черта Инка делала в лесу возле озера? Не слишком ли удачное совпадение, что она проходила мимо именно в тот момент, когда я упала в воду? Как сказала Сильви, в такой воде человек замерзает очень быстро — то есть меня должны были вытащить немедленно.

А это значит, что либо я самая везучая девушка на свете, либо Инка точно знала, где я нахожусь.

— Ну вот, — весело глядит на меня Сильви и ставит на полочку мой горячий чай.

Уже не помню, что я заказывала. Молча наблюдаю, как она двигается по комнате — складывает полотенца, наводит порядок в ящиках, споласкивает и протирает чайную ложечку.

Пока я слежу за уверенными, четкими движениями ее рук, в мои ноздри проникает аромат. Цитрусовый, терпкий, он быстро набирает силу и повисает в воздухе.

— Что это… откуда так пахнет? — спрашиваю я, оглядывая маленькую комнату, и наконец останавливаю взгляд на чашке.

Но чай не может так пахнуть — аромат слишком сильный.

Сильви отвечает, не оборачиваясь:

— От свечи, мисс Сантьяго.

Мое сердце подпрыгивает и начинает биться гулко и часто. Это не просто знакомый запах — он мне очень дорог. Он остается со мной всю жизнь.

— А… что за аромат?

Сильви поворачивается, удивленно поднимает брови:

— Простите?

— Какие ароматы в свече? — повторяю, тыча пальцем в воздух.

— Ах, вы об этом! Ну… — Она приседает, вглядываясь в наклейку. — Ананас и пассифлора.

Очень… энергично, я бы сказала.

Прижимаю одеяло к груди. Так пахло от мамы! Это был ее фирменный запах. Думаю, эти духи она сделала сама — чтобы привлекать клиентов, наверное. У меня почти не осталось воспоминаний о ней, но этот аромат я помню прекрасно. Он у меня в крови.

В комнате всего одно окно. Мой взгляд минует узкие ленты ручьев и окруженные камнями водоемы, устремляясь к главному зданию гостиницы, где камины и лампы светятся сквозь хаос метели.

Кто-то делает все это нарочно. Хочет, чтобы я сошла с ума!

— Где вы взяли свечу? — спрашиваю я, резко поднимаясь.

Сильви склоняет голову набок, как птица:

— Что вы хотите?.. Я не совсем вас понимаю.

— Мне нужно знать, где вы ее нашли.

— Н-не знаю, — запинается она, смутившись. — Простите. Сегодня не моя смена.

— Мать вашу, а чья тогда?

Сильви испуганно сжимается, на щеках горят пунцовые пятна. Мне немного стыдно, что вспылила, но мое терпение на пределе.

— Нашей консьержки. Это она выбрала свечу.

Наверное… Я уверена, она хотела, чтобы вы успокоились после несчастного случая.

Сильви сжимает кулачки, заслоняя ими солнечное сплетение, и обиженно надувает губы. Она или прирожденная актриса, или действительно не имеет к этому никакого отношения.

— Надеюсь, аромат вам нравится.

К нам кто-то тихонько стучит.

— Минуточку, — извиняется Сильви.

Приоткрыв дверь, она выглядывает в щелку.

– *Mitä sinä teet? Minulla on vieras täällä*[22].

Разговор короткий и напряженный. Сильви нервно одергивает халат и закрывает дверь.

— Мисс Сантьяго, я… — Она почему-то избегает смотреть мне в глаза. — Мне очень жаль вас беспокоить, но всех гостей просят пройти в бар, который находится в цокольном этаже… просто на некоторое время, пока не уляжется буря. Возможно отключение электричества, и в цоколе самое безопасное для гостей место.

— Самое безопасное? — спрашиваю я, прищурившись. — Что вы имеете в виду?

— Там есть отдельный генератор, на случай если мы останемся без света. Мы должны… о вас

---

[22] Сноски: 22
Ты что творишь? У меня же люди! *(фин.)*

позаботиться. Будут подавать напитки.

Я снова смотрю в окно, за которым пушистые хлопья снега кружатся в безумном вальсе.

Хватит с меня этих игрищ.

Послание на зеркале, ногти, рассыпанные по кровати, мамина рекламная листовка. Не знаю, чего там добивается Инка, но я не собираюсь терпеть все это дальше!

— Ваша консьержка там будет?

Я спускаю ноги на пол. Вставая, замечаю странную медлительность своего сознания, будто мое тело и мозг работают на разных скоростях.

Сильви с радостным видом хлопает глазами.

– *Kyllä… kyllä*, — отвечает она и тут же поправляет себя: — Да, конечно. Инка будет с нами. Она будет там.

Я хватаюсь за край стола, изо всех сил сжимаю пальцы.

За прошедшие двое суток все перевернулось с ног на голову. Я потеряла друзей и работу, но это, возможно, к лучшему. У меня отстойная репутация, и мечта построить в фавеле школу — сделать в этой жизни хоть что-то достойное — теперь еще дальше от воплощения, чем когда-либо. Матео правильно сказал: даже если у меня будут деньги, кто примет меня всерьез? Это просто смешно.

Я так дальше не могу. Кто-то должен объяснить, что происходит в этой гостинице и почему в итоге я, сломленная и одинокая, пыталась утопиться в ледяном озере.

Кто-то должен ответить за то, что он со мной сделал.

Бет

Метель завораживает: кипящая снежная завеса вьется, кружит, белые хлопья несутся над террасой, словно опаздывая куда-то. Мои глаза опухли от слез и слипаются, в горле пересохло.

С тех пор как Джеймс ушел, я так и застыла.

Неизвестно, сколько времени прошло, — может, час, а может, и больше. Я лежу, свернувшись калачиком на кровати, и смотрю в окно, изредка соскальзывая в тревожную полудрему и снова просыпаясь. Чувствую себя опустошенной, истерзанной до предела алкоголем и ссорами. Изменой.

Потому что это измена, разве нет?

Засыпать сообщениями другую женщину, пытаясь затащить ее в постель. Да, Джей не прикасался к Джорди, однако неверность в наши дни — это не просто физический контакт. Ты можешь крутить цифровой роман, даже не выходя из спальни. Можешь разрушить брак парой глупых движений пальца по экрану смартфона.

Его сообщения до сих пор на большом экране. Дразнят меня. Я пробовала выключить телеви-

зор, но он каким-то образом включился снова, напугав меня. Как они вообще туда попали? Быть может, виноват все тот же сбой, из-за которого в колонках звучала запись моего сеанса терапии? Или же здесь творятся какие-то более темные дела? Возможно, мне стоит спуститься к администратору, устроить сцену, потребовать скидку или какие-то бесплатные услуги в качестве компенсации, пригрозив раздуть скандал в соцсетях. У бразильцев сработало, но я на такое не способна. Я не жалуюсь и не поднимаю шума, просто терплю, опустив глаза. Позволяю вытирать об себя ноги.

Кроме того, сомневаюсь, что здесь виноват персонал гостиницы. Если это какой-то великий заговор, тогда, скорее, ответственность нужно возлагать на Флетчера Рена, парня из «Смол-ток». Он богат, влиятелен, и у него уже есть мои данные. Такие случаи не редкость: клиенты постоянно судятся с большими компаниями за вторжение в частную жизнь. Вполне логично будет задаться вопросом: а не он ли за всем этим стоит? И нет ли у него какого-то скрытого мотива?

Перекатываюсь на другой бок; рука, на которой я лежала, совсем затекла. Встаю и начинаю разминать ее, оглядывая номер. Кругом бардак.

Вчера, когда мы легли, я была пьяна в стельку, и теперь повсюду валяются телефонные зарядки, косметика и всякая мелочь. Наш чемодан так и стоит открытым с тех пор, как Джей второпях одевался, а на полу рядом печально валяется его новая кожаная куртка.

Я поднимаю ее и подношу к лицу, с наслаждением вдыхая землистый аромат. Эту куртку я купила Джеймсу в подарок на свадьбу, но оказалось, что подарком она стала больше для меня самой. Джей ее почти не носил, и потому она пахнет не им, а только кожей и дешевыми молниями, и этот запах моментально отправляет меня в прошедшие деньки.

Вечер пятницы. Распахивается дверь, входит отец. Всю неделю он колесил по городам и весям, продавая посудомойки и обогреватели добрым жителям Британии. Трудился не покладая рук, чтобы прокормить семью. В коридоре он хватает меня на руки первой — я ведь его любимица — и крепко-крепко прижимает к груди. От его коричневой куртки пахнет латунью и коровьей кожей, и все мое тело поет, а щеки болят, потому что я улыбаюсь до ушей. В моей жизни не было ничего счастливее этих моментов, когда я оказывалась в теплых, уютных папиных объятиях. Я знала

сердцем, что в них — мое надежное убежище и что он никому не позволит меня обидеть.

На самом деле большую часть времени папа не работал. Мы, дети, понятия не имели, что, когда отец появлялся на пороге с пакетами, набитыми попкорном, шоколадками и дисками с видеоиграми, он почти всегда возвращался к нам из дома своей второй семьи или приезжал после трехдневного загула в каком-нибудь богом забытом уголке страны, где он ухлестывал за женщинами и проигрывал наши сбережения.

Пока мы были маленькими, мама заботилась о том, чтобы мы не узнали правды, и для нас Томми Вейкфилд был непогрешим. Ему ничего не стоило казаться героем в глазах детей. А вот она смотрела на него совсем по-другому.

Разводились они кошмарно. Однажды ночью, когда я приехала домой из университета на Рождество, устроили страшный скандал прямо на улице. Помню, как в домах вдоль дороги включался свет и соседи выглядывали из окон. Какой же был позор!

После этого о грехах папаши узнали все, потому что мама орала на всю улицу. Это стало преследовать нас, как проклятие. В закусочной, где продавали рыбу и чипсы, и в местном пабе

люди шушукались у нас за спиной, обсуждая, как Дебора и Томми Вейкфилд крыли друг друга последними словами прямо у себя на крыльце, ни стыда у них, ни совести. Это были обычные грязные сплетни, но мне хотелось провалиться сквозь землю. Годами я мечтала найти мужчину, похожего на отца, — веселого, общительного, компанейского, — но мечте быстро пришел конец. Я поняла, что у такого характера есть своя цена. И цена немалая. Тогда я решила, что заведу семью с обычным, надежным парнем, который любит футбол, имеет постоянную работу, не играет на пианино, не отращивает волосы и не ездит на мотоцикле. Может быть, даже таким, кому немного помогают родители, чтобы нам жилось легче. И когда я случайно встретила Джеймса в том грязном лондонском клубе, когда мы оба уже окосели от коктейлей с энергетиком, я сразу поняла, что он тот самый парень. Конечно, его богатенькие, высокомерные друзья обращались со мной как с морским ежом (а я быстро заметила, что, несмотря на такую компанию, у Джея в кармане ветер свищет), однако я решила терпеть в обмен на то, что он меня не предаст и что с ним мне будет спокойно и просто. С ним будет нормально. Таковы были условия сделки.

И вот каким-то образом после всех моих предосторожностей, расчетов и торжественной клятвы не повторить маминых ошибок это все равно случилось.

Я вышла за копию отца!

— Дорогая моя! — радуется мама, сняв трубку. — Какой замечательный сюрприз! Как проходит твой медовый месяц?

Я звоню матери очень редко, но сейчас мне просто необходимо услышать ее голос. Разговор с ней меня успокоит, отвлечет от тяжелых мыслей.

Мой взгляд застывает, устремившись в одну точку.

— Д-да, да… мы шикарно проводим время.

— Я видела ваше селфи с шампанским в инстаграме. Очень красивое! Видно, что вы оба счастливы.

Понимаю, что она ждет от меня подтверждения.

— А… ну да, так и есть.

— И чему же я обязана таким редким удовольствием?

Хмурюсь.

— Ну я же не настолько редко звоню.

— Я несколько месяцев ни слова от тебя не слышала, Бетти, — говорит она с шутливым упре-

ком. — У вас там все нормально?

Вот бы рассказать ей, что случилось и что наделал Джеймс! Но я не могу решиться — у меня тогда будет истерика.

— Ничего… я просто хотела поболтать.

— Понятно. Очень мило с твоей стороны.

— Немного домой хочется.

Мама беззвучно смеется:

— Вот глупая!

В трубке слышно, как позвякивает чайная ложечка, пока мама размешивает сахар.

— Ты хочешь домой в свой медовый месяц? Это золотое время, девочка. Бери от жизни все, пока можешь. А где Джеймс?

— Он… ну он просто… — я наспех сочиняю историю, — пошел забрать что-то из машины.

— Обними его от меня, когда вернется. Уверена, уж он-то разгулялся в этом вашем «Кувал… Куванстине», или как его там. От бильярдного стола, наверное, не оттащить.

Я молчу. Кусаю ноготь, глядя застывшим взглядом в метель за окном.

В трубке слышно, как шаркают ножки стула, когда мама садится.

— У тебя точно все в порядке, милая?

Закрываю глаза. Спросить бы, как она поняла,

что пора? Как решилась бросить отца? Однако у нее на это ушел не один десяток лет, а меня трясет при мысли о том, что придется из страха тянуть с разрывом. Если Джеймс и в самом деле такой человек, нужно его бросить сразу, нельзя годами набираться смелости. Не буду я наступать на те же самые грабли!

— Да, все хорошо. Устала просто. Поздно легли вчера. — Выдыхаю, стараясь взять себя в руки. — Лучше расскажи, как там у вас дела.

— Представляешь, — начинает мама, радуясь, что можно посплетничать, — на Уинсдейл-роуд открылся новенький супермаркет, прямо рядом с нашим старым продуктовым, и я тебе скажу, это наделало шума…

Пока она говорит, я бесцельно кружу по комнате; улыбаюсь, слушая знакомые интонации. В детстве я маму почти не замечала, высокомерно заключив, что она совсем не то, что мой веселый отец. Я воспринимала ее как должное, а теперь об этом жалею.

Включаю громкую связь, бросаю телефон на кровать и начинаю одеваться. Пока мама рассказывает, какими панелями обшила стены ее сестра, я натягиваю джинсы и вдруг замечаю, что на прикроватной тумбе валяется бутылоч-

ка из-под вина. Вспоминаю, что эту бутылку я вытащила ночью из мини-бара, и чувствую, как волосы шевелятся на голове: я была в стельку пьяна и даже не задумалась, сколько это вино может стоить и сколько мы потратили за вечер на коктейли, шампанское и ужин из трех изысканных блюд.

С тех пор как мы сюда приехали, я боялась открывать банковское приложение, но рано или поздно придется посмотреть правде в глаза. Один только счет за номер выйдет тысяч на шесть, а сверх того мы легко и непринужденно потратим еще сотни фунтов.

Мне нужны бабушкины деньги. Сейчас.

— …И в этот самый момент, — продолжает мама, — из химчистки вылетает Памела, а из кармана пальто у нее торчат старые колготки в сеточку…

— Мам, ты не могла бы кое-что для меня сделать?

От неожиданности она теряется на секунду.

— А… да, конечно. Что тебе нужно?

— Да просто… Извини, что занудствую, но ты можешь перевести мне бабушкины деньги? Прямо сегодня.

Пауза.

— Бабушкины деньги?

Она прихлебывает чай. Как-то слишком уж медленно.

— Зачем тебе деньги?

Начинаю застегивать блузку.

— Так, ничего серьезного. Подумала, что хорошо было бы… уже все уладить.

Мама тихонько покашливает, прочищая горло.

— Ты говорила, в ближайшие лет пять вы не собираетесь покупать жилье. Хотела подождать, пока не начнете зарабатывать больше.

Где-то внутри меня шевелится паника. Пуговицы блузки вдруг кажутся слишком мелкими для пальцев.

— Да, я помню, но… можешь просто мне их перевести? Уже закончим с этим, и все. Можно ведь открыть вклад, и тогда еще накапают проценты. Мам, давай…

— Ладно. Послушай.

Замираю возле кровати, так и не застегнув блузку. Не нравится мне мамина интонация. Ни капли не нравится.

— Денег больше…

Хватаю телефон и выключаю громкую связь. Холодея внутри, сажусь на кровать.

— Мам, что с деньгами?

— Их больше нет.

Мне кажется, что в номере сверкнула молния. Наклоняюсь вперед, качаю головой, прижимая телефон к уху.

— В каком смысле — нет?

Она тяжело вздыхает:

— Их украл твой отец.

— Что?

— Я хотела сказать тебе, доченька. Правда хотела… — лепечет мама, теряя самообладание. — Деньги были на нашем старом общем счете, и я забыла закрыть ему доступ, а у него был пароль.

— Боже… мой.

Меня охватывает паника. Воздуха не хватает.

— Я попробую их вернуть, Бет. Обещаю. Но… — У мамы вырывается стон. — Банк сказал, что тут ничего не поделаешь, поскольку счет был общий. По закону отец имел такое же право на эти деньги, как мы с тобой.

Я встаю, каменея от ярости, и упираюсь ладонью в стену.

— Хоть на что он их потратил?

— В основном на азартные игры. — Теперь в мамином голосе звенят стальные нотки. — А еще подруга видела его пару раз в квартале красных

фонарей.

Я не знаю, что сделать — разрыдаться или пробить дыру в штукатурке? Не могу поверить, что все это происходит на самом деле.

— Но ты можешь пока обойтись без них, правильно? — спрашивает мама с надеждой, и мое сердце сжимается от жалости.

Как тяжело ей было держать это в тайне и ждать того дня, когда придется во всем признаться…

— Ты же все равно хотела повременить с покупкой дома. А позже мы все уладим. Что-нибудь обязательно подвернется. Так оно всегда и бывает.

Обреченно смотрю в потолок. Мы в серьезной беде: мне не потянуть даже долг по кредитке с этими процентами, а что уж говорить о счете, который нам выставят перед отъездом из «Кувастина». Я буду в долгах до конца жизни. Со своей учительской зарплаты я такую сумму никогда не выплачу.

Стискиваю зубы, чтобы не зареветь.

— Мам, как он мог так с нами поступить?

— Послушай, Бетти. У твоего отца есть такая неприятная черта… Я лишь недавно это поняла, после стольких-то лет. Когда тебе кажется, что дело плохо, дальше некуда… обычно все стано-

вится еще хуже.

Нетвердо стоя на ногах, одной рукой вцепившись себе в волосы, я поворачиваюсь к скриншоту, застывшему на огромном экране нашего телевизора, — цепочке личных сообщений, которые Джеймс отправил Джорди. В голову приходит мрачная мысль: возможно, вот так мой отец обманывал бы маму, если бы тогда, двадцать лет назад, у них был инстаграм. Намного проще, чем гоняться за юбками по барам и клубам или снимать проституток. Скучновато, зато никакого риска. Можно заниматься этим, когда ты под одной крышей со своей второй половинкой.

— Мам, я…

И тут происходит что-то невозможное — к стопке сообщений на экране добавляется новое. Затем еще одно. Я в замешательстве хлопаю глазами и внезапно осознаю, что именно мне показывают.

Это не скриншот, а живая трансляция!

> Привет, малышка! Я в баре. Пропустим по бокальчику? Угощаю;) Давай покувыркаемся вместе, Джорд. Ты же хочешь.

Растерянно смотрю на экран, кровь кипит от адреналина. Прямо у меня на глазах в реальном времени мой муж отправляет в топку наши от-

ношения!

В телефоне волнуется мама, не понимая, почему я замолчала. А под сообщениями Джеймса тем временем появляется бодренький значок: три точки, пляшущие, как лодочки на волнах.

Она отвечает!

— Боже! Нет… прекратите…

— Элизабет, что там? Что случилось? Доченька, поговори со мной…

Роняю телефон, и мамин голос теряется вдалеке. Меня бросает в жар, стены давят, голова идет кругом. Не могу больше здесь оставаться. Нужно выйти из этой комнаты!

Распахиваю дверь и, едва не падая, вылетаю в коридор. Должно быть, я двигалась слишком быстро для своего похмельного тела — чувствую, что теряю сознание, и хватаюсь за дверной косяк.

Картинка перед глазами плывет. А дальше — тьма.

Флетчер

Дальше по коридору кто-то лежит. Кому-то из гостей стало плохо?

Подбегаю. Это британка, Бет. Она без сознания, изможденное лицо бело как мел, спутанные волосы прилипли ко лбу и щекам.

Опускаюсь на колени:

— Бет? Вы меня слышите?

Сначала она не реагирует, но, когда я кладу руку ей на плечо, начинает приходить в себя.

— Бет? Что с вами? Где ваш муж?

Она открывает глаза, убирает волосы с лица. Едва узнав меня, цепенеет от ужаса.

— Нет… нет, не трогайте меня!

Морщась, с трудом садится и отползает к стене.

— Уходите!

— Тише, тише, — поднимаю обе руки. — Успокойтесь. Все в порядке.

— Нет, не в порядке, — упрямо трясет она головой, тараща глаза. — Все кончено. А виноваты вы!

— Почему? В чем моя вина?

Плечи Бет вздрагивают, изо рта вырывается судорожный всхлип. Она кладет на горло руку.

— Весь этот кошмар, что здесь творится… он из-за вас. Я знаю. Я никому не говорила о «Смолток».

По-прежнему сидя на корточках, подаюсь вперед:

— Расскажите, что случилось.

Она дрожит и часто, прерывисто дышит. Моргает, чтобы убрать слезы с глаз.

— Вы сами знаете. Продали записи моих сеансов отелю, а потом включали их у нас в номере… и взломали телефон Джеймса… и теперь все кончено. Все кончено.

Я прикрываю ладонью рот, вспомнив, как Бет вела себя вчера в обсерватории. Так вот за что она меня ругала — в номерах транслируют личные записи из «Смол-ток»! Но, ради всего святого, зачем? И как они их раздобыли?

В голове далеким тревожным эхом звучит голос начальника моей службы безопасности: «Вы не замечали ничего странного? Боюсь, кто-то хочет разнюхать о вас побольше… Стоит ли подвергать себя риску ради какого-то отпуска?»

— Послушайте, Бет. — Снова касаюсь ее плеча, и на этот раз она не отодвигается. — Я тут ни при

чем, поверьте.

Она поднимает глаза и смотрит на меня как растерянный ребенок:

— Откуда я знаю, правду ли вы говорите?

— Со мной происходит то же самое.

Бет выпрямляет спину. Похоже, ей теперь хочется сказать мне пару ласковых, однако нам сейчас нужно подумать о персонале гостиницы. Весь предыдущий час я просидел в интернете, стараясь найти в шведском реестре умерших информацию о мертворожденном брате Инки. Я убежден, они с Хенриком что-то скрывают: в списках за последние пятьдесят лет нет ни строчки о Руско Хайлендере.

Тихо, но настойчиво обращаюсь к Бет:

— Те, кто за этим стоит, знают вещи, которых им знать не положено, и я думаю, что Хенрик и его до…

— Простите, что перебиваю.

Бет поднимает голову, и я резко оборачиваюсь.

Перед нами стоит Инка.

— Вам нужна помощь? — спрашивает она с невинным видом.

Нервно оттягиваю воротник. Давно ли она подошла? Успела услышать об утечке данных из «Смол-ток»?

— Нет… кажется, все нормально.

Помогаю Бет встать.

— Мне просто стало нехорошо, — бормочет она, поправляя блузку.

Пока Бет пытается привести в порядок волосы, дочь Хайлендера молча созерцает ее неопрятный вид и заплаканные глаза.

— Мне придется проводить вас в цокольный этаж. Надеюсь, вы не против, — наконец говорит Инка, сцепив пальцы рук на животе.

— Зачем это?

— Буря усилилась, — кивает она в сторону занесенного липким снегом окна в конце коридора. — Могут возникнуть проблемы с электричеством, так как на линии в такую непогоду случаются обрывы. Цокольный этаж — наиболее безопасное место: там есть собственный генератор. Мы, конечно же, накормим и напоим вас.

В нерешительности потираю шею. Инке я не доверяю ни капли, но как тут отказаться? Нужно делать вид, что мы ничего не подозреваем. Кроме того, в баре к нам присоединятся другие постояльцы, и тогда мы сможем с ними переговорить, закинуть пару-тройку удочек. Узнать, какие пожары стараются раздуть отец и дочь.

— Спасибо, что не бросили нас.

Подставляю Бет локоть, но она качает головой, одергивая манжеты блузки. Поворачивается к Инке:

— Значит, мы идем в бар?

— Да.

Бет возмущенно сопит, ее щеки и шея покрылись пятнами. Мысль о том, что нужно переместиться в бар, почему-то ее расстроила.

— Все нормально? — спрашиваю одними губами, и она торопливо кивает.

— Лифт в той стороне, — говорит Инка. — Следуйте за мной.

Пока мы шагаем по коридору, я со стыдом вспоминаю, как неуклюже оправдывался сегодня, когда проник в тот закрытый коридор. Хайлендер и его дочь копались в личной информации гостей, а я за ними шпионил. Кто бы поверил, что я забрел туда случайно? Предлог был смехотворный, и мы все это понимали. Наша взаимная ложь тоньше паутинки и вот-вот порвется.

В лифте Инка быстро жмет на кнопку цокольного этажа, и мы в напряженной тишине погружаемся в чрево гостиницы. Я смотрю в зеркало, вспоминая тот жутковатый фокус, который мне показали в день приезда, — старую фотографию, оживленную искусственным интеллектом.

Мое лицо менялось, молодело, и юный двойник, глазеющий на меня с той стороны, выглядел до мурашек настоящим. С тех пор я всегда ходил по лестнице из страха еще раз увидеть что-то подобное. Мне бы и сейчас отвернуться, но устоять я не в силах и снова встречаюсь взглядом со своим отражением.

Теперь Флетчер в зеркале стал немного старше — ему недавно исполнилось двадцать. Одет аккуратно — в рубашку с воротничком на пуговицах и блейзер. Позирует на лестнице нашего дома в Бель-Эйр. По бокам стоят нарядные по случаю воскресенья родители. Отец зажал в зубах свою фирменную сигару, и я клянусь, что почти чувствую запах дыма, что поднимается над ее тлеющим кончиком, — густой пряный аромат с нотками горелого мускуса, характерный для кубинских сигар. И по сей день стоит мне только его почувствовать, как я сразу переношусь в детство. После ужина отец достает из коробки сигару «Монтекристо», чтобы совершить свой ежевечерний ритуал, и пряный аромат растекается по дому, наполняя каждый уголок.

Фотография, внутри которой я сейчас оказался, была сделана за несколько месяцев до того, как наша семья распалась навсегда.

«…Пока не одумаешься, тебе в этом доме не место…»

«…Ты слышал, что сказал отец, Флетчер? Убирайся с глаз долой!»

Первым мальчиком, которого я поцеловал в своей жизни, был Элайджа Мейфер. Случилось это на летних каникулах, когда я, окончив колледж, вернулся домой. Мои родители устроили в тот день свою легендарную садовую вечеринку — она была ежегодной традицией семейства Рен. Сияло калифорнийское солнце, шампанское текло рекой, а возле дома собрались друзья, соседи и почетные гости из числа местных высокопоставленных лиц.

Мы с Элайджей с детства вращались в одном кругу. Жили по соседству, учились в похожих школах, оба окончили магистратуру по психологии, я — в Стэнфорде, а он — в Гарварде. Мы не были близкими друзьями, но я чувствовал, что мы с ним похожи и он вполне может оказаться таким же, как я. В то лето что-то в нем расцвело: плечи стали шире, взгляд — уверенней. Мы захмелели, напившись мохито, и уединились в мамином розарии. Сидели, говорили о колледже и любимой музыке, о лучших сериях «Принца из Беверли-Хиллз» и о планах на будущее. Обо

всем на свете и ни о чем в особенности. Никто из нас ни в чем не признавался, все случилось само собой. Мы просто поцеловали друг друга, и это было волшебно. Будто бы я только что научился дышать.

Сейчас, по прошествии лет, это кажется забавным. Все вышло как в избитом анекдоте: два голубка из Лиги плюща милуются в кустах, где их случайно застает садовник. Однако в реакции моих родителей не было ничего смешного. Я унизил их в глазах всего света, и они твердо решили меня покарать. Рены никогда не прощали обидчиков.

Они, я думаю, всегда подозревали, что я гей. Я об этом догадывался по тем косым взглядам, которые отец бросал на меня за ужином, по маминым постоянным упрекам, что я никак не заведу себе девушку. Уверен, они надеялись, что это лишь этап, который я перерасту, или, может быть, что отец вправит мне мозги с помощью виски, мужских разговоров по душам и язвительных шуточек насчет женщин. Однако ничего не получилось. Я остался таким, какой есть, и, когда они в конце концов убедились в этом, я стал им противен.

Отец назвал меня слабаком и дегенератом, а мать — закоренелым эгоистом, который наме-

ренно разрушил их мечты о внуках. Братьев или сестер у меня нет, так что я нес факел в одиночку. Будущее, которое представляли себе родители, — семейные посиделки в Санта-Барбаре, сын и его красавица-жена, малютки Рен, скачущие вокруг, — исчезло, пошло прахом из-за моего постыдного извращения. Оно, помимо всего прочего, считалось грехом и ставило под угрозу их репутацию. Родители хотели, чтобы окружающие завидовали тому, как высоко взлетело благородное семейство, а не морщились, услышав о порочных наклонностях сына. Обезумев от стыда, я со слезами вымаливал прощение, но они были непреклонны. Они сказали, что не хотят меня больше видеть, и указали на дверь.

Удалили меня, как опухоль.

Все это пробудило страх, который долгое время таился в самой глубине моей души и который я никогда не решался высказать. Страх, что я чужой; что мои родные — люди одной плоти и крови со мной — меня не любят, а значит, любить меня вообще невозможно; что я какой-то неправильный человек и этот дефект не исправить.

«Ты же не голубой, Флетчер?»

С того дня я больше не встречался с Элайджей. Просто избегал его, не отвечал на звонки, пока он

не бросил попытки связаться со мной. Со временем я замкнулся в себе, превратился в имитацию человека, корпоративного робота. Я на автомате прошел все процедуры, получил диплом и начал свой бизнес. Я посвятил себя разработке «Смолток» и стал глух ко всему, что не касалось работы: к дружбе, близости, любви. Кроме родителей и Джорди, я никогда ни с кем не обсуждал свою сексуальность и не собираюсь делать этого впредь. Не могу представить, что когда-нибудь обрету счастье с другим человеком.

Мать и отец были старше, чем родители большинства моих сверстников. Они много лет пытались зачать ребенка, а здоровье отца пошатнулось задолго до нашего разрыва. Он начал быстро угасать. В итоге у него нашли рак гортани — из-за сигар. Несколько лет назад он умер, и я впервые переступил порог его дома, приехав на похороны. Я надеялся, что мама после стольких лет оттаяла и что теперь, когда отца больше нет, она меня примет.

Однако было поздно.

Те слова, что она бросила мне, выставляя вон из дома, возможно, были сказаны в гневе, но время не лишило их смысла. Мать осталась при своем мнении и считала, что отец тоже не изменил

бы своего.

Я украдкой смотрю на Бет, которая забилась в угол кабины и стоит, зажмурив глаза. Едва увидев ее за ужином в день приезда, я сразу понял, что ее сильно ранили и, скорее всего, это был кто-то из родителей. Я прекрасно знаю симптомы. Понимаю, как несколько жестоких фраз, услышанных от родного человека, могут отправить тебя в пике на всю оставшуюся жизнь. По ее виду было ясно, что она живет с этой болью уже много лет и что ей необходимо проработать это с психологом.

Какая горькая ирония.

— Это ваши родители, мистер Рен?

Лифт остановился. На меня задумчиво смотрит Инка.

— Простите, что? — слегка теряюсь я.

Она переводит взгляд на зеркало, в котором наш семейный портрет медленно тает, словно финальный кадр какого-то фильма.

— На фотографии. Это ваши мама и папа?

— Да, — отвечаю я, опустив взгляд на ботинки. Смотреть ей в глаза невыносимо. — Да, верно.

— По-моему, они вами очень гордились, — говорит она, и двери лифта открываются.

Джорди

Обстановка в баре нервная. Кажется, сюда набились абсолютно все. Люди теснятся небольшими группами, беспокойно стреляют глазами по сторонам. Мы будто ждем самолета в аэропорту, а рейс задерживают.

Само место атмосферное и с характером: стеклянные столы, шикарные отдельные кабинки, обитые кожей. За стойкой, на подсвеченных полках, выстроились бутылки с элитным алкоголем, а в углу на низенькой сцене сверкает, отражая свет ламп, рояль. Фоном играет неспешный джаз, но впечатление от него получается довольно причудливым, потому что лица у всех тревожные и злые. Похоже, не мне одной хочется поскандалить.

— Боюсь, я должна вернуться, — говорит Сильви, неловко улыбаясь мне.

Она еще не успокоилась после того, как я нарычала на нее в массажном салоне.

— Угощайтесь. Вот закуски, и можно выпить что-нибудь в баре. Все это за наш счет.

Она кивает на стол, где наспех расставлены

блюда с копченой рыбой и этим кошмарным черным хлебом, который они тут едят.

Я вежливо киваю и стою, скрестив руки на груди. Чувствую себя ужасно неловко в безразмерных спортивных штанах с логотипом гостиницы. После купания в озере меня умыли, так что я еще и не накрашена. Даже не помню, когда последний раз появлялась на людях без макияжа и доспеха из брендовых шмоток.

— Инка сейчас придет, — добавляет Сильви и, слегка поклонившись на прощание, скрывается в толпе.

Глядя ей вслед, пытаюсь представить, что скажу консьержке. Достаточно ли будет просто пойти в атаку, требуя объяснить, что здесь вообще творится? С ее папашей это не сработало, а яблочки от яблони недалеко падают.

— Привет, красотка.

По бедру скользят чьи-то пальцы. Резко бью по ним и, развернувшись, вижу британца. Он слегка шатается и для равновесия прислонился к столу. В одной руке держит бокал с коктейлем, а другой трясет в воздухе — ей только что от меня досталось.

Парень щурится, стараясь сфокусировать взгляд.

Я презрительно кривлю губы:

— Какого черта?

— Ты ж меня помнишь. Я Джеймс.

Слова даются ему с трудом, и от него разит алкоголем.

— Ну… из бассейна.

— Да, помню. Не помню только, чтобы разрешала себя трогать.

— Ладно, ладно, — натужно смеется он. — Полегче на поворотах, дружище. Я просто общаюсь.

— Мы не друзья.

Он ставит бокал на стол и слегка приседает, чтобы лицо было вровень с моим. Глаза блестят, как у мальчишки-хулигана.

— Нет. А могли бы подружиться.

Как бы пританцовывая, виляя бедрами, он делает шаг мне навстречу.

— Могли бы сойтись поближе, да как следует!

Отступаю, но он загнал меня в угол, и деваться некуда. Оглядываю тускло освещенный зал, компании иностранцев, говорящих на непонятных мне языках и увлеченных собственными делами. Я вдруг остро чувствую одиночество. Матти и Роза должны быть где-то здесь, но я их не вижу. Тут слишком темно и слишком людно.

Джеймс упирается ладонью в стену над моей

головой.

— Ну давай же, малышка. Я знаю, как тебе хочется.

— Отвали. Быстро.

Упираюсь ему в грудь обеими руками, но он сильнее и полон решимости. Это все равно что толкать скалу.

— Дразнишь меня?

Игривая интонация будто скисла, превратилась в совсем уж мерзкую.

— Знаю, что тебе нужно… Я за тобой слежу в соцсетях, — скалится он. — Сама напросилась.

Меня бросает в жар, а внутренний голос отзывается холодным шепотом: «Он прав — сама виновата. Так тебе и надо!»

— Ну же, не ломайся, — настаивает Джеймс, прижимая меня к стене.

Я выкручиваюсь, но он держит крепко и коленом раздвигает мне ноги. Шепчет, касаясь губами уха:

— Никто не смотрит. Можно прямо здесь, я быстро.

— Давай притворимся, будто ты этого не…

Закончить фразу я не успеваю, потому что он начинает лапать мою талию, бедра. Просовывает под одежду холодную руку и пытается ухватить

мои груди — тискает, жмет, царапая ногтями кожу. От его дыхания шея стала влажной. И тут в мозгу вспыхивает картина из далекого прошлого.

Полночь где-то на задворках Вила-Сомбра. Я просыпаюсь оттого, что мне зажали рот рукой и кто-то пытается силой раздвинуть мои ноги. За поясом у незнакомца пистолет.

Хотя мне всего девять лет, но со мной такое случалось довольно часто, и я уже выучила, что лучше не сопротивляться. Как ни рыдай, сколько ни зови на помощь, никто не придет.

— Джей?

Женский голос с британским акцентом выдергивает меня из прошлого. В дверях стоят трое: консьержка, тот напыщенный американец и… жена Джеймса.

Он замирает. Ее лицо совсем побелело.

И тут вырубается свет.

Мы переходим к последней части зеркального дневника.

Надеемся, теперь вы лучше чувствуете свою связь с прошлым и воспоминаниями, которые создали вас такими, какие вы есть. Верим, что вы стали ближе к друзьям, родным и… к самим себе.

Ждем не дождемся, когда вы приедете в «Кувастин», где эти воспоминания будут воссозданы для вас лично с ошеломляющей точностью и во всех красках.

Эти драгоценные моменты оживут в вашей памяти, и мы надеемся, что после отдыха здесь ваша жизнь станет богаче, счастливые переживания — глубже, а цвета — ярче.

Вы лучше представите, что ждет вас в будущем.

И потому в финале мы дадим вам одно простое задание.

Расскажите, о чем вы мечтаете.

Государственный обвинитель против Хенрика Хайлендера, июль 2026

Приложение Q: отрывок из дневника Йоханны Хайлендер, глава № 5

(Перевод с финского)

Я мечтаю о своем потерянном детстве.

О родных, которых давно не видела, о счастливых днях среди снегов, о северном сиянии по ночам. О темной красоте Сюнккасало. Моей родины.

Я мечтаю о первой любви, о том, как все было тогда, еще до того, как Хенрик переменился. Помню, как привезла его сюда через пару месяцев после свадьбы и как мое сердце пело от радости, когда он восхищался красотой озер, деревьев и тундры. Он тоже влюбился в это место. Я призналась, что в старости хочу однажды снова поселиться в Сюнккасало, и он сказал, что привезет меня сюда, когда мы оба станем седыми стариками, и построит для нас дом. Волшебное убежище среди лесов.

Однако со временем я все больше забывала родные места. Мы осели в Стокгольме. Путешествовали по делам Хенрика, но в Финляндию не возвращались. Родственники, которые еще были живы, стали для меня почти чужими, и я осталась одна носиться по волнам, как лодка

без якоря.

Конечно, у меня была моя дорогая дочка, но все же каждую секунду каждого дня я чувствовала себя одинокой. Сама себе напоминала бесплотный призрак.

Однажды, много лет спустя, Хенрик объявил, что намерен сдержать обещание. Он посетил Сюнккасало с инвесторами и получил разрешение построить лесную гостиницу, гармонично объединив ее с дремлющими домами моих предков. События развивались быстро, как оно обычно и бывает у Хенрика, и не успела я опомниться, как уже ехала домой.

Я думала, что наконец снова стану счастливой.

А потом я приехала и увидела, что он натворил. Он сровнял мою деревню с землей. Осталось только три хижины. Остальные он выкопал, разобрал и превратил в золу и угли.

Я сказала ему, что это неправильно, что местная администрация отправит его за решетку, но он уже заплатил кому надо, и все сошло ему с рук. Я безутешно рыдала, и Хенрик пришел в ярость.

— Ты же хотела домой! — бушевал он за закрытыми дверями, а на публике рассказывал, как сохраняет мое наследие.

На самом деле он поступал наоборот.

Моя психика и так уже была разрушена постоянными переменами его настроения: он то издевался надо мной, то был внимателен и нежен. Изо дня в день я не могла угадать, что за человек сегодня мой муж, и это раскололо меня надвое. Я потеряла счет времени, огромные периоды жизни стираются из моей памяти, и мой разум блуждает в тумане. Я себя потеряла.

После стольких лет Хенрик совершенно не ожидает, что я дам ему отпор. Потому что старые женщины невидимы, помните? Мы идем по жизни никем не замеченные, и мир не обращает на нас внимания. Недооценивает нас.

Мой муж хочет войны, и он ее получит.

Глаз за глаз.

Бет

Вокруг темно, хоть глаз выколи. Я ничего не вижу.

— Леди и джентльмены, пожалуйста, сохраняйте спокойствие! — Сквозь возмущенный гул пробивается голос сотрудника гостиницы. — Ничего страшного не произошло…

Прижимаю обе руки к груди, прерывисто дыша; мне в собственной коже тесно. Так вот к чему все шло? Сложилось одно к одному. Я бронирую гостиницу в далекой Лапландии. Джеймс ночь за ночью сидит в кровати, пожирая глазами полуголых инстаграмщиц. Джорди приезжает в гостиницу одновременно с нами и объявляет, что собирается переспать со своим фанатом. Они с Джеймсом переписываются втайне от меня.

И все это привело нас сюда, в бар, где мой муж и Джорди наконец сплелись воедино, прижавшись к стене всего-то в паре метров от меня. Не успела разглядеть, что именно они делали, но довольно и того, что увидела. Тошнотворное зрелище!

— С меня хватит! — раздраженно восклицает мужской голос с легким французским акцен-

том. — Пусть нам уже объяснят, что происходит.

— Это просто обрыв на линии, сэр. Беспокоиться не о чем.

— Нет уж, позвольте. В этой гостинице творится что-то странное. Мы все тому свидетели.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, сэр…

— Люди напуганы, — перебивает кто-то поодаль.

В темноте трудно понять, с какой стороны доносится голос. У меня такое чувство, будто зал вращается.

— Что вы делаете с нашими личными данными? — громко спрашивает кто-то еще.

– *C'est une honte absolue…*

— *Du vil høre fra våre advokater…*

Голоса валятся один на другой, перекатываются, сливаясь в бесформенную многоязычную кашу, и я вся сжимаюсь. Шум нарастает, я закрываю голову руками, стараясь не поддаваться панике, — и вдруг замечаю, что сквозь гомон доносятся чувственные, ритмичные звуки.

Жадное сопение, сдавленные стоны.

Нет! Пожалуйста, пусть это будет не то, что я думаю!

Всюду шныряют лучи телефонных фонариков, отбрасывая на стены призрачные круги, и мне

вдруг кажется, что мы на месте преступления, а это — прожектора полицейских машин. Свет слепит мне глаза, я отворачиваюсь — и прямо перед собой вижу именно то, чего боялась: мой муж обнимает женщину своей мечты, его страстные руки блуждают по ее телу, а Джорди извивается от удовольствия, вцепившись ему в спину.

У меня подкашиваются ноги.

— Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Подача электроэнергии скоро возобновится.

— Сохранять спокойствие? Да это просто смешно…

— Нам нужны ответы…

Сознание своего одиночества пронзает меня сокрушительной стрелой. Все остальные люди в этом зале так увлечены критикой персонала, что даже не заметили, что делают Джеймс и Джорди. Или же им просто все равно. Мне приходится одной смотреть, как прямо на моих глазах разворачивается мой худший кошмар.

— Мы обратимся к журналистам…

— Где господин Хайлендер? Он скрывается от нас…

Оставаться тут дальше невозможно, и я бросаюсь прочь. Обратно, к выходу, вон из круга огней, в густую текучую тьму. Все быстрей и быстрей,

чувствуя, как лицо овевает воздух. И в ту самую долю секунды, когда мне кажется, что я сейчас умру, я на полной скорости налетаю на что-то твердое.

Со звоном сыплется разбитое стекло. Падаю, и оно режет мне ладони. Вокруг все ахают.

Я замираю на миг, потом, перевернувшись, вижу, что все фонарики направлены на меня. Над моей головой, на раме, болтаются осколки стеклянной двери; один из них с тихим стуком падает на ковер.

В ужасе смотрю на свои руки: они в крови, к свежим порезам прилипли кусочки битого стекла, похожие на бриллиантовую крошку. Кто-то вскрикивает. Этот первобытный звук разрывает тишину, и толпа внезапно приходит в движение. Однако, прежде чем они успевают что-либо сделать, я вскакиваю на ноги и снова бросаюсь бежать.

Я проношусь по коридору, он ведет вверх, к стойке администратора. В центральной части гостиницы немного светлее из-за панорамных окон, но электричества нет нигде. Пробегаю через лобби, мимо ресторана; ноги мягко стучат по ковру. Останавливаться нельзя. Нужно скрыться. От всех.

Ныряю в какие-то коридоры, сворачиваю, нащупывая стены в темноте. Вдруг вижу незнакомую стальную дверь с небольшим иллюминатором, как на корабле. За ней видна кухня — тускло переливаются в полумраке гладкие столешницы и дверцы шкафов из нержавейки. Я уже знаю, что именно мне хочется сделать, и это единственный способ справиться с мучительным напряжением.

Здесь, на кухне, есть именно то, что мне нужно.

«На долю женщины выпадает столько страданий. — Мамин голос звучит у меня в ушах, когда я открываю дверь и начинаю шарить повсюду взглядом. — Мы все сносим молча. Ради мужчин. Терпим боль, чтобы им не пришлось узнать, что это такое…»

Все, о чем я мечтала, — это стабильность. Безопасность. Мне не нужны фейерверки, не нужна сказка. Не нужен муж-миллионер, или идеальный дом, или лучший секс на свете. Мне просто нужно, чтобы я могла ему доверять. Знать, что он будет обо мне заботиться.

Джеймс на это не способен. Меня ему мало, и так будет всегда.

— *Jos virta on poikki koko päivän, mitä he odottavat*

meidän tekevän?[23]

Я выдвигаю один из ящиков для столовых приборов и вдруг слышу чей-то голос. Сжимаю пальцы вокруг ребристой рукояти.

– *Haluaisin vapaapäivän,* — отвечает другой. — *Mutta en pidätä hengitystäni*[24].

Бесшумно вытаскиваю нож и прячу в рукаве. Отступаю к двери, но из-за холодильника выходят два повара. Увидев меня, они замирают как вкопанные.

— Мадам? — говорит тот, что пониже ростом. — Вам нельзя тут находиться.

— Извините, я… потерялась.

Второй повар присматривается ко мне сквозь сумрак.

— У вас все руки в крови, мадам. Что случилось?

Это последнее, что я слышу, потому что выскакиваю обратно в коридор и бегу испуганным зайцем дальше, чувствуя кожей холодное лезвие в рукаве. Выбираю путь наугад и наконец оказываюсь в пустом баре где-то в глубине гостиницы. Быстро озираюсь. Думай скорее! Куда теперь?

---

[23] Сноски: 23

Если электричества нет целый день, чего они от нас хотят? *(фин.)*

[24] Сноски: 24

Хорошо бы выходной. Но я не обольщаюсь *(фин.).*

Чувствую, как по лбу стекает струйка чего-то вязкого; осторожно прикасаюсь к ней, и на пальцах остается кровь. Я и голову порезала тоже или это из ран на руках?

Мне плохо, перед глазами все плывет. Схватившись за спинку стула, стараюсь смотреть в одну точку на ковре. Только бы не упасть. Мне просто нужно побыть одной в укромном месте, где меня никто не потревожит. Наш номер не подойдет, туда заявится Джеймс. А что, если… выйти из гостиницы?

Да, надо выйти. В лесу есть хижины, маленькие убежища. Никому и в голову не придет искать меня там. Буду сидеть сколько захочу; сделаю надрезы, посплю. А может, я проснусь, и все это окажется сном?

Голова вдруг клонится вниз. Я вздрагиваю. Чуть не потеряла сознание! Нужно подышать свежим воздухом — он меня взбодрит.

Открыв раздвижную дверь, выскальзываю на террасу. Здесь жуткий холод, обжигающий, точно белое пламя. Кругом завывает метель, роем вьются снежные хлопья. Я пробиваюсь сквозь них, пересекаю террасу, иду к деревьям. Одежда быстро намокает. Раздвигаю нависшие ветви и, спотыкаясь, бреду вперед; по щекам хлещет

ледяной ветер. Наконец я выхожу на прогалину, защищенную деревьями от непогоды. Невозможно понять, далеко ли хижины. Наверное, я свернула не туда.

Легкие сковывает лед. Здесь такая стужа, что я начинаю задыхаться.

Флетчер

Во тьме начинается хаос. Мечутся ослепительные лучи, звучат тревожные голоса, работники гостиницы тщетно умоляют сохранять спокойствие. Схватившись за голову, я поворачиваюсь то в одну сторону, то в другую. Стеклянная дверь разбита, из рамы торчат осколки, и от этого она похожа на рот с выбитыми зубами.

— Куда она побежала? Мне кажется, поранилась до крови.

— Кинулась прямо на стекло.

— А генератор? Не работает, черт его дери!

Вокруг меня вьются нервные разговоры; мимо, толкаясь, ходят люди. И тут мои ноздри щекочет острый, слегка химический запах, отдающий золой. Принюхиваюсь. Неужели это… дым?

Сразу вспоминаю фотографию в зеркальных стенах лифта и толстую сигару, которую отец зажал в зубах. Но ведь этого не может быть! Это мне кажется. Или я сошел с ума?

— Извините… послушайте! — зову сотрудницу гостиницы, которая стоит, испуганно прижав пальцы к губам.

Она оборачивается, будто в трансе.

— Слушайте, я не уверен, но, кажется, пахнет ды…

Пронзительный, пульсирующий сигнал пожарной тревоги наполняет здание.

Паника в зале крепнет и вскипает фонтаном. Огоньки телефонов пляшут, дети кричат, и я затыкаю уши. Наверху, в номерах, без присмотра остались сотни электроприборов, а еще есть скрытая проводка, в каминах тлеют угли. В такое время только безумец устроил бы учебную тревогу, а значит, объяснение лишь одно: в «Кувастине» пожар.

— Дамы и господа, послушайте! — настойчиво призывает голос с нордическим акцентом, стараясь подняться над всеобщей истерикой и металлическим визгом сигнализации. — А ну, тихо!

Он теряет самообладание, точно взбешенный учитель, и, как ни удивительно, это действует: все пристыженно замолкают.

— Пожалуйста, прошу вас, проходите к выходу и берегитесь осколков. Наш сборный пункт — на террасе виски-бара. Следуйте за персоналом гостиницы и не… — Он издает какой-то слабый хнычущий звук. — Не волнуйтесь.

Сигнализация визжит не переставая. Эти невыносимые механические вопли отдаются в мозгу, и, пока мощный поток толпы увлекает меня к выходу, я тупею от шума и гама, словно контуженый. Присматриваюсь, не видно ли пламени. Пожар у нас или на другом этаже? Это адское пламя или просто неисправный детектор дыма? Скорее всего, даже персонал ничего не знает.

У выхода образуется пробка. Пока мы толкаемся и топчемся по осколкам, внезапно включается свет, и вдоль всего коридора синхронно вспыхивают лампы. Люди молитвенно складывают руки, вздыхают с облегчением. Генератор наконец ожил, хоть и несколько поздновато для того бедолаги, который пробил стеклянную дверь.

Вскоре мы уже бредем вверх по наклонному коридору на первый этаж, и сотрудники начинают раздавать перчатки, шарфы и верхнюю одежду — в основном это пуховики с эмблемой гостиницы, хотя нескольким счастливчикам достаются шубы из меха полярной лисы, которые висели на стенах в холле. И вот мы в баре, оттуда выходим на террасу, где нас встречает монотонный, сердитый гул снежной бури. Здесь много открытых каминов и обогревателей, но, пока не было электричества, да еще и при таком ветре,

воздух стал ледяным.

Глядя вдаль сквозь бурлящие снежные валы, застегиваю куртку до самого верха и подтягиваю манжеты перчаток. Близится вечер, темнеет быстро, и лесная чащоба кажется еще более мрачной, густой и непроницаемой, чем обычно. Эта великая природная стена подступает к нам со всех сторон.

Внезапно за каменными бассейнами и водопадами, среди заснеженных деревьев, я замечаю пару красных точек, парящих в двух метрах над землей.

Быть не может!

«Вас, друзья мои, посетил Хийден Хирви. Демон в образе лося…»

История, рассказанная Хенриком, разумеется, была частью театрального действа. И пусть в тот вечер в обсерватории я видел все собственными глазами, однако я прекрасно понимаю, что вокруг было темно, всюду лежал снег, торчали ветки, а существо мелькнуло всего лишь на мгновение. Когда Инка показала мне жуткую картину Йоханны, я любезно напомнил себе, что демонический лось — это миф. Детская страшилка.

Так что же это такое? Чьи глаза углями тлеют среди покрытых наростами стволов? Если это не

Хийден Хирви, то кто тогда, Флетчер? Эти глаза выглядят в точности так, как на картине Йоханны. Ты же не станешь отрицать. И эти самые рога — с кровью на левом — ты видел за кустами по дороге в гостиницу из окна машины.

Это существо из ада. Оно здесь, прямо перед тобой.

Пока сотрудники шепчутся друг с другом, я медленно отделяюсь от группы и выхожу во двор. В лицо бьет снег — от холода он стал жестким, колючим, как иголки чертополоха. Когда иду, поскрипывая ботинками, мимо бассейнов, стараюсь дышать ровнее и глубже, ведь такой непогоде ничего не стоит одолеть человека.

Под покровом деревьев метель немного ослабевает, но лесной сумрак не дает мне расслабиться. Над головой нависают черные узловатые ветви, похожие на гигантские пальцы, и чем дальше я углубляюсь в чащу, тем ничтожнее и слабее кажусь сам себе. Я оглядываюсь в поисках горящих красных глаз и рогов, но вскоре понимаю, что окончательно потерял животное из виду. Нужно быть опытным охотником, чтобы напасть на след в таком густом подлеске, однако вряд ли есть кто-то более далекий от этого ремесла, чем я.

«В детстве надо было идти в скауты», — думаю

я и вдруг в просвете между ветвями вижу знакомую постройку.

Я вышел к хижине Йоханны. Если верить фотографиям в том маленьком блоге, когда-то здесь была солидная деревня. А потом жилища почему-то снесли. Осталось только три дома: два из них уже стали развалюхами, а в третьем люди появляются лишь от случая к случаю, из любопытства. Это достопримечательность для туристов.

Сегодня дверь открыта… Очень странно в такую погоду. Йоханна, конечно, не осталась бы здесь в метель, да и никто другой тоже. Но что, если она все-таки там? Вдруг она была в хижине, когда отключился свет, и все о ней забыли? Она такая хрупкая. Нельзя оставлять ее одну в мороз.

Продираясь сквозь ветки, бреду по неровной лесной подстилке. Когда подхожу совсем близко к хижине, на фоне далекого воя сигнализации слышится новый и какой-то отвратительный звук: влажное, жадное чавканье, будто бы в доме кто-то ест.

Вся моя смелость уходит на то, чтобы протянуть руку и медленно приоткрыть дверь, из-за которой по-прежнему доносятся мерзкие хлюпающие звуки. С моего прошлого визита в доме ничего не изменилось: на пне по-прежнему стоит металли-

ческий чайник, в камине догорают поленья; под потолком облаком висит дым. Однако, вглядевшись в мглистый сумрак по ту сторону очага, я каменею от ужаса: в углу кто-то есть.

У дальней стены, спиной ко мне, стоит то самое существо, за которым я отправился в лес. К его шкуре прилипли куски коры и щепки, из меха во все стороны торчат ветки, а его рога почти царапают потолок. Стиснув зубы, боясь дышать, я вдруг понимаю, что чавканье сменилось новым звуком — почти человеческим. Кажется, существо говорит само с собой.

Оно вполголоса бормочет что-то неясное, как плохо настроенное радио. Мое сердце леденеет, в груди вращается каменный жернов, я покрываюсь холодным потом. Что бы это ни было, оно умеет говорить. У него есть язык. И через каждые несколько слов его речь прерывается тоненьким смехом — безумное хихиканье рассыпается в дымном воздухе.

Существо умолкает, приподнимает голову, прислушиваясь. А затем начинает поворачиваться. Оно делает это медленно, точно фигурка в настенных часах. Его длинные передние ноги согнуты, с боков окровавленными клочьями свисает мех. Я вижу морду, и кровь стынет у меня в жилах:

это череп без кожи, покрытый трещинами, в его черных глазницах горят багровые, как угли, глаза. Мне хочется выскочить отсюда и нестись что есть духу. Но когда я уже готов спасаться бегством, зверь начинает ковылять к очагу, и в слабом янтарном свете угасающего пламени я вдруг замечаю в дыре на месте носа человеческую кожу. Я открываю рот от удивления.

Это маска!

Возможно, череп лося и настоящий, но его давно уже отделили от тела, сделав частью маскарадного костюма. Я даже вижу маленькие дырочки, высверленные в скулах, и резинку, что продета сквозь них.

Вблизи, при свете, прекрасно видно, что это не чудовище, а женщина в костюме!

— Боже мой! Йоханна!

Джорди

— Не, я серьезн… чёнетак?

Джеймс еле ворочает языком, и слова сливаются в одно.

Я снова толкаю его обеими руками, но он не понимает.

— Ты на меня напал, *desgraçado*![25] Вот что не так!

Люди косятся, рассматривают меня, глядя из-под вязаных шапок. Им кажется, что это ссора любовников. В голову не приходит, что этот говнюк приставал ко мне и, пока не было света, пытался изнасиловать.

С другого конца террасы за мной с тревогой наблюдает Роза, но она не слышит наш разговор. Все звуки тонут в шуме ветра и безумном вое сирены, я и сама себя еле слышу.

— Напал? — удивляется Джеймс. — Ну не… ты хотела, Джорди Сан-тья-го. Ты всегда хочешь.

Старая песня. Как же достало слышать от мужчин, что если я раздеваюсь в интернете, то и в реале раздвигаю ноги для каждого!

---

[25] Сноски: 25
Сволочь! *(португ.)*

— А тебе вообще плевать? — презрительно шиплю я. — По барабану, да?

Кровь закипает от ярости. Так бы и вцепилась ногтями ему в лицо!

— Твоя жена видела, как ты на меня навалился в баре.

Он пятится:

— Чего? Да не.

У меня глаза вылезают из орбит.

— Почему же она так рванула прочь, что разбила стекло?

— А это она была? — морщится Джеймс. — Дело… дрянь.

Я складываю руки на груди, еле сдерживаясь, чтобы не выпалить, что я о нем думаю. Бет была вся в крови, когда выскочила из бара, и если она куда-то угодила, отчасти виновата в этом буду я. Вчера, когда она заявила, что я мечтаю переспать с ее муженьком, мне было побоку — если честно, такое со мной случается постоянно, — но теперь я поняла, что это не простая ревность. Сегодня, когда свет погас, у нее были такие глаза, что меня пробрало до глубины души.

Я смотрю на гостиницу.

— Куда она побежала, по-твоему?

Джеймс молчит, и приходится ткнуть его кула-

ком в плечо.

— Ох, мать твою. — Он тихонько рыгает. — Да откуда я знаю?

Она где-то в здании, спряталась и дрожит от ужаса, истекая кровью? Нет, конечно. Вряд ли она осталась внутри, услышав сигнализацию. Но если она вышла из гостиницы, то должна быть вместе со всеми на террасе!

Я поворачиваюсь к лесу. Трудно представить, чтобы кто-то отправился туда в такую погоду по доброй воле. Однако, глядя на высокие сугробы, я замечаю следы — прочь от «Кувастина» в лес тянется цепочка из отпечатков ног и капель крови.

— Вот! — кричу я растерянному Джеймсу. — Наверняка она пошла туда! — И добавляю уже сама себе: — Господи! Она же заблудится.

Я твердо решила вывести Инку на чистую воду, но та как сквозь землю провалилась. Хенрика тоже нигде не видно. Может, они сбежали, понимая, что игра кончена? Однако сейчас не до них — нужно скорее помочь девчонке. Нельзя ей бродить там одной в такую метель.

— Женщина пропала, — говорю я сотруднику отеля, который стоит ко мне ближе всех. — Она ушла в лес.

Глядя через его плечо, замечаю, что Роза по-

прежнему на меня смотрит. А вот Матео нет никакого дела, он что-то там листает в телефоне.

— Да, понимаю, — дежурно улыбается работник гостиницы. — Мы… мы отправим кого-нибудь за ней, как только приедут пожарные.

— Что? Вы погоду видите? — обвожу рукой вокруг. — Добираться они будут лет сто. Она к тому времени может погибнуть!

Парень с тревогой озирается. Мой громкий голос привлек внимание гостей.

— Ладно, — спрыгиваю с террасы в снег. — Если никто не собирается за ней идти, тогда пойду я.

— Мисс Сантьяго, пожалуйста, останьтесь возле гостиницы.

– *Hienoa. Nyt olemme menettäneet toisen.*

— *Älä syytä minua?*[26]

Пока персонал суетится, я ухожу все дальше в метель. До меня долетает голос Розы, она тоже меня зовет, но я притворяюсь, будто не слышу. Она попросит вернуться, а возвращаться нельзя. Кроме меня, Бет никто искать не будет.

Стены гостиницы, что защищали меня от ветра, остаются позади, и метель превращается в кару небесную — в этом пенном рое белой саранчи я

---

[26] Сноски: 26

— Замечательно! Теперь мы потеряли еще одного.

— А я тут при чем? *(фин.)*

даже собственных рук не вижу. А вот на земле следы и кровавые пятна еще заметны, поэтому я решительно стискиваю зубы и направляюсь дальше, навстречу ледяному ветру.

Когда я вхожу в лес и начинаю пробираться сквозь путаницу сплетенных веток, ярость бури немного ослабевает. Здесь неожиданно тихо, темный полог деревьев заглушает даже вопли пожарной сигнализации. Упрямо бреду вперед, сгорбившись и стуча зубами от холода.

Из чащи выхожу на вырубку — круглую поляну с торчащими тут и там пеньками, усыпанную ветками и хвоей. Поодаль, сгорбившись, стоит на коленях Бет; на снегу вокруг нее темнеют красные пятна. Я вздрагиваю при виде ее лица: оно залито кровью.

— Не подходи! — шипит британка, дрожа всем телом.

Вот тогда я и замечаю, что в руке у нее нож.

Бет

Замахиваюсь ножом. В лезвии видно мое отражение, искаженное гладкой сталью.

— Эй, не надо!.. Бет. Положи его.

Джорди не сводит с меня глаз, во взгляде — ужас. У меня дрожат губы от холода, и потому ответить нормально не получается.

— Я… я тебе г-говорила держаться п-подальше от… м-моего мужа.

Она делает крошечный шаг вперед, будто приближаясь к раненому зверю. Ее лицо совсем побледнело, оно почти синее, а щеки влажно блестят от растаявшего снега.

— В баре было совсем не то, о чем ты подумала.

— Н-нет… Ты этого давно добивалась! — выплевываю слова, брызгая слюной. — С тех самых пор, как ты сюда приехала. Я видела… как т-ты ему пишешь, это было у нас на экране. Я видела все!

Она опускает голову и со стоном закрывает лицо ладонью:

— Я писала, чтобы он отвалил от меня к черту.

Убрав руку, смотрит на меня открыто, с мольбой. Но я ей не верю.

— Я заценила твое видео. Т-ты искала кого-то такого же, как он. Хочешь секс с фанатом. А он… он твой самый п-преданный фанат.

Обхватываю руками мокрые дрожащие плечи. Я была так уверена, что найду хижины, укроюсь в одной из них, вдали от всех, наедине с ножом, но вместо этого очутилась на поляне, окруженная со всех сторон снегом. В висках пульсирует боль. Я совсем ослабела; чувствую себя как болванчик с головой на пружине. Тело стало каким-то чужим.

— Ты не понимаешь? — кричит мне Джорди, сжимая кулаки от досады. — Я не собиралась ничего делать! Это все… выдумка. Я просто сниму себя с каким-нибудь знакомым, притворюсь, что он случайный парень с улицы. Все, что я делаю в соцсетях, — фальшивка!

Ее кулаки разжимаются, точно расцветающие бутоны.

— Все!

Я почти готова ей поверить, но злость снова захлестывает меня.

— Ты врешь! Ты лгунья!

— Посмотри на меня, девочка, — говорит она уже тише, приближаясь. — Посмотри прямо на меня.

Наши взгляды встречаются.

— Это правда. Клянусь.

Я сильнее сжимаю рукоять ножа, а Джорди садится на корточки. Наши глаза теперь на одном уровне.

— Между нами говоря, — продолжает она, кивая в сторону, — твой муж — урод. Бросай его.

Джорди смотрит на нож.

— Из-за такого себя убивать не стоит. Уж поверь.

Грустно качаю головой. Никто не понимает, что я не хочу себя убивать. Мне только нужно сделать пару надрезов, чтобы облегчить боль. Надо как-то справиться с внутренним напряжением, иначе сердце не выдержит.

Почему я сразу не послушала маму? Надо было бросить его еще тогда, на танцполе в том вшивом клубе, и больше не вспоминать.

«Мужчины — глупые эгоисты и, не задумываясь, разобьют тебе сердце, — говорила она. — Будь начеку».

— Отдай нож, — просит Джорди, высоко поднимая брови. — Просто отдай, и все. Об остальном подумаем после.

Она пододвигается ближе, протягивая руку. В глубине души мне хочется сложить оружие, но

что, если все это хитрость? Вдруг она задумала тайно меня погубить?

— Не приближайся!

Я направляю дрожащее острие прямо на Джорди.

Она замирает.

— Послушай, сестренка. Если бы ты узнала меня поближе, ты бы поняла, что я терпеть не буду. Не отдашь нож — силой, с Божьей помощью, отберу.

Трясу головой, как упрямый ребенок, но она продолжает приближаться ко мне. Нож в руке дрожит, судорожные всхлипы сотрясают изнутри мое тело. Джорди уже совсем близко, ее решительный взгляд прикован к лезвию.

— Не трогай меня! — кричу сквозь рыдания.

Но она уже рядом — схватила меня за плечо, а другой рукой пытается вырвать нож.

— Никто не имеет права меня трогать!

Мы поднимаемся на ноги, не прекращая бороться. Нас хлещет ветер, вокруг клубятся тучи снега. Меня уже охватила паника, сердце колотится в груди, будто молот, и я чувствую, что по лбу стекает свежая, горячая кровь.

Но Джорди все же удается вырвать у меня нож.

Я отшатываюсь от нее:

— Не подходи! Оставь меня!

И вдруг — на мизерную долю секунды — я взлетаю, а затем начинаю падать. Вокруг наступает странная тишина. Изо всех сил вцепляюсь в куртку Джорди, стараясь удержать равновесие, и мы обе валимся в снег.

У меня какое-то странное ощущение, будто что-то грызет мои внутренности, жжет их огнем. Со стоном открываю глаза.

Мы с Джорди валяемся рядом и обе в полном недоумении смотрим на одну и ту же вещь — огромный нож торчит из моего живота.

Флетчер

Йоханна в костюме лося замирает, склонив голову. Жутковато, когда на тебя смотрит голый череп с горящими глазами.

Я снова зову ее по имени.

Тогда она поднимает маску, и теперь я вижу ее лицо, как будто мой голос разрушил колдовские чары. Йоханна озирается, как человек, проснувшийся в незнакомом месте.

– *Missä minä olen?*[27]

Я вхожу в дом и захлопываю дверь перед ветром и снегом. Лязганье пожарной сигнализации превращается в далекий жалобный визг.

С жалостью смотрю на женщину:

— Простите, но я ничего не понимаю.

— К-куда… — Она опускает глаза, подыскивая английское слово. — Куда я попала?

Йоханна моргает в полной растерянности, глядя на свои запорошенные снегом ботинки, и я понимаю, что это не актерская игра. Она и в самом деле не знает, как тут оказалась. Кажется, даже не понимала, кто она такая, пока я дважды

---

[27] Сноски: 27
Где это я? *(фин.)*

не окликнул ее по имени.

— Это ваш дом, — говорю я медленно и мягко, надеясь, что до нее дойдет смысл. — Вы здесь жили раньше.

На ее губах тенью дрожит улыбка.

— Дом, — кивает Йоханна. — *Kotiin.*

— Котиин, — повторяю я, и ее улыбка становится почти настоящей.

Но она замечает на себе ободранную грязную шкуру и приходит в ужас. Восклицает что-то по-фински, сбрасывает костюм и маску, хватается за голову.

Я подбегаю к ней:

— Йоханна, успокойтесь. Все нормально. Вам ничто не угрожает. Я думаю, вам нужно… — Я делаю паузу, пытаясь вспомнить правильное слово. — Паннукахви. Да! Паннукахви.

Услышав что-то знакомое, она немного успокаивается, тянется ко мне, и я сжимаю обе ее руки между своими, точно священник. Киваю на скамейку возле очага.

— Вы отдохните, а я приготовлю… паннукахви.

Она садится, ровно держа колени. Такая маленькая и робкая.

– *Olet erittäin kiltti.*

В замешательстве чешу затылок, и она пытает-

ся объяснить:

— Вы очень… добрый человек.

Старательно повторяя вчерашние действия Йоханны, под ее руководством я начинаю варить первый в своей жизни финский кофе. Наливаю в чайник воды, аккуратно ставлю, чтобы он не перевернулся, затем снимаю с огня короткой палкой. Добавляю молотый кофе и при этом внимательно слежу, чтобы всыпать ровно столько, сколько нужно. Возвращаю чайник на огонь.

Пока варится кофе, поднимаю с пола шкуру, которую носила Йоханна, и рассматриваю мусор, ловко приделанный к меху, — палки, сосновые веточки, кусочки коры. Над этим странным ведьминским одеянием явно поработала умелая рука. Сшито оно отлично и в точности имитирует легендарный облик демона. К рукавам пришита пара согнутых костылей, обернутых полосами меха, — они служат для того, чтобы изображать походку четырехногого существа. Неудивительно, что издали оно выглядело так неуклюже и жутко.

Но кто изготовил такой костюм и зачем? Как он оказался в хижине Йоханны?

Сложив одеяние, беру в руки маску с рогами. Красные глаза нарисованы особой краской — вот

почему они светились в темноте. Оглядываюсь, выбирая место, куда все это положить. Неподалеку стоит плетеный сундук с откинутой крышкой, и я, заглянув в него, обнаруживаю целую сокровищницу: маски лис, медведей и сов; украшения, примитивное оружие, рулоны декоративной ткани; полированные камни, фигурки гоблинов, фей и прочих сказочных существ, вырезанные из дерева и кости или свалянные из войлока. Похоже на коллекцию, которую можно было бы выставить в музее.

Я наконец понимаю, в чем дело.

«Когда „Кувастин“ только открылся, мы проводили выставку, посвященную местному фольклору… Произведения народного творчества… Резные фигурки, скульптуры, сувениры, связанные с лапландскими легендами…» Это говорила мне Инка сегодня днем в галерее!

Все части этой истории начинают складываться в единое целое. Когда выставка закрылась, кто-то без всяких церемоний побросал экспонаты в сундук и забыл о них. А потом костюм демона случайно попался на глаза Йоханне, и ее страдающее от недуга воображение сыграло свою роль. Разум этой женщины блуждает в сумраке, и точно так же стало блуждать ее тело.

Известно ли об этом Инке и Хенрику? Осознают ли они, в каком состоянии находится Йоханна? Мы едва знакомы, а мне уже очевидно, что ее психика серьезно повреждена. Она страдает от расстройства идентичности и провалов в памяти, а это опасно как для нее самой, так и для окружающих.

Я закрываю плетеный сундук, показываю на одну из самодельных кружек, стоящих у очага, и спрашиваю:

— Кукса?

Йоханна печально смотрит на меня:

— Кукса.

Я наливаю черный как смола кофе и уже собираюсь присесть рядом с Йоханной на скамью, но понимаю, что не смогу взять гладкие кружки в этих неуклюжих перчатках, выданных в гостинице. Едва я снимаю их, как женщина вскрикивает и зажимает себе рот худой рукой.

— Что с вами, Йоханна? Что случилось?

Со слезами на глазах она показывает на стену за моим плечом, где над полкой для посуды висит маленький холст. На уже знакомой мне картине — детская фигурка, блуждающая в лесу в окружении фей. Вчера Йоханна назвала этого ребенка Руско. Потом, когда Инка призналась,

что у матери родился мертвый ребенок, мне стала понятна реакция Йоханны. Она рисовала эту картину, чтобы дать выход безутешному горю и чтобы представить, каким мог бы вырасти сын, если бы выжил.

Йоханна протягивает мне фонарь, внутри которого колеблется огонек свечи. Жестом просит поднять его повыше и осветить картину.

Мягкий, рассеянный свет падает на холст, и я изумленно замираю. Ребенок не белый, как Йоханна. У него темная кожа, кудряшки и карие глаза, полные надежды.

К горлу подкатывает ком.

Сын Хайлендеров не мог быть ни черным, ни мулатом, однако Йоханна все же нарисовала его именно таким. А кроме того, мизинцу и безымянному на левой руке мальчишки не хватает фаланги!

Я подношу левую руку к свету и ошеломленно смотрю на свои короткие пальцы, которые причинили мне столько страданий. Это из-за них меня травили в школе те самые дети, которые вышвырнули меня во двор холодной зимней ночью. Этот физический недостаток — моя особая примета, и всю свою жизнь я прятал его от чужих глаз.

Я прилетел в этот древний, забытый богом уголок Лапландии по одной причине — раскрыть тайну своего рождения. Но никогда, ни за что я не мог представить, что получу такой ответ, что именно к этому приведет свидетельство об усыновлении, найденное мной в коричневом конверте на чердаке отцовского дома.

Йоханна стоит, прижимая руки к груди. По ее щекам катятся слезы.

– *Oh, poikani*, — шепчет она, и улыбка освещает ее голубые, как лед, глаза. — Мой мальчик… мой Руско.

Государственный обвинитель против Хенрика Хайлендера, июль 2026

Приложение V: отрывок из дневника Йоханны Хайлендер, глава № 6

(Перевод с финского)

Мой малыш. Моя потеря. Все думают, что он умер, но это неправда. Руско где-то там, далеко, и он ничего обо мне не знает.

Из-за этого я переживаю больше всего. И это самая глубокая из всех ран, которые нанес мне Хенрик. Она хуже всех изнасилований, всех издевательств и всех манипуляций. И даже хуже того, что он стер с лица земли мою деревню.

В начале наших отношений, летом тысяча девятьсот восьмидесятого года, я забеременела и, посчитав дни, поняла, что ребенок не от Хенрика. Отцом был мой бывший парень Бабатунде, студент из Нигерии, учившийся у нас по обмену. Мы познакомились дождливым днем в одной из стокгольмских галерей. Некоторое время встречались, но потом на сцене появился Хенрик, а Баба исчез. Я часто задавалась вопросом: а не пригрозил ли ему Хенрик, чтобы убрать с дороги?

Когда я сказала Хенрику, что ребенок не от него, отношения испортились очень быстро. Он настаивал, чтобы я сделала аборт, и я впервые

увидела, как безобразно он может себя вести и какой он самовлюбленный эгоист. Тогда он еще не имел надо мной власти, и я не изменила своего решения, однако, когда малыш родился, Хенрик вынудил меня отказаться от него. Убедил, что так будет лучше. Я слишком ослабла и была как в бреду после родов; мне кажется, я вообще не понимала, что происходит.

Ребенок родился мертвым. Так должны были думать наши друзья и родные. И даже мы сами.

Годы спустя, когда появилась Инка, я была на седьмом небе от счастья. Я наконец обрела любимого ребенка, свет в той тьме, которую принес в мою жизнь Хенрик. Но я по-прежнему думаю о Руско. Каждый час, каждый день. Боюсь, это сведет меня с ума.

Я больше себе не принадлежу.

Бывают дни, когда из моей памяти выпадают огромные отрезки времени. Я не знаю, где была весь вечер и что делала. Я просыпаюсь в своей хижине, в темноте, замерзшая, как ледышка, вся в грязи, ветках и листьях, совершенно одна. Мне снятся жуткие сны о зверях, которые обитают в лесу, о горящих красных глазах, изломанных ногах, топчущих землю.

В то же время события сорокалетней давно-

сти я помню так ясно, будто все это было вчера. Помню лицо моего малыша, которого держала на руках всего один драгоценный раз. Помню его тихий плач, его волшебный запах. Его милую левую ручку с двумя короткими пальчиками, такую крошечную на моей ладони.

Хенрик не захотел взять его на руки, даже взглянуть отказался. Если бы он встретил Руско сейчас, он бы не узнал эти пальцы. Ни за что не догадался бы, что мужчина, стоящий перед ним, это мой взрослый сын. Руско не его плоть и кровь, так что для Хенрика он все равно что умер, поэтому он с легкостью солгал, что мы потеряли малыша. В каком-то смысле он и сам в это верил. Ребенок исчез. На самом деле его никогда и не было.

Руско усыновила пара из Америки, и это все, что я знаю. Они были состоятельными людьми, приехали по делам и жили в Стокгольме, но в итоге, конечно, вернулись в Штаты. Они много лет пытались зачать ребенка, но безуспешно. Мы отдали им Руско, а они подарили ему новую жизнь. И наверное, новое имя. Совсем непохожее на то, которое было вначале, где-то там, в бесконечной дали от места, где он родился.

Я больше не получала известий от Бабатунде.

Иногда я думаю о нем и даже не представляю, что с ним стало. Но Руско, мой единственный сын? Я сердцем чувствую, что он жив!

Знаю, мы едва ли встретимся. Не стоит мне мучить себя мыслью об этом. И все же иногда в ночной тишине я прислушиваюсь к стуку своего сердца и разрешаю себе помечтать: я представляю, что однажды Руско вернется домой.

Джорди

Я в ужасе смотрю, как рукоять ножа двигается в такт дыханию Бет, а по ее блузке расползается кровавое пятно.

За лесом вопит пожарная сигнализация.

— Господи!

Скорее поднимаюсь на ноги и чуть не падаю снова, поскользнувшись.

Глаза Бет стали огромными, она подносит дрожащие руки к ножу.

— Я не… что… Вытащить его?

В панике хватаюсь за голову. Да я понятия не имею, что будет, если вытащить нож из раны! Ей станет хуже? Кровь хлынет сильнее?

— Что ты натворила?

Где-то позади дрожит от злости знакомый голос. Это Матео.

— Нет… — А вот и Роза. — Джорди! Только не это!

Два моих бывших лучших друга с лицами, запорошенными снегом, замерли на краю поляны, разинув рты от ужаса. За ними стоит, шатаясь, Джеймс и трет глаза. Вдалеке пробираются сквозь

подлесок, перелезая через упавшие деревья, две темные фигуры, мужчина и женщина.

Опускаю глаза, смотрю на нож, на свои дрожащие руки. Они все в крови.

— Погодите… нет…

— Окончательно тронулась, — шипит Матео с отвращением и поворачивается к Розе. — Вызывай «скорую». И полицию.

— Боже мой!

Джеймс бредет к нам по снегу, растерянно моргая, словно только начал осознавать увиденное. Он до сих пор в стельку пьян и шагает нетвердой походкой; глаза у него красные и мутные.

Он падает перед женой на колени:

— Принцесса, я… Блин, прости!

Вцепившись себе в волосы, Джеймс оглядывает ее с ног до головы. Бет сейчас похожа на героиню фильма ужасов: мало раны от ножа, так еще все ее тело изрезано стеклом.

— Я же не… Но как?..

Он умолкает, хмурясь, а затем поднимает глаза и смотрит прямо на меня.

— Ты! — произносит он, скалясь. — Это ты виновата!

Меня трясет.

— Н-нет, Джеймс… поверь. Это несчастный

случай!

Хриплый, рыдающий вопль разрывает воздух: Бет вырвала нож из раны; его серебристое лезвие покрыто кровью. Она запрокидывает голову и выпускает нож из пальцев; алое пятно на блузке начинает расплываться еще быстрее. Роза подбегает, зажав телефон между ухом и плечом, становится на колени и прижимает к ране ладонь, одновременно разговаривая с оператором службы спасения.

Джеймс сидит в снегу рядом с ними, качая головой.

— Ты ядовита, Джорди. Понимаешь? — говорит Матео.

Он вышел из-под деревьев и направляется в мою сторону, а за ним уже спешат те двое, что пробирались по лесу.

Это Хенрик и его дочь Инка.

Меня колотит дрожь, и я обхватываю себя руками; в глазах мельтешат белые искры. От холода плохо соображаю.

— Матти… о чем ты говоришь?

— Я давно за тобой наблюдаю. Ты все отравляешь. Не замечала такого? Испортила жизнь нам с Розой, испортила свою карьеру, а теперь… возможно, убила невинную женщину. — Он

смотрит на меня с таким омерзением, будто учуял падаль. — Все, к чему ты прикасаешься, отправляется прямиком в ад!

Мне хочется испепелить его взглядом. Но, возможно, он прав? Это ведь я заварила кашу. Это у меня была дурацкая мечта сделать жизнь лучше. А что получилось в итоге? Анекдот, пародия. Мем. Если моими стараниями кому-то и стало лучше жить, то лишь извращенцам в интернете. Мечтам построить школу пришел конец; все это бесполезно. Я гожусь только на то, чтобы снимать трусы перед камерой.

— Верно… — бормочет Джеймс, кивая.

Он с усилием встает на ноги; в руке у него нож.

— Ты отрава, — указывает он острием в мою сторону, почти смеясь. — Ты меня обманула. Всех облапошила… шлюха!

Я вздрагиваю, пронзенная ужасом, и отступаю назад. Не спускаю глаз с ножа. Хватит ли этому парню трезвости, чтобы не пустить его в ход?

— А если Бет умрет? — продолжает он, приближаясь. — Если она умрет, виновата будешь ты… не я… Потому что я ни фига такого не делал.

— Ты пытался… — с трудом выговариваю слова. — Пытался меня изнасиловать!

— Бывает, — до ужаса будничным тоном от-

вечает он, дернув плечом. — А ты зарезала мою жену, чокнутая шлюха.

Он с ненавистью бросается на меня, держа нож возле бедра. Пытаюсь отскочить, однако нога цепляется за пень, и я падаю, как мешок с картошкой. Джеймс уже рядом, и я понимаю: это конец.

Закрываю лицо руками.

Флетчер

Я хватаю Джеймса за пояс, и мы вместе падаем в снег. Несколько секунд боремся, но затем он разжимает мои руки, отползает и встает на колени. Неуклюже размахивает ножом.

— Это не твое дело, дружище! — Он так пьян, что не может сфокусировать на мне взгляд. — Не играй в героя!

Не забывая о ноже, быстро оглядываю поляну — стараюсь понять, что произошло. Бет лежит на земле, ее лицо и тело в крови. Еще пробираясь по лесу, мы слышали душераздирающий вопль. Выходит, кричала она? Кудрявая девушка сидит рядом с ней, а насмерть перепуганная Джорди прислонилась спиной к дереву. Вокруг еще несколько человек, в том числе Инка и Хенрик. Атмосфера напряженная.

За моей спиной топчется в снегу продрогшая и растерянная Йоханна Хайлендер. Я укутал ее в свою куртку, чтобы согреть. Не следовало ей выходить на улицу в такую погоду, но я не хотел оставлять ее одну в хижине. Она слишком хрупкая, и нервы у нее на пределе. Я сорок лет

даже не подозревал о ней, не мог защитить ни от кого и ни от чего — и теперь намерен наверстать упущенное.

— Вы сейчас отдадите мне нож. Поняли меня? — говорю спокойно, протягивая руку. — Пострадавших здесь уже достаточно.

Джеймс пыхтит, играет мышцами, глаза его бегают туда-сюда. Он угодил в замкнутый круг собственного тупоголового мужланства, как пьяница в баре, который не может вспомнить, почему затеял драку. Никогда не отступай, никогда не сдавайся. Однако я уверен, что сумею обезоружить его, нужно лишь уловить момент.

— Джеймс, просто положите нож на землю. Сделайте правильный выбор.

Он смотрит на Джорди, потом на жену, и вдруг его лицо искажает гримаса ужаса. Он испуган, как маленький мальчик, и я, пользуясь этим, подскакиваю к нему и мертвой хваткой сжимаю запястье.

— Отвали!..

— Нож, Джеймс. Бросьте нож!

Сильнее выкручиваю руку, и он рычит от боли:

— Ты мне не указ…

— Хватит! Хватит! — перебивает громкий жен-

ский голос, почти что визг. — Пожалуйста, все вы, прекратите!

Посреди поляны, задыхаясь от волнения, стоит Инка. Джеймс роняет нож, и мы расходимся в стороны, тяжело дыша. Он потирает запястье.

— Хватит драк и крови, прошу вас! — продолжает Инка. — Во всем виновата я. Простите.

Она морщится так, словно у нее вот-вот начнется истерика.

— Все это сделала я.

Мы изумленно молчим, слышно только, как ветер завывает в кронах деревьев.

— Что это значит? — спрашивает кудрявая девушка из Бразилии.

Кажется, ей удалось остановить кровотечение, но Бет, по-моему, без сознания.

Инка делает такой глубокий вдох, словно не дышала много дней.

— Все, что здесь произошло, — моих рук дело. Утечка данных и те безумные вещи, которые вы видели… Все подстроила я.

— Что?

Инка вздрагивает. Вопрос задал ее отец.

— Это правда, — с вызовом отвечает она, повернувшись к нему.

Брови Хенрика сходятся к переносице.

— Но, Инка… почему?

Она проходит между мной и Джеймсом и встает рядом с Йоханной. В глазах блестит сталь.

— Из-за того, как ты поступил с мамой.

Стоило ей заговорить о матери, как глаза наполнились слезами.

— Ты ее сломал!

Смотрю на них, и до меня доходит: если Йоханна — моя мать, то Инка — наполовину моя сестра. А ведь я в детстве так мечтал, чтобы у меня был младший брат или сестренка! Кто-то, кто понял бы мою боль или хотя бы мог меня утешить.

Хенрик бросает по сторонам осторожные взгляды.

— Думай что говоришь, девочка. *Tänk efter.* Люди все слышат.

— Мне все равно. — Инка скалит зубы. — Пусть все узнают!

Она берет бледную, слабенькую руку матери.

— Я всю жизнь наблюдаю, как ты над ней издеваешься, перемалываешь ее. И ты… ты не остановишься. И никогда не собирался.

Подбородок Инки дрожит. Другой рукой она обнимает Йоханну за плечи.

— Мне пришлось это сделать.

Я вспоминаю, как сегодня утром стоял в том

закрытом для посторонних коридоре, подглядывая за Хенриком и его дочерью. Смотрел, как он ругает ее за небрежность и грубые ошибки. А на самом деле она допустила их намеренно.

Инка никогда не была заодно с отцом. Она работала против него.

— Но… как? — Хенрик запинается, его глаза блестят, как две серебряные монеты. — Ты сказала, что… что система курирования сбоила из-за вируса, какой-то вредоносной программы…

— Не было никакого вируса, папа. Я сама все запрограммировала.

Хенрик сжимает кулаки.

— Невозможно! Ты не могла так поступить.

Он решительно направляется к ней, взбивая ботинками свежий снег.

— Тебе пришлось бы узнать очень личные вещи о гостях…

— Я наняла детектива. Он провел расследование, отправил результаты мне, а я… скормила информацию программе.

Хенрик на миг теряется:

— Кого наняла?

Она качает головой, стиснув губы.

В первые секунды Хайлендер не двигается. Затем одним внезапным прыжком вдруг оказы-

вается перед дочерью и хватает ее за горло.

— Говори!

Йоханна кричит. Инка вцепилась в руку отца и старается ослабить его стальную хватку. Ее лицо багровеет, глаза полны ужаса. Я вскакиваю на ноги и бросаюсь ей на помощь, но тут с губ Инки срывается имя, и Хенрик разжимает пальцы.

— Гевин Райт, — повторяет Инка, высвобождаясь и кашляя. — Этого человека зовут Гевин Райт. Он когда-то работал на тебя.

Хенрик притворяется удивленным:

— Не припомню такого.

Его дочь сплевывает в снег.

— А вот он тебя не забыл, — говорит она, вытерев губы. — Помнит, как ты кинул его, не заплатив за работу в две тысячи одиннадцатом. Уговаривать его мне не пришлось.

Хенрик уже отвернулся и потирает подбородок, но слова дочери действуют на него как заостренная палка на быка: он вдруг замирает и снова бросается на нее.

— Да как ты, черт возьми, смеешь? — ревет он и движением настолько быстрым, что я не успеваю даже глазом моргнуть, отвешивает ей оплеуху тыльной стороной ладони.

Инка падает, а он подходит и рывком при-

поднимает ее, схватив за шиворот. Йоханна с воплями пытается его остановить, но он отшвыривает ее и начинает размеренно бить дочь кулаком по лицу. До меня доносится ужасающий глухой хруст. Инка сопротивляется, но скоро ее тело становится мягким, безвольным, как у тряпичной куклы. Костяшки пальцев Хенрика перемазаны кровью.

Я хватаю его за плечи и стараюсь оттащить в сторону. Он клонится назад, теряя равновесие, и размахивает кулачищем.

Для верности еще раз толкаю его со всей силы:

— Ради бога! Довольно!

Хенрик поворачивается, тяжело дыша. Его волосы, которые всегда были безупречно уложены, теперь торчат во все стороны.

Он яростно тычет пальцем мне в лицо:

— Флетчер… Рен! Даже не суйтесь! Вам ясно? Это семейное дело.

Его правая рука вся в крови, и на снегу вокруг темнеют бордовые капли.

— А я и есть член семьи.

Услышав это, он презрительно усмехается, но затем понимает, что я не шучу, и его лицо становится серьезным.

— Что?

— Инка — наполовину моя сестра.

Становится так тихо, что я слышу, как шепчутся вокруг и как Йоханна всхлипывает, сидя возле дочери.

— Если вы еще раз к ней прикоснетесь, я вас убью.

Хенрик расправляет плечи и смотрит на меня так, словно видит впервые.

— Ложь!

Достаю из внутреннего кармана коричневый конверт, вынимаю свидетельство об усыновлении и ладонью припечатываю его к груди Хайлендера. Пару секунд он глядит на лист с угрюмым подозрением, затем порывисто разворачивает его и пробегает глазами. Чем дальше он читает, тем заметнее становится, как на его скулах играют желваки.

Так он стоит довольно долго, не произнося ни слова. Вдалеке по-прежнему визжит сигнализация.

Наконец Хенрик поднимает голову и, глядя мне прямо в глаза, сминает лист и запускает его, словно мячик, в кроны деревьев, где тот, весело перескакивая с ветки на ветку, теряется из виду. Я готовлюсь к драке, но Хайлендер лишь улыбается и поправляет воротник.

Он приближает губы к моему уху и шепчет, царапая кожу щетиной:

— Надо было тебя прикончить, пока была возможность.

Затем отступает, щелкая пальцами.

— Йоханна, дорогая, вставай, — сурово произносит он, не сводя с меня глаз. — *Tule tänne*[28].

Женщина не двигается, и он наклоняется к ней, все больше закипая.

— Я ведь лез в эту чащу за тобой, дорогая, — говорит он нараспев, будто перед ним четырехлетняя девочка. — Мне сказали, ты снова удрала, как чертов кролик.

Он хватает ее за щеки, сжимая их пальцами, будто двумя пинцетами:

– *Mennään*[29].

Йоханна качает головой, слезы катятся из ее глаз на руки мужа. Она поглядывает на меня в поисках поддержки, но я не уверен, как лучше поступить. Провоцировать Хенрика опасно.

— Думаешь, после того, что натворила наша дочь-дьяволица, между нами все кончено? — шипит он, отпустив ее. — Ты по-прежнему моя жена,

---

[28] Сноски: 28
Иди сюда *(фин.)*.

[29] Сноски: 29
Пойдем *(фин.)*.

Йоханна! *Olet vaimoni*[30].

Она неохотно встает, и Хенрик тут же вцепляется ей в плечо.

— Вам всем придется нас извинить, — говорит он фальшиво-бодрым тоном. — Какой-то маньяк поджег мою гостиницу, так что мне нужно заняться кое-какими делами.

Издалека доносится пронзительный вой пожарных сирен.

— Но когда я выясню, кто это сделал, он пожалеет, что не погиб в пожаре. Попомните мое слово.

Взяв жену под руку, Хенрик гордо ведет ее по снегу в темные объятия леса, а над пологом деревьев поднимаются в бесконечное небо клубы черного как сажа дыма.

---

[30] Сноски: 30
Ты моя жена *(фин.)*.

Год спустя

Флетчер. Рио-де-Жанейро, Бразилия

Машины еле ползут по Авенида Бразил. Кондиционер отважно борется с жарой, но после перелета мне все равно так хочется спать, что глаза сами закрываются.

Достаю телефон, начинаю листать в приложении список подкастов, и вдруг мой палец замирает над заголовком.

«Темное зеркало: история гостиницы „Кувастин“».

Заключительная часть уже вышла? Глядя на далекие горы, что проплывают за окном автомобиля, вставляю наушники. Роскошные зеленые вершины, которыми знаменит Рио, уходят высоко в небо, укрепляя оживленные окраины города, будто могучие крепостные стены. А тем временем впереди уже показались фавелы — нищие поселения, где жмутся друг к дружке сотни крошечных лачуг, построенных из бетона, досок и брезента.

— Простите за опоздание, миста Рен, — говорит шофер, глядя на меня в зеркало заднего вида. — Возле фавел обычно пробок не бывает.

— Разве это ваша вина? — отвечаю с улыбкой.

Опускаю глаза и вижу, что пришло сообщение от Дэвида. Ничего особенного, просто фото его завтрака: авокадо на тосте.

Дэвид

Семена чиа – вещь. Ты, как всегда, прав!

Улыбаюсь и глажу пальцем экран.

Мой психолог советует почаще пользоваться словом «бойфренд», особенно на людях. Я еще стесняюсь его произносить, но уже не чувствую такого жгучего стыда. И это прогресс.

Флетчер

Погоди, я еще пажитник тебе не рекламировал!

Отправляю ответ и возвращаюсь к последней части подкаста. Держу над заголовком палец, не решаясь нажать. Сначала я вообще не хотел ничего слушать. Тот отпуск, особенно его последний день, так меня измучил, что я и помыслить не мог о том, чтобы воскресить его в памяти. Однако у меня остались вопросы.

Тогда произошло слишком много такого, что

можно понять, лишь внимательно анализируя события. А я уже выучил один важный жизненный урок: чем дольше ты прячешься от своих демонов, тем они сильнее.

В первых частях подкаста мне рассказали всю невероятную историю, которая разворачивалась в гостинице в течение трех февральских дней. Каждая глава была посвящена отдельному человеку, и меня самого тоже не обделили вниманием. Этот эпизод я не слушал, но друзья говорят, что в нем со мной обошлись довольно мягко. Что ж, и на том спасибо.

— Темное зеркало: история гостиницы «Кувастин», — начинает ведущий.

Машина дергается, резко затормозив, и мы опять застреваем в пробке. За окном перекликаются раздраженные гудки.

— Сегодня, в День святого Валентина, ровно через год после странных и загадочных событий, мы публикуем шокирующее завершение нашей серии, в котором окунемся глубоко в историю таинственного семейства Хайлендер: магната Хенрика, его жены Йоханны, а также их взрослой дочери Инки, бывшей сотрудницы «Кувастина», а в настоящее время — осужденной преступницы. Хенрик много лет истязал родных, а в феврале

прошлого года его жестокость наконец привела к печальным последствиям, став причиной не только скандала, поджога и паники, но и кровопролития. История семьи Хайлендер…

Ведущий начинает свой рассказ, все больше углубляясь в лабиринт событий, приведших в итоге к падению Хайлендера. Мы снова слышим, что Инка, с ее блестящим образованием, предпочла работать в гостинице отца и что «Кувастин» действительно можно назвать семейным бизнесом.

Хенрик считал выбор дочери свидетельством преданности, но на самом деле она поступила так из страха за мать.

Отрезвляющая правда заключается в том, что Хайлендер почти всю жизнь обращался с Йоханной очень жестоко. Его излюбленными методами были сексуальное насилие и психологические манипуляции. Со временем это спровоцировало у нее множество психических расстройств. В своем роскошном столичном таунхаусе Йоханна годами жила в депрессии и состоянии острого тревожного расстройства, часто не понимала, где находится, страдала провалами в памяти. Все это — симптомы диссоциативного расстройства идентичности, той самой болезни, которая и вы-

нудила ее надеть странный костюм и ходить по территории гостиницы, считая, что она мифический зверь из финского фольклора. Серьезность ее состояния доказывает тот факт, что она не помнила и до сих пор не помнит, где бывала и что делала, изображая лося. Не помнит, как бродила среди деревьев вокруг обсерватории, как поднялась по технической лестнице, ведущей на террасу номера для молодоженов, и стояла перед их окном, как восковая кукла. И поскольку ее всегда видели под покровом темноты или издали, иллюзия, созданная костюмом, продержалась до тех пор, пока я не застал ее в хижине. Однако диссоциативное расстройство не единственное, хоть и самое серьезное, из заболеваний Йоханны. Из-за жестокости мужа она также страдала от посттравматического синдрома и, хотя панически боялась Хенрика, была не способна бежать и не способна жить без него.

«Стокгольмский синдром», — сухо добавляет ведущий подкаста.

Хенрик был деспотом, который заботился только о своей репутации и потому скрывал плачевное состояние жены от публики. Единственным человеком, который знал правду, была их дочь Инка. Всю свою жизнь она была

свидетельницей страданий матери и наконец решила что-нибудь предпринять. Она знала, что идти в полицию бесполезно, потому что ее отец — влиятельный человек со связями и легко выйдет сухим из воды, какие бы обвинения ему ни предъявили. Вместо этого Инка обратилась к Гевину Райту, частному детективу, который давно уже имел зуб на Хенрика, и попросила его поискать, не найдутся ли скелеты в отцовском шкафу. Она поняла, что лишь полный крах репутации Хайлендера поможет ей вырвать Йоханну из его крепких лап.

Первым ударом стали обвинения в жестоком обращении с животными. Утечка видео, сделанного на фабрике, принесла Хенрику серьезные финансовые проблемы как раз накануне открытия «Кувастина», однако не запятнала его доброго имени. Скандал привел лишь к тому, что за решеткой оказался некий Сигвард Йонссон, бывший военнослужащий, которого Хенрик сделал козлом отпущения. Кровожадный подлец, по которому и так уже плакала тюрьма, все еще отбывает срок, получив за свои преступные деяния щедрую плату от Хайлендера.

В отчаянной попытке спасти мать Инка снова обратилась к детективу. Гевин Райт был в то вре-

мя на грани банкротства после тяжелого развода и проблем с алкоголем и потому с готовностью согласился. Он понимал, что сможет и дальше тянуть средства из трастового фонда Инки: в его глазах это было все равно что получить с Хенрика долг, да еще с процентами. Вместе с Инкой они разработали план, как использовать «Кувастин», самую обсуждаемую гостиницу на свете, чтобы погубить Хайлендера с помощью его собственного детища.

Перевернуть концепцию гостиницы с ног на голову придумал Гевин. Это ему пришло в голову превратить лучшие воспоминания гостей в ужасающее разоблачение тайн и лжи. А главное, что бы ни происходило в гостинице, это должно было пахнуть скандалом, достойным крупнейших таблоидов.

Сначала необходимо было разозлить гостей — вызвать шквал жалоб, публикаций в соцсетях и даже судебных исков, — а уж потом выйти с этой историей на мировой уровень. Люди должны были посвящать этому подкасты, до хрипоты спорить онлайн о том, кто прав, множить мемы, треды и хештеги. Чтобы как следует вывалять Хенрика в грязи, нужно было постараться — устроить все так, чтобы офисные работники от

Торонто до Тель-Авива сплетничали о скандале с «Кувастином», стоя возле кулера в понедельник утром. А когда Инке становилось стыдно вытаскивать на свет личную информацию незнакомых людей, она напоминала себе, что иначе ее мать может не дожить до следующего Рождества.

После скандала с утечкой данных о тестировании косметики Гевин опасался, что его раскроют. Кроме того, он по опыту знал, что на поиск компромата нужно время, а потому предложил Инке на год залечь на дно, хорошенько все подготовить и нанести следующий удар в середине февраля две тысячи двадцать пятого года. Уик-энд в честь Дня всех влюбленных должен был стать дополнительной приманкой для прессы, и заголовки придумались бы сами собой. Если повезет, можно было даже заманить в гостиницу каких-нибудь молодоженов.

Инка тоже внесла свой вклад в работу: она хорошо изучила программное обеспечение системы гостиницы. Хенрик планировал нанять опытного специалиста, который отвечал бы за индивидуальные программы гостей, но Инка убедила его, что можно обойтись и без этого. Она обладала необходимыми навыками и могла управлять процессом самостоятельно, работая

сверхурочно и выполняя дополнительные обязанности помимо своей роли консьержа, чтобы гарантировать идеальный результат. В первый год так оно и было. Хайлендер мог лишь мечтать о таком спокойном плавании.

Более того, никто, включая самого Хенрика, не заподозрил бы Инку в саботаже. Он, конечно, разозлился на нее, когда начались проблемы, но она смогла объяснить все сбои вирусом, действием вредоносной программы — словом, воспользовалась традиционными отговорками, которыми специалисты обычно пудрят мозги тем, кто ничего не смыслит в информационных технологиях.

Теперь в своих интервью Инка не щадит детектива, вместе с которым рушила отцовскую репутацию. Гевина Райта она описывает как аморального и бесстыдного человека, но признается, что ее отец точно такой же, а иногда приходится вышибать клин клином. Она говорит, что ей противно даже вспоминать о тех гадостях, которые она делала ни в чем не повинным гостям, а из личных бесед с ней я знаю, что она, несмотря на то что спасла нашу мать от бесконечных мучений, никогда по-настоящему себя не простит.

Гевин Райт, отбывающий срок в Нортумбер-

ленде, в Англии, не выражает в интервью ни малейшего раскаяния: «Хайлендер мне никогда не нравился, даже пока я на него работал. Если его дочке захотелось отвалить мешок папочкиных денег за то, чтобы я взломал почту пары-тройки богатеев, установил GPS-трекеры на их телефоны и накопал грязных секретов, что ж… Дареному коню в зубы не смотрят. В наше время, чтобы узнать о человеке всю подноготную, много не нужно: капля смекалки и связи с правильными людьми. А половину информации он сам опубликует в этом своем инстаграме. Ну да… с одной стороны, не такой уж я умный, раз оказался тут в наручниках, но с другой — свою работу я сделал, потому что все вы только об этом и говорите».

Единственное, о чем молчит подкаст, — это моя удивительная и неожиданная связь с Хайлендерами. Я стараюсь держать ее в тайне. Хенрику было стыдно в этом признаться, а Йоханна и вовсе наотрез отказывается говорить с журналистами. Удивительно, что Гевин ничего не раскопал на эту тему, да я и сам обнаружил подсказку только благодаря стечению обстоятельств.

В моем свидетельстве об усыновлении не указаны биологические родители (в то время это было запрещено шведским законодательством),

поэтому я в своих догадках мог опираться лишь на результаты генеалогической экспертизы, которая показала, что одна половина моих генов происходит из Нигерии, а другая — из маленького девственного уголка Лапландии. Подобные тесты очень неопределенны с точки зрения географии, но этот регион такой малонаселенный, что результаты привели меня прямо в Сюнккасало.

Вскоре, к своему разочарованию, я выяснил, что там уже давно никто не живет, и был готов сдаться, как вдруг все вокруг заговорили о новой гостинице, построенной, как ни поразительно, в тех самых краях. Стоит ли говорить, что, когда я бронировал номер — со смутным намерением побывать на земле предков и успокоиться наконец, — я никак не ожидал, что в гостинице живет моя мать, что она замужем за человеком, который ее открыл, а моя сестра работает там консьержем.

Но давайте вернемся к нашим дням.

Инку приговорили к году тюрьмы за мошенничество с использованием личных данных, а Гевин Райт отбывает аналогичный срок за взятки и злоупотребление служебным положением. Хенрик ожидает суда. В Швеции ему предъявлены обвинения в изнасилованиях, сексуальном наси-

лии при отягчающих обстоятельствах, а также в том, что называется «грубое нарушение неприкосновенности женщины». Истицами выступают многочисленные женщины из его прошлого, включая почти всех сотрудниц «Кувастина». И хотя Хенрик использовал свои связи, чтобы как можно дольше оттягивать начало судебного процесса, общее мнение таково, что он все же сядет. Возможно, у него есть власть и влияние, но жертв — двадцать семь, и они полны решимости.

Тем временем моя мать избежала тюремного заключения за то, что сожгла «Кувастин» дотла: суд признал ее недееспособной. В настоящее время она проходит курс реабилитации в психиатрической лечебнице в Финляндии, где я часто ее навещаю. Не сомневаюсь, что и моя сестра после освобождения тоже будет делать так.

Мы трое медленно, но верно движемся к тому, чтобы стать семьей.

— Приехали! — внезапно говорит шофер, возвращая меня из подкаста к реальности.

Я прячу наушники.

— Большое спасибо.

Машина пристроилась на самой вершине улицы, круто уходящей вниз, в грязный и замусоренный квартал. Поблизости собака обнюхивает

дохлую птицу, а под навесом у магазинчика стоят два босых мальчугана лет десяти и с любопытством разглядывают меня, прищурившись.

Выхожу из машины, и тут же меня окликает голос:

– *Olá*[31], незнакомец!

[31] Сноски: 31
Привет *(португ.)*.

Джорди

Флетчер оборачивается, и его лицо озаряет широкая улыбка. Он явно не ожидал увидеть меня такой: без макияжа, с волосами, собранными в хвост, в мешковатых джинсах и белой футболке. Раньше я бы ни за что так не оделась.

— Добро пожаловать! — говорю я, приподнимая солнцезащитные очки. — Нашим загородным клубам, конечно, до Бель-Эйр далеко, зато парковка дешевая.

Я распахиваю руки, и мы обнимаемся. Смущенно, но с нежностью.

— Рад тебя видеть! — отвечает Флетчер, и я знаю, что говорит он искренне.

— И я тебя.

Пару секунд мы просто смотрим друг на друга. За прошедший год постоянно болтали по видеосвязи, строили планы, но после «Кувастина» лично встречаемся в первый раз.

Я стою против солнца, поэтому щурюсь:

— Как там поживает твой нереальный красавчик?

— У него все отлично. Распробовал семена чиа.

— А, так он хипстер?

Упираю кончик языка в щеку, чтобы не рассмеяться.

— А у меня недавно было свидание, — говорю я, пнув камешек, лежащий в пыли. — С парнем, которого Роза нашла мне в интернете. Он графический дизайнер.

Не хочу пока строить большие планы, но у меня хорошее предчувствие насчет Диего. Он очень умный и просто невероятно красивый, а самое главное — абсолютно нормальный. И ему все равно, что у меня было в прошлом. Такой вот он сказочный, прямо единорог. После «Кувастина» парни боялись со мной встречаться, а тем, кто не боялся, нужно было только одно. Ну, были еще такие, кто хотел выудить из меня историю, чтобы затем продать ее сайтам, где собирают сплетни.

Мы с Розой до сих пор живем вместе в уютной квартирке в Ботафогу, а вот Матео я не видела почти год, с того самого дня, как мы уехали из особняка. Он, в отличие от нас, так и остался инфлюенсером, и дела у него идут весьма неплохо. Я за него рада. Пусть мы больше не общаемся, но что с того? Мне все равно приятно бывает увидеть в Сети его контент. Думаю, он для этой игры приспособлен лучше, чем я.

— За Джорди Сантьяго ухаживают? — приподнимает бровь Флетчер. — Ну и дела! Выкладывай.

— Я теперь свою личную жизнь держу в секрете, — отвечаю с усмешкой. — Но он хороший. Очень, очень… хороший.

Он потирает затылок и спрашивает сочувственно:

— И ты в такой день решила встретиться со мной, а не с ним?

Я протестующе машу рукой:

— День святого Валентина с гетеросексуальным парнем — это так по-бумерски! Нет уж, сегодня гуляем с тобой, амиго.

— Как скажешь, — качая головой, смеется Флетчер.

Секунду я задумчиво смотрю на него. Какое же безумие свело нас вместе и сколько всего изменилось с тех пор!

Флетчер теперь намного счастливее, чем был в прошлом году. Стал более открытым. Все время рассказывает о матери и о том, как он учится говорить по-фински, летает к ней, когда есть возможность, просто чтобы посидеть рядом и послушать ее рассказы. Еще он переписывается с Инкой. Но самая хорошая перемена — это что те-

перь он думает не только о «Смол-ток» и уделяет больше времени другим проектам, а среди них нет ничего важнее, чем узнать поближе родных, на поиски которых у него ушло полжизни.

— Как там насчет твоего старика? Накопал хоть что-то? — спрашиваю я, засунув руки в задние карманы джинсов.

— Ищу потихоньку. Нигерия — страна большая, — вздыхает он и чуть заметно пожимает плечами. — Но мы все равно его найдем. Я не сдамся.

Прижимаю Флетчера к себе. Пару секунд мы стоим, обнявшись, а затем я разворачиваюсь и обвожу рукой улицу:

— Итак…

Мы оба теперь смотрим на фавелу — деревянные хибары, бочки на крышах, клубки электрических проводов, спутанных, как вареные спагетти.

Я подношу к виску руку, в шутку салютуя Флетчеру:

— Готов строить школу, старина?

Он делает глубокий вдох, осматривая округу:

— Я готов, мисс Сантьяго. Ведите же меня.

Бет. Танджунг-Ру, Лангкави, Малайзия

Я откидываюсь на руки, поставив их за спину, и зарываю пальцы в теплый песок. Над пальмами взлетает стайка птиц; силуэты крыльев темнеют на фоне медово-золотого неба. Смотрю, как они парят над океаном в благоухающем вечернем воздухе и медленно тают вдали.

За прошедшие три недели я повидала немало великолепных закатов, но этот, пожалуй, самый прекрасный из всех.

Малайзия дала мне все, о чем я мечтала, и даже больше. Офелия наверняка наморщила бы носик, услышав о скромных маленьких хостелах для пеших туристов, в которых я останавливаюсь, но мне они подходят идеально. Ты встречаешь столько интересных людей, которые расширяют твои горизонты и бросают вызов предубеждениям. Чувствуешь, как постепенно меняешься день за днем.

На пляже компания подвыпивших студентов фотографируется на фоне заката. Самый высокий держит телефон над головой, стараясь уместить

всех в кадр, поймать правильный ракурс, чтобы дома все с ума посходили от зависти. «Жизнь как море», — напишет он потом под этим фото. Или что-то подобное. Волны, солнце, счастье.

Нащупав в кармане шорт старый телефон-раскладушку, улыбаюсь.

В этом отпуске никаких селфи. Это моя малайзийская мантра. Пока я здесь, буду собирать воспоминания по старинке и хранить там, где никто до них не доберется. Прошли те деньки, когда я мотала себе нервы, придумывая идеальный пост в инстаграме, чтобы заработать одобрение незнакомцев или знакомых, которые мне даже несимпатичны.

Кроме того, отсутствие смартфона означает, что я пока не слушала подкаст о «Кувастине». И вряд ли когда-нибудь стану это делать. Не то чтобы я боялась, но он не для участников тех событий. Он для офисных клерков, любителей документалок о преступниках, для тех, кто скучает в метро по дороге на работу. Словом, для посторонних людей, которые совершенно не понимают — да и с чего бы им понимать? — каким потрясением обернулся для каждого из нас визит в эту гостиницу.

Вот уж не думала, что когда-нибудь смогу назвать себя разведенкой, не говоря уже о том, что

это случится, когда мне еще нет и тридцати. Однако должна признаться, что я в каком-то смысле горда этим званием. Зла на Джеймса я больше не держу. На самом деле у меня практически не осталось к нему никаких чувств, кроме жалости. После нашего расставания он закрутил роман с Офелией, и вскоре ее брак с Джоно развалился. Развод стоил им уйму денег, и, как я недавно слышала, таунхаус в Примроуз-Хилл выставили на продажу, а Офелия живет у родителей. Со временем измены, обиды и ревность подточили старую дружбу, и университетская компания Джеймса развалилась.

Что касается меня, то, когда мы вернулись из Финляндии, я покинула Лондон и вернулась в Шеффилд, где снова начала общаться с друзьями детства. Я снимаю квартиру по соседству с мамой и теперь каждый день забегаю к ней поболтать и выпить чашечку чая. Я устроилась учителем в свою старую школу и уже весной начну работать. Я даже сходила на несколько свиданий, хотя никто меня пока особо не зацепил. Продолжаю встречаться, но с выбором не спешу. Посмотрим, как оно будет дальше.

Терапию в «Смол-ток» я не бросила и каждую неделю наблюдаю положительные изменения.

Я уже девять месяцев не наносила себе ран. Хотя навязчивое желание иногда все же посещает меня, эти эпизоды стали очень редкими. Мы подали на отца в суд, и с него теперь должны взыскать украденные деньги. Когда их вернут, я скажу маме, чтобы она оставила их себе. Она ведь продала машину, чтобы погасить наш долг за «Кувастин», и слушать ничего не хотела. Я только сейчас понимаю, что, когда мы были детьми, мама пожертвовала ради нас всем, даже своим счастьем, а я так и не поблагодарила ее за это. Теперь пришел черед мне о ней позаботиться.

Легкие, пышные облака розовеют в лучах заката. Что может быть лучше, чем оказаться здесь год спустя после «Кувастина»? Сидеть в одиночестве на одном из самых красивых пляжей мира, смотреть, как небо меняет цвет, становясь из янтарного пламенно-багряным. В Лапландии, конечно, есть свое очарование, но я содрогаюсь от одной мысли о жутком, безумном отпуске среди льда и снегов. То, что там произошло, просто невозможно понять.

Ровно год назад в этот самый день — роковой День святого Валентина — машина с автопилотом везла нас в гостиницу, а мимо проплывали просторы морозной тундры и зазубренная линия

горных вершин на горизонте. Я тогда думала, что это будет самая незабываемая поездка в нашей жизни. Я была так уверена, что знаю все наперед.

«После „Кувастина“ все изменится», — сказала я себе тогда.

Так оно и вышло.

Девять месяцев спустя

Йоханна. Психиатрическая лечебница Грурко, Центральная Финляндия

Йоханна вскрикивает и садится на кровати, зажав руками уши. Ее сердце бьется так сильно, что в такт ударам содрогается все тело.

В кошмаре снова приходил он. Надвигался, оскалив зубы, сквозь которые сочилась темная кровь, как нефть, что поднимается из земли.

– *Mamma, ei hätää. Olet turvassa, lapsesi ovat täällä. Kukaan ei voi satuttaa sinua*[32].

Инка гладит дрожащую руку матери сквозь рукав больничной пижамы. Она уверяет Йоханну, что та в безопасности, что ее дети рядом и никто ее не обидит, но сама при этом тревожится. Она бросает взгляд на брата, который сидит, слегка сутулясь, с другой стороны кровати. Они понимают друг друга без слов. Почти два года прошло с тех пор, как они вырвали мать из лап жестокого мужа. Ее психическое и физическое здоровье восстанавливается семимильными шагами.

---

[32] Сноски: 32

Мама, не волнуйся. Ты в безопасности, твои дети здесь. Никто не сможет тебя обидеть *(фин.)*.

Тревожность, диссоциативное расстройство и приступы мании значительно снизились, однако на фоне новостей о том, что Хенрик пытается обжаловать приговор, начали терзать ее с новой силой. Ни лекарства, ни терапия, ни слова на нее не действуют.

– *Muista… missä olet*, — говорит Флетчер на ломаном финском, поглаживая руку Йоханны. — Вспомни, где ты.

– *Minä kyllä muistan*[33], — спорит мать, в слезах глядя на своего заново обретенного сына, который вернул в ее жизнь столько радости и покоя. — *Minä kyllä muistan.* Я помню… все помню.

Йоханна слаба, но далеко не глупа. Она понимает, что ее муж в тюрьме, что он заперт в другой стране, в сотне миль отсюда; что в лечебнице круглосуточная охрана; что здесь, в окружении высоких каменных стен и ее любимых прекрасных финских лесов, она в безопасности и Хенрик не явится под покровом ночи и не выкрадет ее прямо из постели. Она сознает, что человек, который слонялся вчера по двору, на самом деле не тайный агент, посланный за ней шпионить; что ее сын нанял одного из умнейших адвокатов

---

[33] Сноски: 33
Я помню *(фин.).*

мира и тот неустанно работает, чтобы нелепая апелляция Хенрика даже не дошла до суда.

«Он никогда тебя больше не тронет», — уверяют ее дети.

Однако человек, терзавший ее больше сорока лет, является ей в кошмарах каждую ночь. Он там, в зыбкой тьме лабиринтов ее сознания, и она не может отделаться от чувства, что сын и дочь ошибаются.

Хенрик. Тюрьма Линдхаген, Северная Швеция

У Хенрика Хайлендера сегодня отличное настроение. Подозрительно хорошее для того, кто отбывает двенадцатилетний срок за принуждение к половому акту, побои и серийные изнасилования.

Однако Хенрик Хайлендер не такой, как другие заключенные Линдхагена. Может, он пока и ходит с ними по одним коридорам и пользуется одной и той же раковиной, но — с той единственной точки зрения, с которой и нужно на все смотреть, — они находятся на разных полюсах. В мире за пределами тюрьмы он обладает таким влиянием и весом, о которых эти безнадежные ничтожества могли бы только мечтать. Сбрасывать со счетов его нельзя.

В этот самый момент, когда Хенрик стоит перед треснувшим зеркалом в общей душевой, команда юристов, известных своими агрессивными методами, готовит апелляцию, призванную обелить его имя.

Да, все верно: вонзить в него нож на суде вызы-

валось целых двадцать пять женщин, включая стаю подлых шлюх из числа сотрудниц «Кувастина», а к ним присоединились его жена и дочь. Их слезливых историй хватило, чтобы присяжные сочли его виновным. Но других присяжных можно поколебать. Убедить, массируя правильные точки. А свидетели? Они ведь иногда отказываются от показаний, разве нет? Возможно, кто-то заглянет к ним в гости поздно вечером, когда они укладывают детей, и убедительно попросит изменить свое мнение.

Юристы сообщают ему, что на свет вышли какие-то новые улики. Факт, конечно, любопытный, но думать об уликах — не его дело. Его дело — предвкушать, как он снова окажется на свободе, будет чувствовать на щеках свежий скандинавский ветер, когда сам того пожелает; будет наслаждаться бритьем без необходимости слушать при этом, как мелкий жулик, выросший в спальном районе, опорожняет кишки.

Хенрик смотрит на себя в зеркало и восхищается отражением, в который раз удивляясь, как молодо он выглядит и сколько хороших лет у него еще впереди. Когда он наконец выберется из этого логовища беззакония, он заключит такие контракты и провернет такие сделки, которые

вернут его на карту быстрее, чем вы произнесете «полностью оправдан». Как сладко будет смотреть в глаза тем, кто в этом сомневался! Потому что на свободу он выйдет обязательно. Он это чувствует. Не он первый и не он последний угодил в такую передрягу, и, когда все благополучно закончится, он немедленно вернет свою двуличную жену. Он точно знает, где она провела последние полтора года, потому что за ней следят его люди, и, как только он выйдет, забрать ее оттуда не составит никакого труда. Достаточно будет просто сделать один телефонный звонок.

Он не потерпит, чтобы за его супружеской жизнью и дальше следил весь мир; чтобы ему перемывали косточки в этом подкасте, изобилующем самыми грязными подробностями.

Нет. Пусть Йоханна смирится с тем, что она принадлежит Хенрику Хайлендеру и будет принадлежать ему всегда!

А пока что связи внутри Линдхагена помогут ему скрасить оставшееся время. Снабдят его бутылочкой хорошего виски, и копченым норвежским лососем, и даже баночкой запрещенной икры. Для заурядного преступника тюремная жизнь не сахар, но если аккуратно надавить, использовать свое влияние, то для правильного

человека все будет по-другому. Не все птички сидят в одинаковых клетках.

— Давай! Шевели ногами! — сурово окликает кого-то охранник в коридоре.

Хенрик цокает языком, глядя на свое отражение. Вчера привезли новых заключенных из какой-то другой тюрьмы, и теперь Линдхаген трещит по швам. Совершенно ясно, что камер на всех не хватает, и обстановка накаляется. Хенрику еще не доводилось управлять делами исправительных учреждений, но он уверен, что справился бы гораздо лучше имбецилов из местного руководства. Если не брать в расчет убийц и педофилов, тюрьма — это все равно что гостиница, с иронией думает он.

Но что это? Где-то в душевой что-то скрипнуло. А ведь Хенрик считал, что он здесь один. Волоски у него на затылке становятся дыбом. Пора бы уже убраться отсюда.

Он начинает собирать туалетные принадлежности с края раковины и вдруг слышит, как рывком открывается дверь, затем по полу шлепают чьи-то босые ноги. Хенрик уже готов уйти, когда за его спиной в зеркале появляется кто-то очень большой и крепкий. Он стоит неподвижно, опустив тяжелые, мясистые руки. В голове Хен-

рика молнией вспыхивает мысль.

Он знает этого человека!

Бритая голова, толстая, как дубовый ствол, шея, обвитая татуировкой в виде колючей проволоки. Черные акульи глазки.

Это Сигвард Йонссон. Его бывший сотрудник, работавший когда-то на фабрике «À Vous». Очевидно, его тоже привезли сюда вчера. Этот человек по приказу Хенрика проводил нелегальные испытания косметики на животных, чтобы хозяин мог сэкономить деньги и затем с помпой открыть «Кувастин». От этого человека Хенрик с самого начала планировал избавиться, если их темными делишками заинтересуются власти. Йонссон отсидел без малого три года из своего многолетнего срока, который только увеличился после того, как наружу выплыли его прошлые, оставшиеся безнаказанными, грехи — причинение тяжкого вреда здоровью и пытки.

Молчаливый, похожий на людоеда Сигвард шагает к раковинам. Хенрик стреляет глазами на ближайший выход, но как раз в этот миг щелкает задвижка — дверь только что заперли с другой стороны. Он вздрагивает, хочет убежать, но пугающе мускулистая рука Сигварда выдвигается, будто поршень, и преграждает ему путь, вцепив-

шись в край фаянсовой раковины с такой силой, что, кажется, вот-вот раскрошит его.

За стиснутыми зубами Хенрика копится крик, но кричать не имеет смысла — на помощь никто не придет. Нужно излучать силу и превосходство, будто бы ты на встрече совета директоров. В тюрьме нет места слабости. Покажи этой безмозглой горе мускулов, кто здесь хозяин! Но что потом? Он представляет себе реакцию Сигварда, и в груди, словно множество пауков, начинает метаться страх.

Хенрик чувствует жар, исходящий от мышц гиганта, его откровенную физическую мощь, резкий запах пота от кожи. Его нечеловеческий, почти звериный дух. И тут зеркальный Сигвард, возвышаясь над Хенриком, поднимает левую руку. В ней зажат какой-то маленький инструмент.

Заточка. Импровизированное оружие из клейкой ленты и бритвенных лезвий.

Хенрика бросает в холод. Ему отлично известно, какие зверства творил Сигвард с пленными, пока служил в отряде особого назначения. Именно за черствость, за полное равнодушие к страданиям Хайлендер его и нанял. В военных кругах о жутких деяниях Сигварда шепотом говорили даже участники боевых действий. Он рвал уши, точно

мясник, сдирающий плоть с костей. Он выковыривал глазные яблоки, голыми руками раздирал челюсти, пока нижняя часть рта не повисала, как сломанные качели на детской площадке.

Между несчастными жертвами и Хенриком, конечно, было одно важное различие: Сигварда они не обидели. Он пытал их по велению сердца, а не из мести.

И когда до Хайлендера доходит, что договориться с таким чудовищем невозможно и что его влияние в мире бизнеса не имеет здесь никакого значения, в его сознании рождается ужасающий вопрос.

Что такой дьявол, как Сигвард Йонссон, может сделать с человеком, который его подставил?

Лениво поигрывая заточкой, Сигвард поднимает голову, смотрит в глаза отражению Хенрика в треснувшем зеркале и хищно улыбается.

Ваш зеркальный дневник подошел к концу.

Благодарим за то, что так подробно рассказали нам о себе, а также за то, что выбрали «Кувастин», наш бутик-отель, расположенный в незабываемых лесах Лапландии. Мы с нетерпением ждем встречи с вами.

Все будет готово к вашему приезду. Ваши самые драгоценные воспоминания будут отражены с кристальной четкостью. И, глядя в наше поистине уникальное зеркало, вы встретитесь лицом к лицу с самым важным человеком в вашей жизни.

Вы наконец поймете, кем являетесь в глубине души.

Надеемся, увиденное вам понравится.

Благодарности

Я хотел бы сказать особое спасибо моей жене Пип за то, что нашла места, которые вдохновили меня на создание «Кувастина». За северного оленя, нелепые шубы и ту девушку, которая сделала тридцать семь селфи у бассейна!

Спасибо моему агенту Эду Уилсону. Ты моя скала, моя Полярная звезда, ты ветер, несущий мои крылья. (Что ты имел в виду, когда сказал, что я злоупотребляю метафорами?)

Благодарю мою команду в издательстве «Thomas & Mercer» — Мейзи Лоуренс, Йена Пиндара, Дженни Дэвис, Джемму Уэйн и всех, кто работает за кулисами. Спасибо вам за поддержку, за гибкие сроки и за то, что помогли мне увидеть за деревьями лес (да, каламбур неслучаен).

Как всегда, спасибо моим друзьям, семье и группе за ваше терпение. Уверен, быть рядом с писателем временами невыносимо.

И да, если я загадочно смотрю в пустоту, я почти наверняка думаю о проблеме в сюжете. Или о клавитарах.

И наконец, спасибо моим любимым учителям

— Джерри Оуэнсу, Джейн Уотрет, Марин Ленехан и профессору Дэвиду Пантеру. Вы изменили все. Спасибо.